PATRIA

Союз потомков Латифшаха Бараташвили

Поговорим, брат…

Материалы рабочих встреч месхетинских репатриантов и Круглого стола "Преодоление негативных стереотипов в отношении депортированных месхетинцев"

Тбилиси - Батуми
ноябрь 2001 г. – февраль 2002 г.

Тбилиси
2002

Союз потомков Латифшаха Бараташвили

PATRIA

При финансовой поддержке организации
"Международное Ненасилие"

Поговорим, брат...

Материалы рабочих встреч месхетинских репатриантов и Круглого стола "Преодоление негативных стереотипов в отношении депортированных месхетинцев"

Тбилиси - Батуми
ноябрь 2001 г. – февраль 2002 г.

Тбилиси
2002

Поговорим, брат…

Let's talk, brother…

Компьютерный набор Клара Бараташвили
Корректура Лидия Бараташвили
Редактор Марат Бараташвили
Верстка Лали Урушадзе

Данная публикация стала возможной благодаря финансовой поддержке организации "Международное Ненасилие"

Союз потомков Латифшаха Бараташвили

PATRIA

☎ (99532) 95 06 96
e-mail: patria@geo.net.ge

Дата выпуска
05.05.2002 г.

Тираж 100 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брошюра, которую вы держите в руках, представляет собой итог проекта Союза "Patria" "Поговорим, брат…", реализованного при финансовой поддержке региональной общественной организации "Международное Ненасилие".

Целью нашего проекта было начать диалог между месхетинскими репатриантами и населением Грузии путем личных встреч и проведения Круглого стола. Кроме того, проект должен был содействовать снятию негативных стереотипов у населения Грузии в отношении депортированных месхетинцев, которым предстоит репатриироваться к себе на Родину.

Публикации, включенные в настоящую брошюру, представляют собой материалы рабочих встреч месхетинских репатриантов с представителями различных слоев населения Грузии.

Главной темой этих встреч был поиск взаимоприемлемых решений для бесконфликтной репатриации депортированных месхетинцев.

С каждой встречи мы выносили что-нибудь ценное для себя. Некоторые встречи проломили лед непонимания и недоверия, помогли нам понять чувства местного населения. В свою очередь, наши собеседники тоже познавали нас, и стали понимать, что месхетинцы – это обычные люди, только лишенные Родины вот уже 58-й год.

По итогам рабочих встреч был проведен Круглый стол "Пути преодоления негативных стереотипов в отношении депортированных месхетинцев", в работе которого приняли участие представители неправительственных организаций и общественности Грузии, международных организаций, а также признанные эксперты по нашей проблеме.

Участники Круглого стола приняли самое активное участие в открытой и конструктивной дискуссии. Они выразили искренне стремление помочь депортированным месхетинцам, которым предстоит репатриация в Грузию. Была принята Резолюция, в которой говорилось о необходимости продолжать диалог с широкими слоями населения.

Следует заметить, что записи дискуссий были отредактированы, поскольку устная речь и печатная публикация имеют разные стили. Нам также пришлось дать только краткие выдержки из выступлений участников Круглого стола, чтобы избежать по-

второв. Но смысл выступлений воспроизводится без принципиальных изменений.

Конечно, при помощи такого маленького гранта во времени и денежном выражении невозможно полностью изжить негативные стереотипы у населения Грузии. На их создание было затрачено несоизмеримо больше средств и времени. Советская пропаганда насаждала их десятилетиями, и на это работал бюджет СССР. Однако мы убеждены, что начало такого диалога будет способствовать взаимопониманию. Путем прямого общения с местным населением делается попытка развенчать образ врага. Мы убедились, что контакт между простыми людьми – самый эффективный путь к бесконфликтной репатриации. Как сказали нам на одной встрече: "Мы видим, что вы на правильном пути".

Мы уверены, что, используя разнообразные формы и методы по укреплению доверия, можно добиться бесконфликтной репатриации месхетинцев в Грузию. И это станет еще одним значительным шагом в продвижении нашего общества на пути к демократии и уважению прав человека и гражданина.

Когда шел этот проект, мы еще не знали, что готовятся новые репрессии в отношении депортированных месхетинцев, в частности, в Краснодарском крае. Мы еще не знали, что краевые власти Кубани посмеют надругаться над Конституцией России и российскими законами. Что месхетинцев там ожидают фильтрационные лагеря и новая депортация – неизвестно куда и уже неизвестно который раз... Только тоталитарное общество могло породить такое явление, как принудительная высылка народов. "Наказанный" народ превратился в изгоев.

Это убеждает нас в необходимости продолжения нашей работы. И мы будем ее продолжать. Вы можете написать нам, связавшись с нами по электронной почте. Ваши мнения будут учтены в наших последующих публикациях.

Встреча – Диалог

МЕСХЕТИНСКИЕ РЕПАТРИАНТЫ – ВЫНУЖДЕННО ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА ИЗ АБХАЗИИ

Тбилиси, 17 ноября 2001 г.

УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ

1. **Амриев Ясин** – молодежный союз "Месхети"
2. **Бараташвили Клара** – Союз "Patria"
3. **Бараташвили Марат** – Союз "Patria", Союз Грузинских Репатриантов
4. **Гобеджишвили Иамзе** – представитель ВПЛ из Абхазии
5. **Грдзелишвили Цицино** – Ассоциация женщин ВПЛ из Абхазии
6. **Киквадзе Айдын** – молодежный союз "Месхети"
7. **Лазишвили Эльдар** – молодежный союз "Месхети"
8. **Макаридзе Нуриддин** – молодежный союз "Месхети"
9. **Насаридзе Григорий** – Союз Инвалидов Абхазии
10. **Татидзе Джемшид** – молодежный союз "Месхети"
11. **Шаганидзе Джалил** – молодежный союз "Месхети"

***

Марат Бараташвили – Здравствуйте. Меня зовут Марат. Я представляю Союз "Patria". Раньше я был членом общества "Хсна" ("Спасение"), это объединение депортированных месхетинцев. Позже обществом "Хсна" были предприняты такие действия, как составление анкет. Например, когда человек вступает в это общество, он подписывает какие-то бумаги, что признает себя этническим грузином. С другой стороны, "Хсна" утверждала, что в Грузию приедет только тот депортированный, который является членом этого общества и, соответственно, признаёт себя грузином... А те, кто не признают себя грузинами, они в Грузию просто не попадут. Мы посчитали это несправедливым. У нас были консультации, встречи с репатриантами, которые проживают в Грузии... Мы решили, что возвращаться на свою Родину, в Грузию должны иметь право все, кто считает Грузию своей Родиной. Независимо от того, кем он себя считает.

Клара Бараташвили – Те, кто был депортирован...

Марат Бараташвили – Да. И поэтому мы так и назвали нашу организацию – Союз грузинских репатриантов. Мы не считаем, что сюда должен возвращаться только тот, кто считает себя грузином... Кто считает себя турком, курдом, тараками... или там является членом общества рыболовов, или какого-то другого общества. Независимо от его членства и его самосознания права должны быть обеспечены для всех. Вот так родилась организация Союз Грузинских Репатриантов, которую я тоже представляю наряду с Союзом "Patria".

В разные годы в Грузии, с некоторыми оттенками, менялось отношение к вопросу депортированных месхетинцев, и к их репатриации в Грузию. Раньше считали, что вообще не нужно никого возвращать. Мол, это преступление советского режима, и почему это общество должно отвечать за это дело. И много было противников того, чтобы здесь, в Грузии, принять какой-то закон относительно этой проблемы. Хотя во всех других странах СНГ, откуда были депортации народов, такие законы приняты (о реабилитации, о репатриации), и процесс везде пошел... Только месхетинское население осталось без закона, без реабилитации, без репатриации. То есть, до сегодняшнего дня не существует никакой законодательной базы. После того, как Грузия вступила в Совет Европы, вопрос закона уже более или менее решен. В течение 2-х лет должен был быть разработан законопроект, и этот закон должен был быть принят до апреля этого года. Два года вступления Грузии в Совет Европы истекли в апреле этого года. Ну, из-за того, что государство наше молодое, отношение к этому вопросу неоднозначное (был даже откровенный саботаж некоторых государственных чиновников), поэтому в этот срок не уложились, закон к апрелю не был подготовлен ...

Совет Европы посчитал целесообразным продлить этот срок – не принимать сгоряча сырой и несовершенный закон, повременить с его принятием, лишь бы работа была проведена качественно. Лучше хороший закон принять попозже, чем плохой принять сразу, и потом много лет его совершенствовать. Мы знаем, сколько у нас, в Грузии, принято законов на скорую руку – только потому, что такой закон был необходим, и до сих пор многие из этих законов мы совершенствуем и никак не доведем до конца.

Мы посчитали, что эта точка зрения Совета Европы правильная, срок был отложен до конца этого года, даже в повестке

дня парламента стоял этот вопрос о том, что он будет обсуждаться, и приниматься в декабре...

Но, видимо, в связи с последними событиями, с отставкой правительства с формированием новых отношений, не исключено, что это перейдет и на следующий год. Но, наряду с этим законом, есть еще одно обязательство нашей страны: **в течение трех лет со дня вступления в Совет Европы должна начаться поэтапная добровольная репатриация депортированного месхетинского населения**. То есть, до апреля 2002 года уже должна начаться репатриация. Будет закон принят в январе, в феврале, но не позже апреля 2002 года, первые люди в соответствии с этим обязательством уже должны вернуться в Грузию.

Это законодательная сторона. Есть другая сторона. Практическая, бытовая. У людей тоже разное отношение. Одни говорят, что надо всех без разговоров, в одночасье вернуть в Грузию. Вплоть до того, – хочет, не хочет – всех надо вернуть, а потом – кто не хочет, тот сам уедет. Как, мол, увезли эшелонами, так всех и привезти назад. А те, кто против этого, они, дескать, – изменники Грузии, и чуть ли не расстрелять их.

Это одна крайность. Есть другая крайняя точка зрения. Месхетинцев вообще не следует возвращать. Они все – поголовные враги, их выслали, как врагов народа, они таковые и есть. Действительно – до сих пор их никто не реабилитировал, никто не заявил, что эти люди невиновны. Раз выслали, – значит, виновны.

Но истина, видимо, где-то посередине. Которую мы пытаемся найти. Найти эту истину можно только в общении, в обсуждении, в сопоставлении разной информации – с той и с другой стороны. И что досадно, что некоторые политические круги разыгрывают месхетинскую карту в том плане, чтобы натравить одну часть Грузии на другую.

С одной стороны – это месхетинские репатрианты, которые уже живут в Грузии (они граждане Грузии), и с другой стороны – это насильственно перемещенные люди из Абхазии, тоже граждане Грузии. И говорят, дескать, здесь у них такие проблемы, ужасные жизненные условия, неустроенность... Все силы государства должны быть нацелены на то, чтобы восстановить территориальную целостность Грузии, вернуть население в свои дома (имеется в виду, в Абхазию), и раздроблять свои силы государство не имеет права. И если, мол, мы будем заниматься

другими серьезными проблемами, это нас отвлечет от главного. Даже, когда разговор заходит о Совете Европы, говорят: при чем тут Совет Европы? Мы вступали в Совет Европы для того, чтобы вернуть Абхазию, при чем тут какие-то месхетинцы? Совсем не для этого, мол, туда вступали, и это обязательство нам навязали.

Именно поэтому Союз "Patria" посчитал, что первая встреча в рамках этого проекта "Поговорим, брат..." должна состояться между месхетинскими репатриантами и о насильственно перемещенными лицами из Абхазии. Чтобы посмотреть, – где тут истина, что тут отвечает нашим общим интересам, что им противоречит. Должна ли быть какая-то очередность в решении проблем, если должна, то какая из них первая? Какая вторая? Если не должно быть никакой очередности, то, как сделать, чтобы все это параллельно решалось? Что мы можем сами сделать в этом плане, что мы можем у кого-то требовать и кого-то привлекать к этой работе.

Вот круг вопросов, который предусмотрен для нашей встречи. Я еще хочу напомнить, что проект "Поговорим, брат..." – это часть пилотной программы организации "Международное ненасилие". Они знают, что у нас сегодня запланировано и будет проведена эта встреча. Но, в любом случае, слово каждого из присутствующих, сказанное устно или написанное письменно, не останется безрезультатным. Оно будет учтено, отражено в публикациях, которые последуют за этими встречами, оно будет фигурировать во всех отчетах. И у нас есть надежда, что эта встреча даст какой-то ощутимый результат.

Теперь. У нас запланирован мозговой штурм... может, некоторые не знают, что такое мозговой штурм. Мы будем выявлять сферы наших интересов в связи с этой проблемой. Пока мы будем представляться, каждый из вас подумайте, что вас волнует в данной проблеме. Потом уже мы начнем обсуждать те вопросы, которые нас будут больше интересовать. Клара, пожалуйста. Потом по кругу и пойдем.

Клара Бараташвили – Я Клара Бараташвили, директор Союза "Patria", месхетинка, дочь лидера депортированных месхетинцев Латифшаха Бараташв..ли. Журналистка. Я много пишу, публикуюсь. Кстати, мы подобрали для вас литературу, газеты. Можете взять, если вас будет что-то интересовать. Мой отец написал книгу, вернее, он написал свои мемуары, я их дополнила, прокомментировала, и эта книга "Мы – месхи" издана в журнале

"Литературная Грузия" в 1988-89 годах.

Цицино Грдзелишвили – Я Цицино Грдзелишвили. Я встречалась с месхами во многих местах, в том числе и в Бишкеке, и знаю мнение этих людей. Многие люди хорошо устроены там, в Киргизии, и устремлены в сторону Турции. Я знаю мнение людей, которые хотят возвращаться, и много работают над этим. Я знаю разные позиции. Я знаю борьбу Клары и Марата за то, чтобы называться месхетинцами, а не турками-месхетинцами, – это прозвучало на Женевской конференции. И на Женевской конференции перед Кларой извинились и поменяли слово "турки-месхетинцы" на "месхетинцы". Я с удовольствием пришла на вашу встречу.

Иамзе Гобеджишвили – Врач, ВПЛ из Абхазии. Меня очень интересует эта тема.

Григорий Насаридзе – Насаридзе Григорий, Союз Инвалидов Абхазии. Мы уже второй раз с Маратом встречаемся. Я из Абхазии, и меня очень интересуют эти вопросы. Я заинтересован в том, чтобы то, что случилось в Абхазии, больше не повторялось. Так как я знаю ваш вопрос поверхностно, я хочу вникнуть внутрь, и узнать – что вы хотите? Что вы думаете, что вы говорите о наших.

Клара Бараташвили – А чем вы занимаетесь?

Григорий Насаридзе – Моя работа – реабилитация, гуманитарная помощь, помогаем инвалидам, которые пострадали во время войны в Абхазии.

Джемшид Татидзе – Джемшид Татидзе, студент 7-го курса Тбилисского Государственного Медицинского Университета. Месхетинец.

Нуриддин Макаридзе – Я Макаридзе Нури, месх, студент третьего курса юридического института. Можно, я на грузинском буду говорить?

Марат Бараташвили – На любом желающем языке.

Цицино Грдзелишвили – Хочешь на грузинском – говори на грузинском.

Нуриддин Макаридзе (*продолжает по-грузински*) – Наша семья в 1997 году переехала в Ахалци..е, живет сейчас там. А я учусь в Тбилиси.

Ясин Амриев – Я Амриев Ясин, приехал из Бишкека, в августе, в 2001 году. Сейчас учусь на подготовительном отделении Тбилисского университета, изучаю грузинский язык, собираюсь

поступать на английский язык. До 1989 года мы проживали в Западной Грузии, в городе Хони. Потом, в 1991 году, нас вынудили уехать. Сейчас я один приехал, должен адаптироваться, и если будет возможность, семья тоже приедет сюда.

Айдын Киквадзе – Киквадзе Айдын, студент юридического факультета ТГУ, представляю Союз "Месхети".

Клара Бараташвили – Спасибо. Я хочу сказать, что люблю наших ребят. И мне каждый раз приятно, когда они собираются. И я, честно говоря, горжусь, как будто это при помощи меня они здесь появились. Хотя какая-то доля правды в этом есть. Я рада, что наши ребята познакомятся с вами, и мы поговорим о вещах, которые интересуют нас всех. Спасибо.

Марат Бараташвили – Мы немножко познакомились друг с другом…

Цицино Грдзелишвили – Я побольше знаю, потому что я работаю с Кларой и Маратом. А Гия, например, вообще ничего не знает о вашей проблеме.

Был проведен мозговой штурм, в результате которого выявились 3 основных вопроса, интересующих группу:

1.История месхетинского вопроса.

2. Что думают ВПЛ из Абхазии о месхетинцах?

3. Влияние репатриации месхетинцев на решение абхазского вопроса.

Клара Бараташвили – Спасибо. Приступим к обсуждению. Кто первый?

Айдын Киквадзе – Начнем с того, что Месхети исторически всегда считалась территорией Грузией. Она была иногда единым государством, а в большинстве случаев была разделена на отдельные княжества. Но исторически там всегда жили грузинские племена. Это не оспаривается, да?

И второе. Представим себе, что мы были турками, представим. О нашем заселении туда никакого исторического документа нет. Ведь должно же быть, что когда-то туда приехали турки. Если мы туда приехали. Если мы – турки. Это уже тоже оспаривается.

Значит, мы – коренные жители, да? Это просто не оспаривается. И нужно исходить из этого. А то, что мы стали такими вот… У нас больше 10 самоназваний можно насчитать. Есть, например, англичане, русские, а у нас где-то 10 названий будет.

"Турок", "турок-месхетинец", "грузин", "грузин-мусульманин"… Кто, как умеет, так про нас… Мы не употребляем – "грузин", "турок". Просто говорим: "наш народ".

А то, почему нас называю турками, этому тоже есть свое объяснение. Турки начали заселяться на территорию Малой Азии тысячу лет тому назад. Там раньше Византийская империя была, где, в основном, греки жили и другие народы. Постепенно все эти народы отуречивались. Я несколько раз в Турции был, еле-еле одного человека нашел, который сказал: "Я – настоящий турок". У них у всех, историческое происхождение своё – то из Югославии, то из Сербии, Болгарии, курды там, грузины… Они все знают свое историческое происхождение. Но они все – граждане Турции.

Цицино Грдзелишвили – В Турции, я знаю, большая грузинская диаспора. Но они все – турки.

Айдын Киквадзе – Вот в чем дело. Сейчас, например, президент Турции – родом из Северного Кавказа. В султанской Турции было где-то около 40 визирей, и 90 процентов были не турки. Потому что там так – хоть ты другой нации, но если служишь Турции, ты – турок.

Клара Бараташвили – А теперь, по отношению к нам.

Айдын Киквадзе – По отношению к нам было более слабо. Они полностью отуречились. А мы остались на половине этого пути.

Клара Бараташвили – А на какой половине мы остановились, Айдын, можно пояснить?

Айдын Киквадзе – Когда Россия нашу территорию отвоевала, мы были более грузинами, чем турками. Мы могли бы очень легко перейти на грузинскую сторону. Но если бы мы с того времени начали возвращение… Возрождать старое грузинское – то, что у нас было, то сейчас бы этой проблемы не было. Но, к сожалению, этого не произошло.

Когда я бываю среди наших стариков, замечаю, – они никогда ничего плохого о Грузии не говорят. Представьте себе, людей выселили из Грузии, а у них плохого о грузинах никогда не звучит. Они говорят с таким чувством, с любовью…

Клара Бараташвили – Некоторые даже плачут…

Айдын Киквадзе – У них ненависти нет. Вот вы, сколько здесь прожили, он из Абхазии беженец, сколько лет вы здесь?

Цицино Грдзелишвили – С 1993-го года…

Айдын Киквадзе – Почти 10 лет есть… Представьте себе, эти

люди 12 лет под комендантским надзором жили. Что это значит. Как в тюрьме – со своей семьей, детьми.

Марат Бараташвили – Из села нельзя было выезжать…

Джалил Шаганидзе – Вы свободно хоть перемещаетесь, а они тогда не имели права…

Айдын Киквадзе – Я полностью понимаю то, что вы пережили, я это могу понять. А вы сможете понять то, что мы пережили? Двенадцать лет под комендантским надзором… И после этого в Узбекистане как рабы работали. Вы в Узбекистане были? Там степи есть Сырдарьинские, видели? Это всё было пустыней. И эти люди там очень большой вклад внесли. Потому что работали, не покладая рук…

Клара Бараташвили – Но ты скажи, Айдын, после того, как спецпоселение кончилось. В 1956-м году, когда сняли этот режим…

Марат Бараташвили – Езжай, куда хочешь…

Клара Бараташвили – Куда хочешь, но не туда, откуда тебя выслали.

Айдын Киквадзе – В каждом селе сидел один комендант. В паспорте он тебе, что хотел, то и писал. Одному – "азербайджанец" писал, другому – "турок"…

Джалил Шаганидзе – "Кавказец" было даже написано у многих.

Айдын Киквадзе – Представьте себе, как это давило на человеческую психику. Но все равно у нас вот здесь, в сердце, остался отпечаток… То, что Грузия…

Я лично не верю, что это всё Советский Союз. Не надо всю вину сваливать на Советский Союз. Если бы Грузия захотела… Во время Советского Союза она всегда имела своих людей в Верховном Совете. На высоких должностях всегда грузины были. Если бы она хотела, я уверен, мы давно бы уже переселились. Но Грузия нас как-то полностью отвергала.

Клара Бараташвили – На твой взгляд – почему? Почему она отвергала?

Айдын Киквадзе – Потому что… Я не знаю почему!.. Этого я до сих пор не понимаю. Одна причина может быть – то, что мы были мусульмане. Больше ничего не могу сказать.

Цицино Грдзелишвили – Ну и что? Аджария тоже мусульманская…

Айдын Киквадзе – Я не знаю…

Клара Бараташвили – Спасибо, Айдын, было очень интересно.

Может, кто-то еще хочет сказать? Мы уже на сегодняшний день перешли, может, об истории еще поговорим?

Джалил Шаганидзе – Еще об истории. Айдын хорошо заметил, что в первые годы депортации было такое положение. Для того, чтобы перейти из одной деревни в другую, нужно было взять разрешение коменданта. И чтобы жениться, тоже надо было взять разрешение коменданта. Уже не говоря о разрешении на получение образования. Поступать в институт или университет – это было исключено. И постепенно у месхов терялось самосознание. Они фактически не имели связи с Грузией, со своими братьями, и когда связи со своей родиной уже были порваны, многие потеряли грузинское самосознание. Вы правильно поймите, если одному человеку 20 дней подряд говорить, что ты такой-то, такой-то, то он подумает, что он, правда, такой. А нам… были даже случаи, что в паспорте писали национальность "кавказец". Такой же национальности не существует! Или отцу писали "азербайджанец", а сыну – "узбек". И в таком положении месхи уже не могли представить себя грузинами.

Когда Грузия отказывалась принять месхов, этим она сама подтолкнула месхов, чтобы они искали другой выход. Насчет истории месхов, я бы сказал так, – 95 процентов месхов не знают своей истории, своего прошлого – кем они были, где они жили, историю своего региона.

Клара Бараташвили – А ты можешь сказать? Ты знаешь свою историю?

Джалил Шаганидзе – Я ***могу*** сказать…

Цицино Грдзелишвили – Можно мне? Вот, я знаю, что когда вы жили в Средней Азии, у многих из вас были изменены фамилии. Клара и Марат – они Бараташвили остались… Вот как это произошло? И есть ли в ваших семьях традиция помнить – какая была ваша грузинская фамилия, помнили ли вы и ваши предки? И как вы это восстановили? И если не восстановили…

Айдын Киквадзе – У меня сейчас фамилия Киквадзе. Брат моего деда имел эту фамилию. Когда они приехали Узбекистан, у него эта фамилия была. Он где-то в 1960 году умер, а его жена в 1996 году в Краснодаре умерла. И эта женщина умерла с фамилией Киквадзе. У моего же деда этой фамилии не было. А я нашу фамилию Киквадзе здесь восстановил.

Клара Бараташвили – Айдын уже гражданин Грузии.

Айдын Киквадзе – Мы все в Узбекистане называли себя

"кавказцами", нас тоже так называли. Мне было 10 лет, я был в пионерском лагере, мы в другой лагерь в гости пошли, там одна армянка была. Она спрашивает – ты какой нации? Я говорю – кавказец. Армянка говорит – я тебя спрашиваю, какой ты нации? А я говорю – кавказец я, чего ты хочешь? Она уже рассердилась. А я просто не знал, что сказать.

А вот, например, старики у нас. Они говорят – нас выслали, как "турков", вот пусть нас заселят обратно, как "турков", а потом мы скажем, кто мы такие. Они между собой, говорят,– да, происхождение у нас грузинское. Но как выселили, так пусть и заселят. Вот такое у них суждение.

Поезжайте к ним, спросите, кто они. Он может сказать, что он турок, но скажет, что исторически он был грузином. Если Грузия нас примет… Если кто поймет нашу боль, мы к нему всей душой и сердцем будем… Если Грузия нас примет, я уверен, что это будет очень легко всё восстановить.

В Ахалцихе уже живут 7 наших семей, их дети в грузинских школах учатся, и они только по-грузински общаются.

Многие боятся мусульманства. Но у нас этой фанатичности нет. Представьте себе, если бы мы почему-то не любили Грузию, грузин… За эти 57 лет хотя бы один пример вы можете привести – что один наш где-нибудь, в бывшем Советском Союзе, одного грузина просто избил… Был такой? Не было.

Это по отношению к грузинам.

И второе – по отношению к вере. Многие после терактов… Сейчас, вот, один пришел, говорит – вот, вы мусульмане, приедете, начнёте тут….

Моя семья, например, в Чечне живет. И чеченцы – мусульмане, и мы – мусульмане. Мы вообще против любой войны. Ни один человек из нас не участвовал – ни за чеченцев, ни за русских. Мы это просто отвергаем.

Сразу начинают, – автономию будут просить… Сперва нужно их понять. Мы же не говорим, – сразу нас привезите! Сразу не получится, постепенно надо.

Клара Бараташвили – Мне очень интересно, что Айдын сказал, но дадим возможность и другим сказать.

Цицино Грдзелишвили – Я думаю, то, что мы сейчас говорим, – это очень важно. Даже зная ваш вопрос, меня очень много интересует именно чисто в человеческих отношениях. Потому что я вижу, что ваши ребята очень стараются говорить на грузинском

языке. Джалила я знаю, Исо я знаю, вижу, как они хотят интегрироваться. Но в то же время вы поймите правильно этих людей, которых много лет обрабатывали… Я человек советский, так сказать, еще с менталитетом Советского Союза. Поэтому я помню все, что происходило с месхетинцами, это было чисто советское… Психоз был. Еще в те времена, когда считали, что "турки-месхетинцы" должны быть насильно заселены. Поэтому с той позиции, в то время (вы не обижайтесь, пожалуйста) вас представляли, как монстров. Даже те ферганские события в 1989 году, кстати говоря, были преподнесены немножко по-другому. Что это была, в общем-то, ваша вина…

И представляете себе состояние тех людей? Вот сейчас узбеки выпихнули их,– такой, дескать, агрессивный плохой народ, и они сейчас хлынут сюда. Вы правильно их поймите… Поэтому менталитет людей нужно менять, и постепенно менять.

Даже наш приезд сюда, 82 тысячи беженцев, в миллионный город, и то – мы тут лишние. Нас тоже не очень принимают. Поэтому надо постепенно к этому приучить. Что вы, правда, любите Грузию, что у вас традиции грузинские… Ну и что ж что вера! Аджария вон вся она мусульманская, но мы же ее воспринимаем, как часть Грузии, то же самое, живут те же люди, только другой веры, правда? Поэтому я считаю, что чем больше вы будете рассказывать о собственной истории, даже элементарно – семейной истории…

Вот рассказал же Айдын, что у них семья была грузинская до конца, то есть, человек умер со своей фамилией. Но надо же объяснять, – почему это происходило. Я вообще первый раз слышу о том, чтобы выйти из деревни в деревню нужно было брать разрешение у коменданта, хотя считаю, что в этом вопросе я человек довольно-таки просвещенный. Оказалось, что нет. Поэтому, о том, о чем мы с вами сейчас говорим, я думаю, это нужно делать расширенно. И это нужно делать не так вот – трибунально, а просто – неформальным общением. Вот даже где вы живете… Там ведь и беженцы живут? С этими людьми поговорите просто по-человечески … Кто-то же есть, ребята, с кем вы дружите, да? Почему нельзя было тех людей привести сюда и точно так же поговорить, – как вот вы сейчас говорите…

Я, например, знаю, как у вас менялись фамилии. Я это знаю – мне Клара рассказывала, как она сидела в архиве и выясняла – в какой деревне какая фамилия была… Но люди же этого не знают!..

Почему мы начали говорить об истории вопроса – потому что человек хочет знать. У него – организация, он связан с людьми, он сможет кому-то что-то где-то рассказать, когда встанет вопрос о месхах. Он может понести правильную информацию, правда?...

Джалил Шаганидзе – Да...

Цицино Грдзелишвили – У меня, например, двое сыновей, которые чуть-чуть знают только то, что я знаю. ... Все, что говорится по телевидению и радио – это же тоже действует, правда? А когда вот так неформально общаетесь...

Джалил Шаганидзе – Да...

Цицино Грдзелишвили – Вы должны над этим работать... Вы должны рассказывать элементарные случаи, как мы сейчас.

Вот мы, например... Мне было так больно, когда мы уехали из Сухуми... Когда закончились все эти события, когда из Сухуми изгнали всех грузин, за моим мужем приехали, его искали друзья-абхазы и говорили: "Ну, почему он уехал? Мы бы его спасли". Когда нам об этом рассказали через несколько лет, было приятно... Вы должны о себе рассказывать... Это ваша работа. За вас это никто не сделает.

Джалил Шаганидзе – Да, правильно...

Клара Бараташвили – Спасибо. Может, Эльдар хочет что-то сказать? Отец Эльдара живет в Азербайджане, он член общества "Хсна", по фамилии Сафаров. А Эльдар живет здесь, он гражданин Грузии, и он восстановил свою историческую фамилию.

Эльдар Лазишвили – Меня зовут Эльдар Лазишвили. Мы раньше жили в Узбекистане, в 1981 году переехали в Азербайджан. Там мы живем. Отец и мать сказали мне, что раньше у нас была фамилия Лазишвили. Когда я принимал гражданство Грузии, я восстановил и свою фамилию.

Цицино Грдзелишвили – А как ты нашел эту фамилию?

Эльдар Лазишвили – В архиве. И выяснилось, что рассказы совпали с архивными данными. Я был в архиве и нашел нашу старую фамилию.

Джалил Шаганидзе – Со стороны матери я знал фамилию – Чхеидзе. Но отец свою не помнил. Когда я приехал в Грузию, Клара работала в архиве насчет фамилий. В нашем селе Арзи было всего 7 или 8 фамилий. Я не знал, какая из них наша. Взял и переписал все. И когда поехал в Азербайджан, где родители живут, спросил отца – ты знаешь имена твоего деда, прадеда? Он говорит – конечно, знаю. Я говорю – давай, ты перечисляй, а я скажу, какая

у нас была фамилия. Он как начал перечислять... на третьей фамилии я сказал – всё, остановись! Отец знал – одного из наших выслали в Сибирь, не знаю, в каком-то году, он даже про это знал. Там было написано – такого-то выслали в Сибирь, перед ним была написана фамилия – Шаганидзе, потому что он был старший... Я говорю, – остановись, это уже наша фамилия. Так я нашел свою фамилию. Когда отца выслали, ему было 12 лет, а дедушка был на войне. После этого, я думаю, они боялись произносить свои грузинские фамилии. Это было, как табу поставлено на фамилии своей, – чтобы говорить об этом, думать... И сейчас немало наших (в этом Клара очень многим помогает) нашли свою фамилию именно здесь, в Тбилиси. Я должен заметить, что многие не знают истории, многие, может, знали, но забыли. Многие не хотят просто из-за прошлого вспоминать. Старшего поколения нет в живых, поэтому над этим надо работать очень серьезно.

Клара Бараташвили – Спасибо, Джалил. Джемшид, может, ты хочешь что-нибудь сказать?

Цицино Грдзелишвили – Если по-грузински...

Клара Бараташвили – Они могут и по-грузински.

Григорий Насаридзе – Понимаете все по-грузински?

Клара Бараташвили – Конечно, они на грузинском учатся.

Джемшид Татидзе – Вы сказали, то, что нас в 1989 году выгнали из Узбекистана, – это прибавило отрицательное мнение о нас в Грузии, да? В 1989 году нас выгнали не по нашей вине. И потом, что касается фамилий. У меня тоже фамилия...

Марат Бараташвили – Я думал, ты продолжишь... Я хочу сказать, что Джемшид – сам участник ферганских событий, интересно было бы узнать о них и рассказать всем...

Джемшид Татидзе – Мой отец, можно сказать, был одним из лидеров нашего движения. И поэтому я знаю. Я все время ходил вместе с ним, я очень хорошо помню все. Это политическая игра была. У узбеков там была одна партия "Бирлик", и они, оказывается, предложили нам, чтобы быть вместе, и русских изгнать. Это они называли "этническая чистка Узбекистана". И они, оказывается, предложили нашим. Ну, как предложили – это уже другой вопрос. И наши отвергли это. Сказали, – нет, мы не будем это делать (мы всё это позже узнали). А узбеки подумали, почему мы с русских начинаем, давайте с этих начнем. У них нет никакого защитника, никакой опоры, начнем с них. И начали – провокации, туда-сюда... И в один день вспыхнуло все это. В

Коканде мы жили. Там всё сожгли – дома, все, ну, это уже история...

Григорий Насаридзе – Хочу спросить... До этого – как вы жили?

Джемшид Татидзе – До этого очень хорошо мы жили. Даже наши соседи во время этого погрома нам очень помогли. Моя прабабушка – это мать моего дедушки с отцовской стороны, она была уже старая и не могла ходить. Когда мы убегали, мы не могли взять ее с собой. Отец и мой дядя пошли на вокзал, чтобы узнать, – как можно будет уехать. Взрослых мужчин дома не было. И прабабушку мы не могли взять с собой. Пришлось ее оставить.

Григорий – Дома?

Джемшид Татидзе – Нет, не дома. Мы знали, что дом все равно сожгут. И поэтому вышли из дома. Узбеки, наши соседи, те, о которых говорили "бандиты-узбеки"... Не все были бандитами. Там была группа бандитов. Мы не должны всю вину сваливать на узбеков, потому что это была просто группа. И наши соседи нам помогли. Даже в тот день, когда начались погромы в нашем городе, мы все вместе (и узбеки тоже) собрались на стадионе, обсуждали, как не пропустить тех бандитов, что выступали из Ферганы. Сперва началось в Фергане, потом в Коканд всё перекинулось. Мы не хотели их пропускать. Узбеки кокандские тоже не хотели. И поэтому обсуждения были, но они все равно прорвались и зашли в Коканд. С самими узбеками у нас хорошие были отношения...

Григорий Насаридзе – Что я хочу заметить. Насчет истории, насчет всего этого... Как лучше узнать об этом – что было, как было... Может, есть какие-то книги или буклеты, или что-нибудь написанное об истории?

Джемшид Татидзе – Про историю? В этой брошюре (*показывает брошюру М. Бараташвили "Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии"*) история описана.

Григорий Татидзе – Здесь есть история?

Марат Бараташвили – Кратко, но самое необходимое там написано. Есть обширные книги, которые надо печатать.

Григорий Насаридзе – Мы-то донесем это до народа... То, что я от вас узнаю, рассажу всем – и своим, и другим. Но, чтобы более обширно все это, чтобы весь народ разобрался в проблеме и чтобы не смотрел на вас такими страшными глазами. Мы всю историю должны знать...

Джалил Шаганидзе – Есть еще книга Шота Ломсадзе – "Месхи и Месхети". Все, что было до депортации, вся история там описана.

Григорий Насаридзе – Расширять сознание надо, конечно...

Цицино Грдзелишвили – Я хочу сказать другую вещь. Мы – не мусульмане (*смех*), мы в своей стране, просто мы переместились с одного места на другое. Но все, что ни происходит, говорят, – беженцы виноваты. Даже ваша проблема ушла сейчас на второй план. Сейчас, не дай Бог, начнутся все эти абхазские события, опять скажут – все из-за беженцев. Оказывается, материальные, финансовые трудности в стране – это наша вина! Понимаете? Нам говорят – вот, беженцы из Самачабло, их не видно, не слышно. Это намек на то, что вы тоже молчите.

Джалил Шаганидзе – Но вы все-таки граждане Грузии. Вы можете поехать в любой город и жить так, как вам хочется.

Цицино Грдзелишвили – Но я не имею право на многое другое. Так как я беженка, я не имела права оформлять жилье на свое имя. Вы же этого не знаете... (*Оживление*)

Джемшид Татидзе – Потому что вы не должны быть прописаны в двух местах?...

Джалил Шаганидзе – А если вы не беженка, а просто из Абхазии приехали? И хотите жить, допустим...

Цицино Грдзелишвили – Я вам сейчас другое скажу...

Марат Бараташвили – Место жительства зарегистрировано там...

Цицино Грдзелишвили – Я, имея работу, имея квартиру, не имею права брать кредит в банке.

Клара Бараташвили – Ничего себе!..

Цицино Грдзелишвили – ...Я не имею права участвовать в местных выборах...

Клара Бараташвили – Это же полная дискриминация...

Григорий Насаридзе – Ну, сейчас в выборах уже приняли кое-что в последнее время ...

Цицино Грдзелишвили – Теперь это разрешилось – по местным выборам, так? Но вот мой племянник, который хотел купить телевизор, и взять кредит из банка. Ему не дали! Потому что беженец.

Джалил Шаганидзе – Потому что гарантии нет...

Цицино Грдзелишвили – Как нет?.. У людей есть квартира. Но ты – беженец! Понимаете, это тоже, как клеймо на лбу.

Григорий Насаридзе – Я извиняюсь, я очень спешу. Я хочу

сказать пару слов. Насчет других вопросов, которые вы еще затронете, я не знаю. Но я считаю, что этот вопрос решился, и что этот процесс начался. Первое, что я хочу отметить, что история обязательно нужна народу, чтобы было понятно – кто вы такие, откуда, когда поехали, зачем выгнали, откуда выгнали и что вы думаете. Второе. Что думает сам народ? Про Грузию? Что они думают о себе? Они этнические грузины или негрузины? Сколько? Статистика интересна была бы. Сколько процентов считает так? Сколько людей уже хотят вернуться? Сколько не хотят вернуться? И все эти вопросы в конце приведут нас к тому, что наш народ, наше правительство Грузии завтра скажет: этот народ наш, коренной народ, и мы должны их вернуть. Если они так сердечно настроены к нам. А если наоборот, дела уже пойдут наоборот. Потому что это должно идти от вас...

Цицино Грдзелишвили – ...исходить от вас...

Григорий Насаридзе – От ваших действий, от всяких подобных встреч. И это, по-моему, главный вопрос, и потом уже...

Цицино Грдзелишвили – Да...

Григорий Насаридзе – Народ Абхазии уже всё перенес. Например, наша организация – это организация ветеранов-инвалидов. Мы, люди, которые... если увидим, что к нам идут как друзья, мы их встретим по-дружески. Если увидим, что это наши враги, мы первые – из неофициальных структур, из NGO, которые встретят их по-вражески. От нас тоже многое зависит. Я хочу увидеть, что вы наши друзья, вы наши грузины, и так далее, и тому подобное... Вы меня поняли? Может, я по-русски уже забыл, давно уже не разговаривал по-русски ...

Клара Бараташвили – Да нет, мы всё хорошо поняли...

Григорий Насаридзе – Вот это я хочу заметить. Если что-нибудь хотите спросить, я готов. Спасибо.

Клара Бараташвили – Да, Гия, мы анкету составили для участников встречи. Если не трудно, заполните ее, потом передадите. Спасибо за участие.

А сейчас мы слушаем Нури. Пожалуйста.

Нуриддин Макаридзе – Макаридзе Нури. У меня никогда не было другой фамилии. Родился в Узбекистане и до 4-го класса учился на узбекском языке. После Ферганы, всяких политических дел, переехали в Азербайджан. В Азербайджане было много проблем. Из-за того, что мы имели грузинскую фамилию. Мой отец работал в государственном банке, ревизором. И так как отец

считал себя грузином и имел грузинскую фамилию, то с этой фамилией у него были проблемы на службе. Когда я пошел в школу, учителя спрашивали – как это ты – мусульманин, а фамилия у тебя грузинская? Одним словом, все это очень трудно было. Там же нас называют "турки-месхетинцы", хотя из семьи я знал, – кто мы есть на самом деле. И в Азербайджане, когда говоришь, что ты грузин, и имеешь такую фамилию, это не проходит. Я среднюю школу закончил в Азербайджане. Решил поступать в военную академию. Подготовил все документы, поехал в Баку. И меня там спрашивают, – откуда у тебя эта фамилия? Я говорю, – откуда у человека может быть его фамилия? Вы же знаете, говорю я им, что нас называют "турки-месхетинцы", нас в 1944 году выслали, родом мы из Грузии, соответственно, и фамилия из Грузии. Но с поступлением в Баку не получилось. В Узбекистан не поедешь. И мы решили возвращаться в Грузию. Когда приехали (это было в 1997 году), – что такое "гамарджоба" не знали.

Джемшид Татидзе – А по-русски знал?

Нуриддин Макаридзе – А по-русски само собой не знал. Потом я стал изучать язык, теперь, сами видите, я говорю на грузинском. Потом поступил на юридический... Конечно, здесь у меня таких проблем нет. С грузинской фамилией везде хорошо принимают. Теперь я на 4-м курсе. Мои родители живут в Ахалцихе. У меня две сестры и два брата. Когда в Азербайджане встал вопрос о воинской службе братьев, отец сказал, – пусть служат на своей родине. И теперь мой брат уже 7 месяцев служит в грузинской армии, у себя на родине, со своей фамилией.

Цицино Грдзелишвили – Ты говоришь, твои родители живут в Ахалцихе?

Нуриддин Макаридзе – Да.

Цицино Грдзелишвили – Как они там устроились – приживаются?

Нуриддин Макаридзе – В Ахалцихе живут много разных народностей. В основном, это армяне. Они нам говорят – мы знаем вас, как турков, а откуда у вас грузинская фамилия? И почему у вас грузинская фамилия? (*Смех*)

А мы им говорим: мы грузины – поэтому. Мы грузины – потому и вернулись в Грузию. Ну, а так вообще, проблем с населением нет. Все видят, что мы трудолюбивый народ. У нас во дворе есть маленькая будка. И вся округа приходит к нам во двор за хлебом и солью. В 6 часов утра отец поднимает нас за хлебом, – говорит,

первый горячий хлеб должен быть для наших соседей. Мы в 6 часов утра отправляемся за свежим хлебом. Соседи смотрят из окон и говорят – такая рань, а сыновья Аладдина уже за работой... Говорят – какие трудолюбивые дети...

Ну, не знаю... Мы с грузинской фамилией вернулись в Грузию, как дети этой земли, как грузины. А нас везде спрашивают – кто вы, откуда у вас фамилия... В институте, на работе...

Цицино Грдзелишвили – Где ты работаешь?

Нуриддин Макаридзе – В частном магазине, сторожем. Везде называют нас турками, черт знает что... Я же им говорю – нас выслали отсюда в Узбекистан, потом мы жили в Чечне, потом в Азербайджане, и, наконец, вернулись сюда, потому что это наша земля. Советский Союз был огромной империей, теперь другое время. Нужно просто жить по-человечески...

Цицино Грдзелишвили –...Я, например, считаю, что очень важно, то, что он говорит. Ты должен говорить со своими однокурсниками...

Нуриддин Макаридзе – Я постоянно с ними говорю. Они мне говорят: Нури, ты – парень, что надо!.. (*Смех*) У меня в институте такой авторитет, что как только я появляюсь, все говорят: о, Нури пришел! И многие преподаватели меня поддерживают, на днях наш куратор по физкультуре объявил: Нури – месх, грузин, и тут не может быть никаких споров. У нас в Ахалцихе есть один наш родственник – из грузин, то есть, из христиан, мы общаемся...

Я учусь в институте на платном отделении. Ну, первые два курса были очень трудные, а теперь лекторы ставят меня в пример, удивляются, как быстро я освоился, все законы наизусть шпарю... Я им говорю – жизнь нас научила, у нас было столько проблем, что мы научились решать их, мы вынуждены хорошо учиться. Для нас альтернативы нет...

Цицино Грдзелишвили – Знаешь, ты молодец, если ты так быстро научился грузинскому языку, адаптировался. Тебе за всё "пять"! Теперь я хочу его послушать (*указывает на Ясина*), и потом уже скажу, что я думаю.

Ясин Амриев – Вообще-то, я не месх. (*Возгласы удивления*) Мой дед, верно, прадед, не знаю, в каком году, жил в Имерети, в Багдади. Да, он имеретинец. Он там что-то натворил, убежал оттуда и поселился в Месхети.

Цицино Грдзелишвили – У вас грузинская фамилия?

Ясин Амриев – Сейчас я не на грузинской фамилии.

Мусульманство мои предки приняли одними из последних. Может, потому что не были месхетинцами. Но упорствовали долгое время.

Клара Бараташвили – Ты о себе расскажи, – где родился...

Ясин Амриев – В Киргизии я родился, 28 декабря 1977 года. В 1985 году мы переехали в Хони. Ну, жили до... этих, гамсахурдиевских событий. После стихийных бедствий в Сванети, сванов переселили в Хони. Эти сваны просто беспредельничали. И власти против этого ничего не предпринимали, а даже потворствовали им. Мы просто вынуждены были уехать.

Клара Бараташвили – Сколько было семей в Хони?

Ясин Амриев – Где-то 35 семей.

Цицино Грдзелишвили – А выехали куда?

Ясин Амриев – Вразброс по бывшему Союзу, некоторые на Украину, в Херсонскую область....

Клара Бараташвили – А ваша семья куда отправились?

Ясин Амриев – Мы уехали обратно в Киргизию, так как у нас родственники там жили.

Клара Бараташвили – А как ты сюда попал?

Ясин Амриев – У моего отца такая настроенность была на Грузию. До этого еще он приезжал, в Гали жил, в 60-х годах. Оттуда его тоже выслали. Короче, он был одним из активистов. Сейчас опять хочет приехать сюда.

Клара Бараташвили – Ты без семьи пока живешь?

Ясин Амриев – Да. Я приехал к сестре, она живет в селе Насакирали Озургетского района. Уже 14 лет живет. Вышла замуж, когда мы здесь жили.

Клара Бараташвили – За нашего месхетинца. У них прекрасная семья. Мы были там, тренинг у них проводили, Ясин первый раз тогда был на тренинге. Мы там и познакомились.

Цицино Грдзелишвили – А как ты решил приехать сюда?

Ясин Амриев – Моя сестра приезжала в Киргизию. Про учебу здесь я не знал. Она эту идею подала, что есть ребята, они там учатся, в Грузии. ... Я приехал, как бы на разведку, пока адаптируюсь. Со временем и семья приедет. Все-таки есть надежда, что наши поедут. Хотя многие боятся. Продать все, уехать, а потом вдруг опять выгонят.

Цицино Грдзелишвили – Да-да, это очень понятно...

Клара Бараташвили – Скажи, пожалуйста, когда ты начал учиться, в тебе что-то изменилось?

Ясин Амриев – Вообще-то изменяться я бы не хотел. (*Смех*) А

то, что я знаю, я это всегда знал. Кто я есть.

Цицино Грдзелишвили – Чувство Родины?

Ясин Амриев – Да, чувство Родины. Знаете, в Грузию меня всегда тянуло. Не было такого грузина, чтобы приехал в город в Кант, – наверное, слышали? – под Бишкеком – небольшой городишко. И не было такого грузина, чтобы он приехал в город, и я его не встретил. Грузинский я немного знал, то, что помнил, вернее. В 1-м и 2-м классе в Хони я на грузинском учился. Ну, элементарные вещи я знал. Вот, с ними общался.

Клара Бараташвили – А сейчас куда собираешься поступать?

Ясин Амриев – Я сейчас на английском. Трудно поддается. Грузинский – легче...

Цицино Грдзелишвили – Тебе профессия нужна. Английский – это все-таки подмога.

Джемшид Татидзе – А может он специалистом английского языка будет ...

Цицино Грдзелишвили – Ну, пусть подумает, все впереди еще...

Клара Бараташвили – Значит так, друзья мои, спасибо за ваши рассказы, что мы все это услышали. Теперь у нас два варианта. Первый – мы хотели бы Цицино послушать. И второй вариант – сделать перерыв.

Цицино Грдзелишвили – Честно говоря, я бы сейчас хотела выступить.

Марат Бараташвили – По горячим следам, так сказать...

Клара Бараташвили – Пожалуйста.

Цицино Грдзелишвили – Я знаю вашу проблему. Честно сказать, я даже рада, что мы сегодня здесь, и вот Гия вас послушал, потому что я знаю его осторожное отношение к этой проблеме...

Клара Бараташвили – Осторожное?

Цицино Грдзелишвили – Очень осторожное. Он человек, который воевал за свою Родину, так сказать, и был очень тяжело ранен. Он один из первых, кто был награжден, и полтора года лежал в больнице. Для него это трагедия. Когда я сказала ему, он сказал – ну, это не очень важная проблема. Я сказала: нет, ты должен их послушать. И вот то, что вы говорили всё... Почему я спросила вас: вы себя внутри чувствуете грузинами? Понимаете, это тоже очень много значит. Не потому что провокационный вопрос от меня или то, что я смотрю на вас всех, как на собственных сыновей (у меня самой мальчики 80-го и 81-го года). Которые тоже, кстати

говоря, очень осторожно относятся к этим вопросам. Хотя с моей подачи они немного знают эту проблему.

Но знаете, что? Я считаю, что вам очень много нужно делать вот таких неформальных встреч. Вот в том же университете... Вы все, наверное, немного осторожничаете в общении вокруг вас. Да?

Айдын Киквадзе – По сравнению с 91-м годом, когда мы приехали...

Джемшид Татидзе – Тогда очень трудно было...

Айдын Киквадзе – Когда я только приехал, мы ходили в столовую полицейской академии, – там для нас было организовано питание. Мхедриони тоже там обедали. Их парни с автоматами ходили. Как-то под вечер мы двое остались, наши ребята уже ушли... Зашли четверо. Зимой это было. Они нас увидели, и заметили, что не местные мы. Один спросил что-то по-грузински, я не знал еще грузинского. А потом по-русски – кто вы такие? Мы сказали. Этот парень как вытащит автомат из-под фуфайки, и на меня прямо направил. И стоит. Я тоже стою. Ни страха, ничего, просто смотрю на него. Мы где-то секунд пять так стояли. Никто ничего не сказал, эти парни тоже молчали. И другой говорит – они месхи, они здесь будут... Он, оказывается, узнал перед этим, офицеры ему рассказали, кто мы такие. А другой не знал. И после этого тот, с автоматом сказал, – ну, ладно, идите. Представьте себе... там страха не было, но когда мы вышли, нас просто начало трясти...

Клара Бараташвили – Конечно...

Айдын Киквадзе – Мы уже подумали – всё, уезжаем отсюда, если к нам отношение такое... Ну, на вокзале, когда мы туда пришли, четверо нас поймали... и говорят нам, – да вас просто расстрелять нужно, куда это вы приехали...

Вот за два дня две такие встречи были. Просто хотел уже уехать... Потом с друзьями поговорили – туда-сюда, хорошо – останемся.

Много проблем у нас было. В полицейской академии с постоянно стычки были. Они каждый день нас задевали. Ну и мы вынуждены были... Но постепенно все прекратилось.

Клара Бараташвили – Айдын поясняет, почему они осторожничают...

Айдын Киквадзе – И никто не знал про нас. Мы ходили на разные встречи, все удивлялись: "Вы из них?.. Мы думали, – вы

такие…"

Цицино Грдзелишвили – Мы пришли к тому, с чего начали…

Айдын Киквадзе – В Тбилиси произошло какое-то потепление по отношению к нам. Хотя это очень медленно происходит, но это совершилось за эти годы. Каждый день с каким-то человеком знакомишься. Нас сюда примерно 200 парней приехало учиться, уехало немало, у некоторых не получалось, они были вынуждены уехать, но каждый из них какой-то свой вклад внес…

Джалил Шаганидзе – Правильно…

Айдын Киквадзе – Какой-то маленький след оставлял. И вот в Тбилиси отношение к нам потеплело.

В Ахалцихе тоже, когда первые поехали, думаете, им легко было? Первая семья – это была зажиточная семья, они могли в любом месте нормально жить. А они приехали сюда. Сначала на него начали … наезжать – уходи, короче… Камни на его крышу кидали, мы тебя убьем, туда-сюда… Он, в конце концов (парни это рассказывали) вышел на улицу со своей семьей, и сказал, – хотите убить меня, – вот здесь убейте, но мы отсюда не уедем. Вот мои дети, вот я, хотите, – убейте, я отсюда ни шагу не сделаю. Я приехал сюда, здесь буду жить. И после этого постепенно уладилось. Потом другая семья приехала, потом третья… Конечно, они боятся, они не знают, что их ждет. Но когда они начинают жить, тогда у них друзья появляются, знакомые… Их уже 70 процентов поддерживают, из тех, кто с ними знаком … Когда человека узнаёшь постепенно, уже к нему тепло относишься. Он смотрит, – он тоже нормальный человек, как я.

Сейчас какие проблемы. Сейчас много наркомании, преступности… Если по территории бывшего Союза будут выявлять это, у нас самые низкие показатели будут. Я в этом просто уверен.

Джалил Шаганидзе – Даже одного процента не будет…

Цицино Грдзелишвили – Я работала в комиссии по делам детей улицы, Клара знает, это при парламенте было. Детей улицы среди беженских тоже нет. Знаете, почему? Потому, что может быть, мы действительно чувствуем, что должны выжить, что мы должны немножко по-другому жить.

Но я хочу вернуться к вашей проблеме… Я знаю Клару и Марата давно. Я с ними много работала. Но совершенно другое, когда я с вами поговорила. Я знаю ребят, я с ними на тренингах встречалась, мы общались, работали, по несколько дней …

Джалил Шаганидзе – Несколько раз, причем…

Цицино Грдзелишвили – Но когда вы говорите вот так вот, это совершенно другое. И это должно быть в ваших коллективах, – где вы учитесь, где вы работаете. Вы чувствуете себя грузинами, я же вижу… Ну и что, что вы не христиане?

Джалил Шаганидзе – Главное – человеком быть…

Цицино Грдзелишвили – Главное – вы люди, нормальные люди. Я сколько угодно знаю грузин, которые на самом деле живут не как грузины. Потому я считаю, что эти встречи нужны. Почему вы не привели сюда своих сверстников? Если вы все это своим сверстникам будете говорить – это будет совершенно по-другому восприниматься. Я уверена, – все идет из личных симпатий. Это везде так. Если вы хорошо относитесь к человеку, вы уже не смотрите, какой он национальности, кто он и что он. Это так. У меня очень много друзей. Я окончила русскую школу, училась в Новосибирске. С грузинской фамилией везде плохо принимают. А у меня – тем более, Грдзелишвили, такая длинная и тяжелая – "г-р-д-з…" Меня вначале плохо принимали по фамилии. Но потом у меня появились друзья, я работала с людьми, и это продолжается до сих пор. Это все зависит от вас.

Нуриддин Макаридзе – Когда говорят о нас, то начинают пугать людей – приедут мусульмане, будут проблемы… Но все знают, что это были за люди, и откуда они были выселены. Эти люди были месхи, очень трудолюбивый народ.

Теперь возникает вопрос, – кто поможет этому народу, если он вернется? Мы все знаем, что в Грузии нет денег, нет света, нет газа. Если кто и поможет им, то это Европа.

Вот и меня спрашивают, – если вы вернетесь, кто вам поможет? Я говорю, – дорогой мой, я студент 4 курса, у меня лишнего тетри в кармане нет. Но я подрабатываю в магазине. И бывает так, что не я прошу денег у родителей, а сам помогаю им. Я такой человек, говорю я им. Я ни у кого не буду отнимать кусок. Мое пропитание буду зарабатывать *сам*. Я говорю им, – если этот народ вернется, то его хлеб придет вместе с ним. Не нервничайте, говорю я им, он ни у кого ничего не отнимет.

Мне говорят – вот, вы мусульм..не. Я говорю, – о чем вы говорите! Коран и Библия – это очень сходные книги. И одна, и другая призывают к миру. И не надо делать на это ставку.

Цицино Грдзелишвили – Это была большая политическая игра. Но сейчас вы не должны так категорично требовать, мол, вы

должны нас вернуть. Об этом надо говорить потихоньку, чтобы народ привык...

Нуриддин Макаридзе – Да, это была политика. Но не надо говорить, что будут проблемы, когда народ вернется. Если народ вернется, особых проблем с нами не будет. Будут обыкновенные, человеческие проблемы. Потому что пока жив человек, всегда будут проблемы. Были и будут.

Цицино Грдзелишвили – Проблема вашего возврата настолько сейчас муссируется...

Клара Бараташвили – Давайте свяжем наш разговор с вашей проблемой.

Цицино Грдзелишвили – Вы не возвращаетесь, мы тоже не возвращаемся. И это не потому, что мы с вами не хотим, а потому что наше правительство без сил.

Нуриддин Макаридзе – Вы беженцы, но вы беженцы у себя на родине. Мы же – были в Узбекистане, а оттуда после Ферганы во многие места бежали. И куда бы мы ни пришли, все нам говорят – чего вы сюда пришли, это не ваша родина! Потому что, кроме Грузии, во всех странах мы просто пришлые, чужие, в лучшем случае – гости. Не граждане, а гости. Мы должны двинуться к себе на родину.

Цицино Грдзелишвили – Вы это должны постепенно. Вот Айдын сказал же, что после 1993 года – совершенно другая ситуация, да? Так ведь? К сожалению, с 1993 года мы тоже беженцы. К нам люди поворачиваются постепенно. То же самое ваша проблема. Если вы ***сами*** не заставите людей говорить о себе, как о нужных людях для Грузии,... слово-то какое! "Нужные".... Знаете, я недавно прочитала фразу, которая меня удивила – Азербайджан не заинтересован вас отпускать. Да?

Джалил Шаганидзе – Да...

Цицино Грдзелишвили – Почему? Потому что вы хорошо работаете, да?

Джалил Шаганидзе – Да, рабочая сила.

Цицино Грдзелишвили – Хорошо ваши там живут, да?

Нуриддин Макаридзе – Когда мы прибыли в Азербайджан, народ стал говорить – вот, мол, только приехали, а уже двухэтажный дом, машина...

Цицино Грдзелишвили – В селе Копитнари (это Самтредский район) живут несколько семей месхов. Моя родственница работает в неправительственной организации в Кутаиси, и когда они с ними

работали, то работали с удовольствием, потому что они – деловые, работящие...

За один-два дня ничего не сделаешь... Это все зависит от вас.

Айдын Киквадзе – Мы 57 семь лет уже вне своей земли. Сколько еще мы должны ждать?.. Или, как евреи, две тысячи лет должны скитаться?

Цицино Грдзелишвили – Мои дорогие, Моисей 40 лет водил свой народ по пустыне, чтобы поколение забыло, что они были рабами. Мои дорогие, это, к сожалению, не так скоро делается. Это очень большое напряжение. Во-первых, ваше желание изучить грузинский язык – это очень хорошо. Я могу вам сказать о наших беженцах. В Абхазии был высокий процент знания русского языка. Я русскую школу заканчивала. Я приехала сюда с русским менталитетом и с русскими знаниями. Но, тем не менее, у меня в семье был культ грузинского языка. Естественно, я была из грузинской семьи, замуж вышла в грузинскую семью и т.д. У меня грузинская семья, и дети у меня в грузинской школе. Но сейчас мне даже обидно, что дети мои не говорят так по-русски, как я. Вот Гия тоже сказал – "к сожалению". Однако это очень трудный процесс. Вы хотите форсировать? Пожалуйста. Я согласна с вами. Я тоже очень хочу форсированно вернуться домой. Но, вы знаете, даже у нас появились люди, которые не хотят вернуться домой.

Клара Бараташвили – Есть такие, да?

Цицино Грдзелишвили – Да, есть уже люди, которые говорят: я не хочу возвращаться. Потому что это больно! Знаете, возвращение – это болезненно. Нас там тоже никто не ждет!.. Понимаете?

Я считаю, что наши две проблемы – они не пересекаются. Они идут параллельно. Никто никому не мешает. Но наше государство пока не способно решить ни одной, ни другой проблемы.

Джалил Шаганидзе – Вот это главная проблема...

Клара Бараташвили – Все-таки неспособно...

Цицино Грдзелишвили – Абсолютно! У нас практически нет правительства. Но что делать?

Ясин Амриев – А нельзя ли без правительства это решить? (*Смех*)

Марат Бараташвили – Давайте я подведу итог. Итог дообеденного заседания такой. Хотя мы – неправительственные организации, у нас у всех в уставах записано, что мы – неполитические, некоммерческие организации. Но мы обязаны

заниматься политикой, – хотя бы потому что политики не занимаются этим вопросом. Хотя бы потому что, в противном случае политика займется нами, и это будут очень плохо, – то, что до сих пор мы имеем. Политика занималась нами, и это кончилось плохо. Значит, мы должны заниматься политикой, чтобы это кончалось... не так плохо, как сейчас, а может быть, очень даже хорошо.

В Ликани 3-4 ноября был Круглый стол, и там мне понравились слова Арарата Есояна из Ахалкалаки, что сейчас – независимо от конфессии или этнической принадлежности – в Грузии идет прагматический подход. И сейчас мы слышали: покажите населению, что это выгодно, что оно ***тоже*** от этого будет иметь. И тогда население с удовольствием, даже с радостью будет не то, что сочувствовать, но и помогать, и вместе с нами это делать. Давайте после обеда займемся обсуждением, – как мы намереваемся без политиков, вместе с ними или вместо них... ***Что*** мы можем сами сделать.

Цицино Грдзелишвили – Боюсь, что это невозможно...

Марат Бараташвили – Надо показать, что это им выгодно...

Цицино Грдзелишвили – С абхазами я встречаюсь на всех уровнях, Марат и Клара свидетели. Мы общаемся, встречаемся, но меня там никто не ждет.

Джалил Шаганидзе – Нас тоже, Цицино... На том Круглом столе в Ликани мы были вместе с Маратом. Когда мы разговаривали с ребятами (они наши ровесники), у нас сложились очень хорошие отношения, мы приглашаем друг друга в гости... Но когда речь идет о том, что мы должны возвратиться... Мы им сказали, – нашим именем пугают ваших детей: вот, мол, турки-месхи приедут, покажут вам... Да, говорят, это правда!.. Мы для них, как...

Марат Бараташвили – Страшилка...

Джалил Шаганидзе – Да, или людоеды там...

Цицино Грдзелишвили – Вы сами же это должны опровергать. Вот они в Копитнари несколько семей, да? О них такое хорошее впечатление, с ними международные организации работают, и говорят, что это – надежный партнер. Вот этот (*указывает на Джемшида*) будет врачом, все скажут – вай ме, какой изумительный доктор!.. Этот (*кивает на Нуриддина*) будет юристом... Все зависит от вас.

Вот когда я приехала в свой дом, все сказали, – ну, вот, еще

одни понаехали... Сейчас у меня с ними прекрасные отношения, – 16-этажное здание с двумя подъездами ... Я врач, я знакома им всем, и пользуюсь большим уважением. Сейчас при мне о беженцах никто не смеет что-то плохое сказать. Это все зависит от личности. Говорят, личность в истории ничего не значит. Нет, значит!.. Если ты, как личность, хорошая, всё будет хорошо. Личность – хорошая, нужная, хороший человек, значит, за тобой идет всё хорошее.

Джалил Шаганидзе – Да, верно...

Цицино Грдзелишвили – Понимаете, вы в данный момент являетесь лицом своего народа. Правда, вам еще приходится отвоевывать, говорить – кто вы, да? Но вы – лицо своего народа, вы – молодежь, вы в том возрасте, когда... Я знаю ваших ребят, я их уважаю, но приятнее было узнать, что есть такие же хорошие ребята. Значит, вы не одни, вас много. Это самое главное. А сколько я видела грузин, которых нельзя назвать грузинами... Есть такие. Всякие есть. Но на данном этапе вы являетесь лицом своего народа. И я вообще считаю, что влияние репатриации месхетинцев на решение вопроса вынужденных переселенцев из Абхазии, – это абсолютно надуманный вопрос. Абсолютно!

Джалил Шаганидзе – Да...

Цицино Грдзелишвили – Потому что это две проблемы, которые идут параллельно. Они не должны пересекаться.

Джалил Шаганидзе – Марат правильно заметил – между нами – да, мы понимаем друг друга, беженцы и мы, потому что у нас одинаковая судьба... Но вот именно абхазская проблема является козырем в руках многих...

Айдын Киквадзе – Вот Ардзинба что сказал, – вы хотите, чтобы мы приняли ваших беженцев, а ***вы*** почему этих людей не принимаете?

Джемшид Татидзе – Ага!..

Цицино Грдзелишвили – А когда в Сочи стояла группа месхетинцев и захотела пройти через Абхазию...

Айдын Киквадзе – В этой группе я тоже был...

Цицино Грдзелишвили – Кстати говоря, кто не пропустил их? Тогдашнее правительство Абхазии не пропустило их.

Айдын Киквадзе – Я в этой группе тоже был, я хорошо помню. Там где-то две тысячи человек было. Из Грузии делегация прибыла. Из Абхазии тоже. Между прочим, там была делегация Гамсахурдиа, когда он еще не был президентом.

Знаете, что нам там сказали? Мы сказали, – нам лишь бы

пройти. Тогда они начали, – у вас оружие, то, се... У нас никакого оружия не было. Две тысячи стариков там было...

Цицино Грдзелишвили – По абхазскому телевидению была совершенно другая информация...

Айдын Киквадзе – Грузины отдельно пришли, абхазы – отдельно. Абхазы что сказали. У нас с Грузией, сказали, плохие отношения, тогда уже началось, – из-за парламента что-то было...

Цицино Грдзелишвили – Противостояние...

Айдын Киквадзе – Помните, да? И что если вы отсюда пройдете, будет такое впечатление, что мы пропускаем вас назло грузинам. Потом грузинская делегация пришла, с Гамсахурдиа, которая сказала, – у нас скоро будут выборы...

Марат Бараташвили – Мы возьмем власть, и всё решим, подождите немного...

Айдын Киквадзе – Да, возьмем власть и всё решим. Когда мы с ними поговорили, мы подумали, и на следующий же день уехали. После этого, через несколько месяцев, мы поставили этот вопрос. Вы же знаете, когда Гамсахурдиа стал президентом, он все забыл, что сказал людям ...

А мы поверили этим людям...

Цицино Грдзелишвили – Дорогой мой, я тоже Гамсахурдиа поверила, и тоже...

Айдын Киквадзе – Этот человек сыграл с нами игру. Потом к власти пришел. Потом уже начал против нас...

Джалил Шаганидзе – Стали вытеснять тех месхов, кто здесь жил ...

Айдын Киквадзе – А когда власть его пошатнулась, что он сделал? Тогда же он обществу "Хсна" дал добро. Он наших позвал, там Ясин Варскнелидзе был, он нам это рассказывал, не знаю, – правда, или нет. Когда Халил Гозалишвили (*Я. Варскнелидзе и Х. Гозалишвили – лидеры депортированных месхов, ныне покойные* – **ред.**) и другие зашли к нему, он, оказывается, сказал, – давайте, собирайте своих месхов и помогите остаться мне у власти. Я вас приведу в Грузию. Он просто играл нами. Как все играли, так и он.

Цицино Грдзелишвили – К сожалению, это так.

Айдын Киквадзе – Вот что в Сочи произошло...

Цицино Грдзелишвили – Вы знаете с одной стороны, а я вам скажу с другой. Ардзинба выступил по абхазскому телевидению и сказал, что не пропустит ни одного человека. Паника в городе

была. Видите, у вас одни сведения, а у меня совершенно другие. Конечно, политики играют нами. Мы просто не должны позволять им это делать.

Айдын Киквадзе – Знаете, что я вам скажу? Не спешите с Абхазией.

Цицино Грдзелишвили – Не спешу...

Айдын Киквадзе – Не спешите. Ваши внуки тоже не будут спешить.

Цицино Грдзелишвили – Я вас уверяю, что не хочу спешить и торопить события.

Айдын Киквадзе – Вот, выступают по телевидению: "Правильно, они должны вернуться, они наши..." Я не понимаю. Если они "наши", если они должны вернуться, пусть вернутся! Постепенно... мы не говорим – сразу. Пусть каждый месяц хотя бы десять семей принимают. Трудно, что ли? Прими, скажи – вот вам место, вот вам одна сотка земли, и живи. Как хочешь. Умрешь – умрешь... Просто живи. Не могут сказать!..

И закон никак не примут, все откладывается, откладывается... У меня складывается такое впечатление, что всё это – игра. Наша проблема как будто решается, а на самом деле стоит на месте. В конце концов, Грузия вынуждена будет ее когда-то решать. Лучше сейчас начинать.

Клара Бараташвили – Айдын, одну минутку. Цицино представляет здесь не правительство...

Айдын Киквадзе – Я понимаю...

Клара Бараташвили – Она представляет как раз беженцев.

Айдын Киквадзе – Нет, она говорит, – я хочу понять, о чем вы думаете... Я и объясняю, – что я думаю.

Клара Бараташвили – Это понятно...

Айдын Киквадзе – Я правду говорю, – о чем я думаю...

Цицино Грдзелишвили – Все правильно... Я слушаю вас...

Айдын Киквадзе – Я могу обмануть, но я правду говорю...

Цицино Грдзелишвили – Нас тут немного, а вам надо доказывать это многим людям. Вот сейчас, например, Гия уехал с совершенно другим мнением, совершенно. Я уверена, он совершенно другими глазами посмотре.. на вас. Я, например, не могу так глубоко вникнуть, как вы вникаете в свою проблему. Потому что у меня своя проблема – то, что называется – "возвращение в Абхазию". Я с вами абсолютно согласна, что мои внуки туда точно не поедут. Может, мои дети еще туда поедут.

Но мои внуки в Абхазию точно не поедут. Но, тем не менее, вы посмотрите: вы-то – внуки и правнуки – возвращаетесь! Чувство Родины у вас все-таки есть!

Айдын Киквадзе – Я просто хочу спросить, – вы готовы столько ждать?

Джалил Шаганидзе – Они говорят – мы десять лет, как беженцы, а нас уже 57 лет держат так...

Цицино Грдзелишвили – У меня есть другая альтернатива – НЕ ЖДАТЬ?

Айдын Киквадзе – Есть!

Цицино Грдзелишвили – Нет!

Джалил Шаганидзе – Есть! Вы – гражданка Грузии.

Цицино Грдзелишвили – Нет! *Я уже* не гражданка Абхазии. Вы просто ситуации в Абхазии не знаете...

Вот, говорят – все захотели приехать в Тбилиси... Но люди вынуждены приехать. Потому что в Тбилиси хоть какая-то жизнь крутится... Хоть беженские деньги дают с опозданием в 2-3 месяца. А в районе 10 месяцев тянут, а то и год. Здесь хоть медицинскую помощь элементарную получишь, а районе – никакой. Понимаете? Почему все стремятся в город? Потому что нигде ничего не работает. Вот в Тбилиси торговля идет, ну, в крупных городах... А что в деревне? Землю обрабатывать? Кто может, он ее обрабатывает.

Марат Бараташвили – И вот на такой оптимистической ноте, что когда-нибудь мы все будем работать в центре, а жить на периферии... я объявляю перерыв.

После перерыва

Клара Бараташвили – Я бы хотела, чтобы мы еще раз обговорили, к чему мы пришли.

Цицино Грдзелишвили – Давайте... У вас есть проблемы гражданства. У нас этих проблем нет. Если у вас стоит вопрос языка, то у нас этот вопрос не стоит. ***Общее у нас то, что всем нам хочется на родину***. Чтобы целиком сказать, что думают вынужденные переселенцы... Я думаю, что они ориентируются на то, что говорит им правительство. Оно должно понять, что это две проблемы, которые идут параллельно. И это нужно довести до их сведения.

Я думаю, если мы сейчас будем говорить о том, – хотим мы

или не хотим вашего присутствия – это трудно сказать. Потому что, я, например, считаю, что вы имеете ***полное право*** вернуться к себе на родину – так же, как и мы имеем полное право. Но это, абсолютно все, зависит от правительства, от его...

Джалил Шаганидзе – ...желания...

Цицино Грдзелишвили – Желания... И не только. Но и возможности тоже. Конечно, я думаю, у правительства есть страх. Какое бы количество ни вернулось – этих людей нужно обеспечить. Во-первых, землей, во-вторых, хоть чем-то минимальным. Знаете, оно боится социального взрыва, оно и так на пределе... Грузия вообще находится на пределе социального взрыва. Вы сами видите, к чему это приводит... Я, например, считаю, – виновен был телеканал Рустави-2 или невиновен, не это было первопричиной тех выступлений.

Клара Бараташвили – Это был повод...

Цицино Грдзелишвили – Да, просто повод. Потому что люди показали, – что они думают о правительстве. И то, что вынудили правительство уйти в отставку, это тоже нужно было... Потому что действительно люди стоят на грани срыва. Да, люди устали. И наше правительство сейчас стоит перед трудным выбором. Либо – выбор нормальной ситуации, либо будет еще хуже.

Мы пришли с вами к тому выводу, что ***мы не мешаем друг другу***. Что наши проблемы – это совершенно разные проблемы, которые должны решаться государством. Но мы должны подталкивать этот процесс. И вы о себе должны говорить громко, показывать, что вы нужны Грузии. Вы должны доказывать. К сожалению, это реальность.

Клара Бараташвили – Спасибо. Я думаю, в принципе, мы в целом, очертили круг вопросов. И в целом, мы их обговорили. В завершение нашей встречи сегодня, я бы хотела предложить вам наши анкеты. Мы бы хотели, чтобы вы ответили на ряд вопросов. По желанию, конечно. (*Раздает анкеты*)

Цицино Грдзелишвили – Кстати, тут первый вопрос – кто такие месхи. Я бы написала, как ребята сказали – "наш народ", для меня это так и осталось.

Айдын Киквадзе – Так и запишите... (*Смех*)

После заполнения анкет

Марат Бараташвили – Мы тут много говорили, обсуждали, до чего-то договорились... Но я бы хотел, чтобы наши с вами дети когда-нибудь сидели на семинарах и тоже обсуждали... Вопрос не того, – пересекаются или нет месхетинский и абхазский проблемы, а обсуждали, скажем, проблему регенерации каких-то видов бабочек для эффективного оплодотворения каких-то цитрусовых. (*Смех*) Что угодно... Чтобы наши сегодняшние проблемы остались в прошлом.

Клара Бараташвили – Спасибо большое.

Встреча – Диалог

МЕСХЕТИНСКИЕ РЕПАТРИАНТЫ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАЦМЕНЬШИНСТВ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГРУЗИИ

Тбилиси, 23 декабря 2001 г.

УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ

1. **Ахвердиев Назир** – общество "Ингило"
2. **Бараташвили Клара** – Союз "Patria"
3. **Бараташвили Марат** – Союз "Patria", Союз Грузинских Репатриантов
4. **Киквадзе Айдын** – молодежный союз "Месхети"
5. **Кисиева Тамара** – Ассоциация осетин Грузии
6. **Кочалидзе Меджид** – молодежный союз "Месхети", г. Ахалцихе
7. **Лазишвили Эльдар** – молодежный союз "Месхети"
8. **Ляшенко Михаил** – общество "Надежда"
9. **Родионова Нелли** – Союз "Славянский Дом"
10. **Табатадзе Русудан** – ВПЛ из Абхазии, студентка ТГУ
11. **Татидзе Джемшид** – молодежный союз "Месхети"
12. **Халилов Заур** – Ассоциация азербайджанской молодежи Грузии, Общегражданское движение "Многонациональная Грузия"
13. **Шаганидзе Джалил** – молодежный союз "Месхети"

***

Клара Бараташвили – Здравствуйте. Меня зовут Клара Бараташвили. Нашу встречу сегодня мы проводим с Маратом Бараташвили, который сидит напротив меня. Мы вдвоем постараемся сделать встречу взаимно полезной и интересной.

Марат Бараташвили – Спасибо. Меня зовут Марат. Я представляю Союз "Patria". Одновременно я представляю другую неправительственную организацию – Союз Грузинских Репатриантов.

Оставим эту повестку дня для бюрократов. Мы собрались, чтобы посмотреть друг на друга, поговорить друг с другом, а не

читать бумажки или писать. Время на это будет другое – каждый почитает газеты, брошюры, которые мы подготовили для вас... А сейчас мы должны общаться.

Встреча в рамках этого проекта состоялась в прошлом месяце, мы встречались с вынужденными переселенцами из Абхазии. В общем, было такое мнение, что две эти проблемы – депортированных месхетинцев и ВПЛ из Абхазии – параллельны. Они не перекрещиваются, не мешают друг другу, их нужно и возможно решать параллельно, отдельно друг от друга, то есть, одновременно.

Сегодня вторая встреча в рамках этого проекта, который финансирует организация "Международное Ненасилие". Встречаются представители месхетинцев и представители нацменьшинств Грузии.

Хотя у меня аллергия к термину "нацменьшинства". Я не люблю эти слова – "меньшинство", "большинство"... Я думаю, мы все родились равными, все люди равные, но они все разные, – и "меньшинство", "большинство". Всякие национальные ярлыки, разные подходы к разным группам населения – это выдумка политиков, для того, я считаю, чтобы показать свою необходимость обществу, которым они руководят. Вот, мол, как плохо бы вы жили, если бы нас не было, – воевали бы, не могли бы найти общий язык... И благодарите, дескать, нас, что мы есть, и можем удержать в стране какой-то порядок. Я так думаю...

Ну, перед тем, как приступить дальше по этой повестке дня, давайте, представимся. Пожалуйста, мы с Кларой уже представились, давайте по кругу пойдем.

Михаил Ляшенко – Михаил Ляшенко меня зовут. По основной профессии я художник, коренной тбилисец, хотя родился я не в Тбилиси. С двух лет живу в Тбилиси, и считаю себя тбилисцем... Долгое время прожил в России, очень тянулся в Тбилиси, неодолимо. И, несмотря на все сложности, вернулся сюда, может, не в самое удачное для этого время. Прежняя моя карьера прервалась, но зато началась новая – в качестве литератора, к чему подвигают сами обстоятельства. Обстоятельства таковы: государственные структуры, поддерживающие культуру, вообще, как таковую, и русскую, русскоязычную, в частности, отступили. Предмет существует, он лежит где-то в залежах, мы этот предмет знаем. И пытаемся его реализовать, сохранить. На одном энтузиазме, без всяких поддержек и грантов.

Проблемы у русской части населения в Тбилиси, если, в общем, говорить, – гипотетические. Это проблема репатриировать в том направлении. Стало очень сложно получить российское гражданство. Как вы знаете, очень сложно просто выехать.

Это общее направление. Ну, насколько я знаю, здесь до сих пор проживают 250 тысяч русских. Существует целый ряд организаций, их, по-моему, 10 или даже больше. Совсем недавно была попытка объединиться под эгидой одной какой-то. И центром стало общество "Надежда", которым руководит Сварчук Валерий Константинович. Он член Совета соотечественников при Госдуме России. Ну вот, в общих чертах.

Клара Бараташвили – Понятно. Пожалуйста, Заур.

Заур Халилов – Я очень коротко скажу, – работаю в нескольких неправительственных организациях, как эксперт по регионам Грузии, где проживают этнические группы. Кроме того, очень хорошо знаю проблематику месхетинцев-репатриантов. У меня есть информация, как они живут в Российской Федерации, в частности, в Краснодарском крае. Думаю, в сегодняшней нашей беседе выяснятся некоторые вещи.

Клара Бараташвили – Понятно. Пожалуйста.

Нелли Родионова – Я Нелли Родионова, тоже представляю несколько организаций. Назову некоторые из них. Являюсь председателем Союза "Славянский Дом Грузии" и заместителем председателя Общегражданского Движения "Многонациональная Грузия". С месхетинской проблемой как раз не очень хорошо знакома, и меня интересует этот вопрос. Поэтому мне бы хотелось подробнее узнать. Я думаю, что и у национальных меньшинств, и у месхетинцев есть какие-то общие проблемы. Может быть, мы поможем друг другу.

Клара Бараташвили – Да... Спасибо, Нелли.

Джалил Шаганидзе – Я Джалил Шаганидзе, представитель союза "Месхети", молодежи депортированных месхов. Закончил педагогический университет.

Джемшид Татидзе – Джемшид Татидзе, студент Тбилисского государственного университета, 7-й курс. Представитель молодежной организации "Месхети".

Русудан Табатадзе – Я Русудан Табатадзе, просто студентка, которая заинтересована этой проблемой.

Клара Бараташвили – Ну, наверное, надо сказать, что Русудан является представителем ВПЛ из Абхазии. Да?

Русудан Табатадзе – Да, можно так сказать.

Клара Бараташвили – Вы родом из Сухуми?

Русудан Табатадзе – Да.

Тамара Кисиева – Меня зовут Кисиева Тамуна. Я студентка, представляю Ассоциацию осетин Грузии. И я здесь, потому что хотела побольше узнать о проблеме месхетинцев.

Клара Бараташвили – Спасибо большое.

Айдын Киквадзе – Я Киквадзе Айдын, представитель молодежной организации "Месхети", студент юридического факультета Тбилисского государственного университета.

Назир Ахвердиев – Я Назир Ахвердиев из Саингило (*несколько районов на территории Азербайджана, граничащей с Грузией, где живут этнические грузины* – **ред.**), студент. Меня очень интересует деятельность организации, которая занимается месхетинской проблемой. Поэтому я здесь.

Клара Бараташвили – Спасибо.

Маджид Кочалидзе – Я Кочалидзе Маджид, студент. Также являюсь членом молодежной организации "Месхети".

Клара Бараташвили – Скажи, пожалуйста, где ты учишься?

Маджид Кочалидзе – Я учусь в Ахалцихе, в университете имени Иванэ Джавахишвили. Студент 4-го курса юридического факультета.

Эльдар Лазишвили – Я Эльдар Лазишвили, студент. Представитель молодежной организации "Месхети".

Клара Бараташвили – Спасибо.

Затем был проведен мозговой штурм, с целью выяснить, какие вопросы интересуют участников встречи.

Вопросы, которые заинтересовали группу, и были отобраны:

1. Каково современное состояние месхетинской проблемы?

2. Что общего и что отличного у месхетинцев и нацменьшинств, проживающих в Грузии?

3. Как достичь бесконфликтности при репатриации?

Интересно, что "Историю вопроса" группа не пожелала обсуждать. Было высказано мнение, что история сама, подчас, является источником конфликтов.

Клара Бараташвили – С вопросами мы определились. Давайте обсуждать.

Михаил Ляшенко – Меня интересует переселение. Насколько

массовый характер это носит? Или это носит частный характер?

Клара Бараташвили – Вопрос переселения месхетинцев – не массовый, он в прямом смысле носит частный характер. Люди, которые сами могут где-то что-то купить, кто-то что-то продаёт, в Ахалцихе, например. Человек приезжает, покупает дом, скажем, у отъезжающих людей, поселяется. Затем подает заявление на гражданство. Но это в единичном порядке. В массовом – ничего пока нет.

Михаил Ляшенко – Препятствий, административных проблем нет?

Клара Бараташвили – Полным-полно!

Михаил Ляшенко – Подспудные, наверное?

Клара Бараташвили – И явные тоже. Власти говорят, – на каком основании вы приезжаете? Скажем, настоящий турок приезжает из Турции, покупает в Ахалцихе здание. Открывает ресторан, занимается бизнесом и так далее... И у властей никаких вопросов нет. Но приезжает так называемый "турок-месхетинец", и ему говорят – не-е-т, ни в коем случае нельзя, ты не гражданин. Хотя по Конституции любой человек, даже иностранец, имеет право покупать в Грузии недвижимость и т.д. То есть, настоящему турку не отказывают, а так называемому "турку" отказывают.

Михаил Ляшенко – Вот это да!.. Так это местная администрация отказывает?

Клара Бараташвили – Местная, конечно. С негласного согласия сверху.

Нелли Родионова – Ведет ли ваша организация какую-нибудь работу, чтобы этот процесс пошел?

Клара Бараташвили – А как же! Наша работа в этом и заключается. Во-первых, мы встречаемся с людьми на всех уровнях. Во-вторых, мы имеем постоянные контакты с международными организациями, поставляем всем заинтересованным лицам и организациям информацию о проблеме.

Марат Бараташвили – Тут я бы еще добавил – мы сотрудничаем с неправительственными организациями других стран, где проживают месхетинцы. Потому что речь идет о ***добровольной*** репатриации. То есть, насильственной была депортация, – в течение ограниченного времени, 2-3 дня и всё, никого уже здесь не было. А репатриация будет ненасильственной, добровольной, и будет растянута во времени. И чтобы эта репатриация была добровольной, нужно, в первую очередь,

добиться того, чтобы люди (где бы они сейчас ни проживали) были приравнены в правах с теми, с кем они живут рядом. То есть, они имели бы гражданство тех стран, где сейчас живут. И только тогда их переезд в Грузию рассматривался бы как добровольный акт, добровольный переезд. А то, что нас может ожидать, в случае принятия закона здесь, – это опять будет выселение людей оттуда (скажем, из Краснодара или из некоторых регионов Центральной Азии), и побег от спровоцированных конфликтов, а не добровольное переселение. Вот поэтому мы стараемся помочь в обеспечении статуса гражданства всем, кто где бы ни проживал.

Михаил Ляшенко – А по каким обстоятельствам они не имеют гражданства в тех местах, где проживают?

Марат Бараташвили – Руководство всех стран рассматривает это население, как временных жильцов, которых в свое время приютили как беженцев...

Михаил Ляшенко – После Ферганы? С тех самых пор?

Марат Бараташвили – Да, нет ничего более постоянного, чем временное. Придет, мол, время, они отправятся к себе домой, а до тех пор мы их терпим..

Заур Халилов – Можно, да? Это моя любимая тема – гражданство... Есть такая организация, как УВКБ ООН, которая занимается лицами без гражданства. Но, к сожалению, они тоже не могут решить эту проблему, потому что тут нужен комплексный подход ...

Марат хорошо сказал – это касается не только Грузии, но и тех государств, где сейчас компактно проживают месхетинцы. Это Краснодарский край, Средняя Азия, Турция, Азербайджан. В Азербайджане у них проблем меньше, чем в остальных странах. В Турции тоже – может быть, из-за близости языка, религии...

Но я бы не сказал, что в Турции проблема с гражданством решена, потому что они там тоже находятся в статусе безгражданства. Но самая страшная ситуация – в Краснодарском крае, потому что фактически люди живут там несколько десятков лет, но так и не имеют право ни на что абсолютно. То есть, ни собственность, ни дом, ни автомобиль, ничего не имеют право на себя оформить.

И проблема взаимоотношения населения тоже большая, потому что, когда я езжу в Ахалкалаки, в Ахалцихе или Ниноцминда (бывший Богдановский район), первое, что они говорят – вот... Почему я не хотел затрагивать проблемы истории? Потому что

она не дает возможности живущим в Самцхе-Джавахети людям сейчас просто согласиться с тем, чтобы месхетинцы переехали. Здесь есть вина и государства, и я сейчас скажу, почему. Государство фактически над этой проблематикой профессионально не работает. Это раз. Во-вторых, почему-то у всех сложилось впечатление, что этих людей хотят переселить именно в Самцхе-Джавахети, а не, скажем, по всей Грузии.

Марат Бараташвили – Более того – люди сами хотят по всей Грузии, а не только в Самцхе-Джавахети.

Заур Халилов – Государство остерегается того, как бы не произошел конфликт между двумя этносами, – это армянский и, скажем, тот же самый, месхетинский. Это очень сложная проблема. И какие бы там цифры не говорились – 10-12 лет, поверьте мне, за эти 10-12 лет ничего не решится, если сегодня это не начать.

Клара Бараташвили – Да, конечно…

Заур Халилов – А, насколько я знаком с этой проблематикой, то сегодня в Грузии месхетинцы живут ради галочки. По-моему, государство просто показывает всем, что вот, живут люди. Но говорить о том, сколько еще сюда вернется (разговор идет о 300 тысячах), – это еще большой вопрос.

Я думаю, эта проблема опять-таки будет висеть в воздухе. И решать ее придется вам, этническим организациям, потому что, насколько я знаю, и в Азербайджане и в России тоже есть месхетинские неправительственные организации. Я знаю, у вас есть разногласия, но это ваше внутреннее дело. Если начнется конкретная работа над этой проблемой, я думаю, их можно будет перебороть.

Элементарно – как себя называть. Насколько я знаю, грузинская делегация официально потребовала в Евросовете, чтобы слово "турки" убрали, остальные согласились с этим. Это тоже проблема, но эти проблемы тоже легко можно решить. Потому что люди имеют право на самоидентификацию. Когда он говорит, что его должны назвать "месхетинцем", скажем, а не "турком-месхетинцем", то так и должны называть. Если те люди, которые живут, скажем, в России, в Азербайджане или Турции, хотят говорить, что они "турки-месхетинцы", то эту группу людей должны считать именно "турками-месхетинцами". Вот потому я говорю – это очень большая работа. Комплексный подход ко всему этому нужен, и довольно сложно будет решить.

Клара Бараташвили – Спасибо большое, Заур, очень интересно

то, что ты сказал. Я думаю, это всем было интересно. Я бы хотела, чтобы Марат немножко добавил по поводу термина. Поскольку Марат был участником этих событий.

Марат Бараташвили – Термины. Были "грузины-мусульмане", были "грузины-сунниты", были "месхи-мусульмане", при советском режиме стали "азербайджанцами". Потом просто "турки" – так выслали. Потом "советские турки". Сейчас появились "ахалцихские турки", "ахысха тюркляри" ("ахысхинские турки"), "месхетинские турки", "турки-месхетинцы". Эта война терминов имела место до недавнего времени. В марте 1999 года, в Вене собрались (в числе международных организаций и правительств) представители и самих месхетинцев из России, Украины, Азербайджана и Грузии. И там договорились, что ***все согласны*** с тем термином, который выработал Совет Европы по просьбе грузинской стороны, а именно – "депортированное месхетинское население". Мы ***все*** с этим термином согласились, и, как было заявлено в нашем совместном документе, "… нас больше интересует существо вопроса, нежели терминологические споры". С тех пор мы официально придерживаемся этого термина. А что касается самоидентификации, кто кем себя считает, как Заур сказал, – ради Бога… Кто как себя ощущает…

Клара Бараташвили – Кто хочет сказать по проблеме?

Русудан Табатадзе – Я хочу сказать по поводу гражданства. УВКБ ООН знает, что эти люди приехали в Россию из Средней Азии много лет назад. Как мне известно, в Краснодарском крае месхи проживают достаточно долго. Как это возможно – не давать им гражданства? Это первое. И второе. Насколько правильно считать месхов этническим меньшинством?

Клара Бараташвили – Пожалуйста, Марат….

Марат Бараташвили – По поводу гражданства – насколько УВКБ может заставить Россию или кого-то другого… Существуют Пакт о сокращении безгражданства – международный документ, Россия и мы к нему еще не присоединились. О статусе апатридов мы тоже не присоединились… Поэтому таких механизмов не существует.

Заур Халилов – Механизмов нет. Есть просто рекомендации. Сама страна имеет право решать свои проблемы. Поэтому – как страна решит, так и будет.

Русудан Табатадзе – Но это же неправильно!..

Заур Халилов – Другого пока нет.

Марат Бараташвили – По поводу того, насколько оправдано называть депортированных месхетинцев этническим меньшинством или национальным меньшинством. До сих пор во всем мире идет спор, – что такое "национальное меньшинство", что под этим понимается? Язык, религия, культура или что, территория там, история?.. На это никто не ответит, я – в том числе.

Заур Халилов – Это тоже проблема самоидентификации. Любой человек имеет право сказать, что он – национальное меньшинство. Если я сейчас официально скажу, что я – национальное меньшинство, государство не имеет право сказать мне, – почему ты хочешь быть меньшинством?

Марат Бараташвили – Он меньшинство, потому что так считает...

Заур Халилов – Потому что ***я сам*** так считаю. Или же наоборот – я могу быть так называемым этническим меньшинством, но сказать, что я – коренной житель.

Нелли Родионова – Титульная нация...

Заур Халилов – То есть, коренной житель, и... без проблем. Государство не имеет права диктовать мне. А что касается статуса, в Грузии этнического меньшинства официально не существует. Потому что по Конституции не делается никакого различия. Там написано – все, кто получил гражданство с 1995-го года, официально являются гражданами Грузии. То есть, нет никакого разделения на титульную нацию и на этническое меньшинство.

Марат Бараташвили – Главное – гражданство...

Клара Бараташвили – Поскольку мы о проблеме говорим, я немножко скажу. Но потом всем вам дам слово.

Я была главным специалистом службы репатриации, при Министерстве беженцев существовала служба репатриации. Она была организована специально указом президента. И его же указом начальником службы репатриации был назначен Гурам Мамулиа – большой друг месхетинцев. Но официальная власть повела себя таким образом, что практически шло торможение этого дела. Скажем, служба репатриации была отстранена от подготовки законопроекта – это раз. Мы не имели необходимого для текущей работы, например, приходили на службу, и нам сидеть даже негде было. Мы неоднократно обращались к министру Валерию Вашакидзе. А он говорил – ну что мне ваш месхетинский вопрос,

у меня вон 300 тысяч абхазских беженцев, я не знаю, что с ними делать, еще тут месхетинцы какие-то. То есть, происходило сознательное торможение работы.

Вот эти ребята учились и жили в так называемом адаптационном центре. Все они существовали благодаря усилиям службы репатриации и Гурама Мамулиа. И просуществовали. Они получили образование только благодаря энтузиазму этих людей.

Однако, в связи с принятием закона о беженцах, ребят разом лишили всех льгот, что их поддерживало. Было прекращено финансирование на их обучение грузинскому языку, на льготы... И практически – ни адаптационного центра, работа – вот таким образом...

Мы несколько раз официально предупреждали, что так нельзя, писали президенту и так далее... Нас упрекали, как это – вы чиновники, а занимаетесь NGO-шной работой и еще правительством что-то там недовольны... Мы сказали – раз так, тогда мы считаем своим гражданским долгом... Взяли, и все хором подали в отставку, – служба репатриации во главе с Гурамом Мамулиа. Официально сообщили президенту, – мы ушли потому-то, потому-то, и просим принять меры. Ответом, как говорится, было молчание...

Я просто к тому, что сейчас службы, как таковой нет, ее превратили в департамент. Я не знаю, что там делается.

Марат Бараташвили – После того, как в грузинской версии два года назад был принят закон о беженцах – опять же по инициативе Валерия Вашакидзе, в этом законе зафиксировано, что беженцем на территории Грузии не может быть лицо, страна происхождения которого – Грузия. То есть, единственный легальный статус, который имели наши ребята на территории Грузии (статус, приравненный к беженцам), был у них отобран. Это тоже было сделано специально, потому что ни в одном государстве мира ***такого*** в законе о беженцах нет.

Клара Бараташвили – Джалил, пожалуйста.

Джалил Шаганидзе – По поводу того, что мы – нацменьшинство или этническая группа. Пока что это не зависит только от нас. Смотря, как государство смотрит на эту проблему. Когда они принимают закон о беженцах, они считают нас потомками граждан Грузии, и говорят, что вы у нас беженцами быть не можете. А когда должны принимать закон о нашей реабилитации, говорят: вы – не наши, это не наша вина, это Советский Союз... пусть

Россия решает...

Клара Бараташвили – То есть, двойной стандарт...

Джалил Шаганидзе – Двойной стандарт... Поэтому, в первую очередь, государство должно решать, кто мы – титульная нация или нацменьшинство, грузины или этническая группа?

Клара Бараташвили – Да, пожалуйста, Заур.

Заур Халилов – Если государство решит, то оно ***так*** решит, поверьте мне, что вы потом и сами запутаетесь.

Джалил Шаганидзе – У государства должна быть определенная программа ...

Заур Халилов – Мы ведем разговор о государственном подходе вообще к решению этой проблемы. Вот недавно мы тоже собирались у нас в правлении, и сказали, – давайте сделаем так. Мы – этнические группы, да? У нас есть свои проблемы. Есть государственные структуры, которые должны это решать. Хотя фактически они ничего не делают. Раз мы объединились и говорим, что мы должны сами решать свои проблемы, давайте сами и будем их решать.

Вот вчера я был на съезде Союза граждан Грузии, где президент долго выступал. И две трети своей речи он посвятили именно этой проблеме. Проблеме взаимоотношений между этническими группами и титульной нацией. Проблеме языка, проблеме именно гражданского самосознания. Время пришло. До тех пор, пока каждый гражданин не будет осознавать, что он является полноценным... К этому пришли все. Об этом говорили международные организации и наши неправительственные организации. И только сейчас дошло до президента. И, наверное, года через два дойдет до госчиновников (*смех*).

Нелли Родионова – Не знаю, дойдет ли...

Заур Халилов – Дойдет, дойдет... наверное, дойдет. Если не дойдет, начнут снимать их, но рано или поздно – до них дойдет. И где-то годика через два наши проблемы начнутся решаться. Эти два года тоже будут потеряны. Поэтому я говорю, – сегодня ***каждый*** должен решать свою проблему. Должен требовать. Когда мы говорим, что у нас есть права, у нас есть и обязанности. Перед собой, чтобы решить нашу проблему. Поэтому давайте, вот с этого угла смотреть. А говорить, – пускай государство решит мне этот вопрос... Государство вам никогда это не решит...

Джалил Шаганидзе – Я же не говорю, что только государство должно решать...

Клара Бараташвили – Отношение...

Заур Халилов – Об отношении я и говорю. Отношение государства никогда не будет хорошим, потому что это связано с деньгами, связано с проблемой. Это связано с тем, что какой-то чиновник должен поднять одно тяжелое место и поехать в Джавахети (*смех*), поездить по регионам и посмотреть, – куда можно заселить людей. И решить эту проблему. А этот чиновник, – зачем ему это надо? Вставать и еще куда-то ехать. Он просто напишет, что...

Клара Бараташвили – ...невозможно...

Заур Халилов – Невозможно. Или нецелесообразно, там. Тысячу аргументом может привести. Поэтому, если не потребуешь, тебе сегодня никто ничего не даст.

Джалил Шаганидзе – Да.

Клара Бараташвили – Понятно. Большое всем спасибо. Давайте сейчас прервемся немножко на кофе-брейк.

После перерыва

Клара Бараташвили – Мы сейчас обсуждаем вопрос, – что общего у месхетинцев и нацменьшинств.

Марат Бараташвили – Может, разного...

Клара Бараташвили – А может, и разного. Пожалуйста.

Нелли Родионова – Естественно, разного много. Потому что, к сожалению, у месхетинцев сейчас нет статуса. Говорить о том, что мы находимся в одинаковых позициях, – не приходится. Мне кажется, если месхетинцам будет придан какой-то статус, тогда уже проще будет говорить об общем. Потому что тогда мы все будем гражданами одной страны, тогда налицо будут общие интересы.

В принципе, и сейчас-то эти интересы есть, просто проблема в том, что об этом месхетинцы, не будучи гражданами нашей страны, не могут заявить. Гражданами, в принципе, своей родины, потому что считают Грузию своей родиной.

Наверное, все мы хотим одного и того же. Мы хотим процветания нашей стране, мы хотим нормально здесь жить, мы хотим, чтобы это было демократическое общество. В котором все права гарантированы и соблюдены. Наверное, это является общим для всех нас. Но проблема в том, ***что*** мы можем сделать для того, чтобы помочь Грузии идти в этом направлении?

Мы, представители разных национальных меньшинств, часто встречаемся. В частности, недавно у нас была встреча в Табахмело, где обсуждался законопроект о государственном языке, который, в общем-то, касается всех национальных меньшинств. Но может быть, кое-кто неправильно трактует то, что мы говорим.

Мы не говорим, что не хотим иметь грузинский язык государственным языком. Мы считаем это нормальным и естественным – чтобы грузинский язык был государственным языком. Но мы хотим, чтобы при этом соблюдались права всех остальных национальностей.

Вот вы говорили про законопроект о репатриации. Наверное, самое лучшее – это, чтобы ***вы сами*** принимали участие в формировании этого законопроекта, а потом и его принятия. Может быть, даже с участием представителей всех национальностей. Потому что это, наверное, будет касаться всех. И самое важное, чтобы не возникло конфликтов в тех местах, где потом будут проживать месхетинцы. Как Заур говорил, – должна идти полномасштабная работа. Должно быть осведомлено и население, куда собираются переселиться эти люди. Чтобы их воспринимали не как врагов, а как таких же, как они сами, людей. Которые будут стремиться, в принципе, к тому же, что и они – к нормальной жизни. Будет много таких вопросов, о которых нужно подумать и решать вместе. Вот это, наверное, наши общие проблемы.

Клара Бараташвили – Понятно...

Джалил Шаганидзе – У меня вопрос. Здесь находятся представители ингилойцев и осетин. Мне просто интересно, каково ваше положение сейчас в Грузии? Какие имеете льготы или препятствия? Что вам мешает? Свою проблему мы знаем. Нам интересна ваша проблема. Там языковая или национальная, любая.

Назир Ахвердиев – В национальных вопросах мы, ингилойцы (*этнические грузины – мусульмане и христиане, – живущие на территории Азербайджана, граничащей с Грузией* – **ред.**) как здесь, так и там, имеем много проблем. Хотя бы то, что не можем давать детям любые имена. Сейчас такой закон выработали, что нужно давать детям именно национальное имена. Родители хотят одно, но вынуждены давать национальные имя. Из-за имен проблемы, из-за фамилий, из-за таможни во время перехода границы. Здесь, в Грузии, у нас тоже есть проблемы. Мы

обращались, чтобы восстановить грузинские фамилии, а нам отказывают, говорят, что не могут. Ни там, ни здесь. Там мы не можем, а здесь они не могут, вот так в воздухе висим. Лично я подавал заявление в министерство юстиции и больше года ходил вверх-вниз, ничего не вышло.

Джалил Шаганидзе – Сейчас у тебя гражданство азербайджанское?

Назир Ахвердиев – Да.

Клара Бараташвили – А где ты выучил грузинский язык? Здесь?

Назир Ахвердиев – Нет. Я там выучил. Я учился в грузинской школе.

Клара Бараташвили – В Азербайджане?

Назир Ахвердиев – Да.

Клара Бараташвили – А что, там грузинские школы есть?

Назир Ахвердиев – Да, есть. Но каждый день какие-то ограничения идут.

Русудан Табатадзе – Откуда идут эти ограничения – от властей?

Назир Ахвердиев – Да, от властей. В одной школе есть и грузинский, и азербайджанский, и русский секторы. Вообще-то, разрешают привозить книги и пособия из Грузии. Но бывает, чиновники ставят всякие препятствия, чтобы книги в школу не попали. Бывает, книги так назад и возвращаются.

Клара Бараташвили – Скажи, а какие у вас отношения с обычными людьми?

Назир Ахвердиев – С обычными людьми у нас нормальные отношения...

Клара Бараташвили – Скажи, пожалуйста, помогает ли тебе то, что ты знаешь грузинский язык?

Назир Ахвердиев – Конечно! Во всем.

Клара Бараташвили – Спасибо. Кто еще?

Тамара Кисиева – Это вообще, первый семинар, в котором я принимаю участие, раньше у меня не было возможности так активно участвовать. Поэтому я являюсь слушателем, в основном...

Клара Бараташвили – Ничего...

Тамара Кисиева – У меня лично такая ситуация. Я учусь в Москве. Последние три года я приезжала сюда, в Тбилиси только отдыхать. Максимум бывала несколько недель. Сейчас я перешла

на заочное отделение, и поэтому нахожусь уже здесь. Родилась я и выросла в Тбилиси, свободно владею грузинским языком, хотя успела его немного забыть. Как таковых проблем у нас просто не возникало. Проблема, какая у меня лично и у всех моих знакомых осетин, – это полный вакуум. То есть, я не знакома с осетинской культурой, с осетинами вообще. Большинство осетин отсюда уехало. Я нахожусь в Тбилиси, очень редко бываю в Северной Осетии, в Цхинвале. И здесь – полнейший вакуум. То есть, я не знакома с осетинской литературой. Абсолютно. Я даже не знаю осетинского языка. Я только немного его понимаю.

Почему это происходит? Потому что, во-первых, нет осетинских школ, во-вторых, нет таких организаций, где можно было бы общаться элементарно. Сейчас создана ассоциация осетин, но у нас, к сожалению, много таких препятствий...

Клара Бараташвили – Каких? Можно назвать их?

Тамара Кисиева – Ну, прежде всего, финансовых.

Клара Бараташвили – Ну, финансовые – это у всех препятствия...

Тамара Кисиева – За повседневными проблемами я как-то не успеваю встречаться, общаться. Но таких вот проблем, как статус, у нас нет. У нас, наоборот, проблема та, что мы ассимилируемся. Я больше являюсь грузинкой, чем осетинкой. И это является основной проблемой.

Нелли Родионова – Но ведь у нас в Тбилиси есть осетинские организации? Насколько я знаю, у них Тенгиз Гаглоев – руководитель, они там занимаются ...

Тамара Кисиева – Да, мы постоянно встречаемся, пытаемся что-то сделать, создать, но... Мы хотим открыть курсы осетинского языка. Но пока конкретного ничего нет.

Клара Бараташвили – Я, так сказать, по ходу, предлагаю сотрудничество. Давайте, сделаем какой-то совместный проект, соберем месхетинцев, скажем, осетин и абхазских беженцев. И сделаем общий проект. Как вы на это смотрите?

Тамара Кисиева – Конечно...

Клара Бараташвили – Чтобы мы подружились...

Джалил Шаганидзе – Контакты завели...

Тамара Кисиева – Естественно, очень даже рады.

Клара Бараташвили – Мне очень нравится тема нашего разговора, и то, как идет всё. Пожалуйста, кто еще хочет высказаться.

Марат Бараташвили – Я хочу высказаться. Мне очень не нравится, что человек, который в душе считает себя осетином, имеет об этом только запись в свидетельстве о рождении.

Клара Бараташвили – Да... Самобытности терять не надо.

Тамара Кисиева – Да, но это не зависит от меня. У моих родителей грузинское образование, грузинский круг общения. Я фактически не знаю осетин. Да, я могу поехать в гости, допустим, в Северную, Южную Осетию, но ненадолго. Потому что жизнь идет, нужно учиться, что-то делать. Я не могу бросить все, например, учебу, и поехать во Владикавказ для того, чтобы общаться с осетинами и жить с ними. Потому что есть много проблем. Нет, конечно, хотелось бы общаться и все такое, но в данных условиях это невозможно.

Нелли Родионова – С точки зрения интеграции у вас все нормально. Вы очень легко интегрировались в общество. Вашей организации сейчас просто нужно как можно больше развиваться, как можно больше проводить какие-то мероприятия. Самой знакомиться с осетинской культурой, и другим пропагандировать. Мне кажется, вы в данный момент находитесь в очень неплохих условиях.

Тамара Кисиева – Знаете, большая часть осетин уехала, а те, которые остались, они – с грузинскими фамилиями. При мне они скажут, что они осетины, но за глазами – они уже грузины. Таких осетин, которые гордо скажут: "Да, я осетин, и горжусь этим!.." – очень мало.

Клара Бараташвили – Понятно... Может, еще кто-то хочет? Айдын, мы сегодня от тебя ничего не слышим. Мне нравится, как ты рассуждаешь, в прошлый раз очень активно участвовал.

Марат Бараташвили – А я приготовился, что буду пресекать Айдына – хватит, мол, хватит... А ты сидишь, молчишь... (*смех*)

Клара Бараташвили – Как ты считаешь, Айдын, есть у нас что-то общее?

Айдын Киквадзе – Общее, может быть, есть. У каждого человека самое главное – право жизни, право спокойствия... У других это есть – какая-то нормальная жизнь. А у нас этого нет. У нас за последние 50 лет 12 лет – комендантский режим в Узбекистане, рабское существование. Я помню, как мы на хлопке... как негры на хлопковых плантациях работали. После того, как Узбекистан захотел себя показать, они выбрали нас, как самых беззащитных. Начали нас истреблять. После этого приехали в Азербайджан, –

там тоже забрали в Карабах. Всегда какие-то чужие проблемы решать. Сколько семей там, в Ходжалы погибло… Потом возьмем Чечню. Моя семья в данный момент в Чечне живет. Там что только не происходило. Везде чужие проблемы. В Краснодаре. Человек там просто работает на черной работе. У нас нигде нет людей на какой-нибудь высокой должности, чтобы сказать, вот, из-за этих должностей нас выгнали. Просто чернорабочие, а все равно… Я не понимаю, – что они в нас видят? Просто, наверное, виной всему то, что нас называют "турками".

Клара Бараташвили – Да…

Айдына Киквадзе – Вообще-то я не такой верующий человек. Можно сказать, что сам я по натуре атеист. Все это как-то нам мешает. Вот я в России сколько раз был, во многих местах… Сначала все нормально. Но если ты немножко помешаешь ему – всё, тебе говорят – иди в Турцию, ты турок.

И здесь тоже такое же. Мы 9 лет здесь, когда мы сюда приехали, они боялись нас, не знаю, как…

Марат Бараташвили – "Они" – это кто?

Айдын Киквадзе – Говорят, вы – эти самые? Людоеды, что ли?

Марат Бараташвили – Кто "говорят"? Кто "они"?

Джалил Шаганидзе – Головорезы, там…

Айдын Киквадзе – Вот-вот!..

Клара Бараташвили – Местные?

Айдын Киквадзе – Местные, да. Мы 9 лет здесь находились, голодными были, все претерпели, но не уезжали, чтобы все увидели, кто мы такие. Чтобы поняли. Что-нибудь такое произошло? Что-то криминальное было? Ничего не было. Они поняли, что мы – нормальные люди. Но все равно, у них вот эта ненависть была. Меня больше всего это пугает. Не проблемы они боятся…

Клара Бараташвили – Образ такой, да?

Айдын Киквадзе – Проблем нет, не будет. Просто – образ врага. Вот этого я больше всего боюсь. Это нельзя искоренить у них… какими-то проектами…

Клара Бараташвили – А ты как считаешь, чем это можно искоренить?

Айдын Киквадзе – Не знаю… Пусть на себе испытают, что мы испытали… (*смех*)

Клара Бараташвили – Ну, Русудан испытала на себе. Она из Абхазии, между прочим…

Айдын Киквадзе – Я понимаю… Что я хочу сказать… Я всё пережил. Я готов. Какой законопроект они подготовили, я готов по этому закону приехать сюда. Но только с одним условием. Пусть 300 тысяч беженцев из Абхазии, подобным законом поедут туда.

Русудан Табатадзе – У нас, вообще-то, ситуация разная…

Айдын Киквадзе – Ситуация разная, но зато 57 лет… Ну пусть не все, пусть половина поедет. Посмотрим, смогут они там таким законопроектом, который готовится для нас? Да сто семей не смогут туда поехать! Варианта нет… Там чего только не написано…

Клара Бараташвили – Я хочу дать справку, что это за законопроект. Это тот, что разработала ассоциация молодых юристов под ведомством министерства беженцев, и его повезли в Страсбург. Надо сказать, что он довольно-таки дискриминационный. По этому законопроекту требуется куча документов, которые должен собрать депортированный. В жизни их не соберешь. И самый главный документ – "оригинал справки о депортации"! Простите, но когда наших высылали, никто не выдавал никаких справок. Просто в 4 часа утра пришли, толкнули дверь, и прикладом винтовки выгнали всех на улицу. А сейчас требуют "оригинал справки о депортации"… Это вообще, возможно? Насчет этого Айдын говорит, что невозможно.

Марат Бараташвили – Аргумент у них такой: мы, дескать, должны знать, что он действительно депортированный. Не то, мол, под эту марку кто угодно может приехать в Грузию.

Клара Бараташвили – Как на одном семинаре Мария Ариоли из ОБСЕ сказала: было бы еще понятно, если бы это была Канада… А в Грузию – кто рвется? Только месхетинцы, больше никто. Пожалуйста, Айдын…

Айдын Киквадзе – Постоянно из безопасности к нам в общежитие приходили. У нас против Грузии никаких злых умыслов. Мы готовы изучать язык, пусть грузинские школы будут, мы будем постепенно… А они хотят сразу, – чтобы мы приехали, и за 2-3 года стали грузинами, как здешние. Чтобы сознание сразу поменялось…

Марат Бараташвили – Это сейчас говорят. Десять лет назад говорили: границу пересекаешь, – покажи, что ты грузинский язык знаешь, покажи на груди крест и чуть ли не лабораторный анализ проводить – какой у тебя процент грузинской крови. (*Смех*)

Джалил Шаганидзе – Да-да... На днях Нодар Натадзе тоже так говорил...

Марат Бараташвили – Это было на конференции... Кстати, о ней... Ассоциация "Мамулишвили" собиралась 19-20 декабря проводить в зале Академии наук конференцию по месхетинской проблеме. За полтора месяца до этого договорились с президентом Академии, получили добро, разослали пригласительные. Но за день до начала конференции, поздно вечером им отказали в помещении. Почему? Сначала сказали, что, вот, у нас должен быть ремонт, нет тепла ... А на самом деле, депутат Гурам Шарадзе заявил президенту Академии наук, чтобы они ни в коем случае не давали зал для проведения конференции по месхетинскому вопросу. Что предоставление зала Академии наук для такого мероприятия, является "национальной изменой". (*Смех*) Пришлось срочно искать другое помещение. Наира Гелашвили пригласила Ассоциацию "Мамулишвили" к себе, в Кавказский дом, где конференция и прошла.

Русудан Табатадзе – Это очень плохо, потому что подобные заявления депутата Гурама Шарадзе, высказывания губернатора Самцхе-Джавахетского региона Гиглы Барамидзе, тех политиков, которым нужно набрать побольше очков, и больше ничего... они просто манипулируют проблемой. Этому должно противостоять что-то другое. Должна быть противопоставлена объективная информация. Народ сам должен решить, – что есть правда, и что есть... где справедливость, а где – нет.

Я тут среди наших студентов опрос проводила. Опросили мы 70 человек, – считаете ли вы справедливым или нет возвращение месхов в Грузию? 48 человек, что составляет 68 процентов, заявили, что нет. И приводили весьма экзотические аргументы для доказательства того, почему не надо их возвращать. А 10 человек положительно ответили.

Нелли Родионова – Многие, может быть, даже представления не имеют – кто такие месхетинцы, жили ли они здесь когда-нибудь, каким образом все произошло...

Для того чтобы ответить на какой-то вопрос, нужно иметь информацию. Правдивую информацию. Не ту, которую черпают из газет, определенно направленных, дающих образ врага. А правдивую истинную информацию о положении вещей.

Тамара Кисиева – И мне кажется, те 10 человек, что положительно отреагировали, – это были именно те люди, которые

были знакомы с этой проблемой. Но, в основном, масса – она какая? Люди чаще всего мельком слышат о проблеме, и выносят мнение, которое абсолютно ни на чем не основано. И, соответственно, положиться на их реакцию нельзя. Мне кажется, что это очень сложный процесс. И это будет долго длиться. Просто нужно как-то правильно проводить мероприятия, как-то правильно все это делать, потому что основная масса, она, конечно, будет негативно настроена.

Русудан Табатадзе – Да... Именно та масса, та ее часть – не информированных людей – создает фон, такой отрицательный.

Джалил Шаганидзе – Пусть Русудан не обижается, но против вас Гурам Шарадзе не действует... (*смех*) Но если такой же опрос проводить насчет вас, беженцев, вы получите такой же ответ.

Русудан Табатадзе – Нет, у нас совсем другая проблема... В первую очередь, мы не являемся беженцами. Беженец и ВПЛ – это разные понятия.

Джалил Шаганидзе – Да, но я имею в виду – отношение. Я тоже часто слышу: беженцы – такие сякие, они всё захватили... Короче, и к перемещенным лицам из Абхазии, и к месхам – в Грузии почти одинаковое отношение.

Тамара Кисиева – Просто нужно как-то СМИ использовать, и как-то ознакомить людей с этой проблемой. Если человек узнает проблему месхетинцев, я не думаю, что он как-то негативно отнесется к ней.

Клара Бараташвили – Понятно... В общем, больше информации, да?

Тамара Кисиева – Конечно... Это прежде всего.

Клара Бараташвили – Маджид, я бы хотела, чтобы ты сказал несколько слов – как там, в Ахалцихе? Как там относятся к вам? Как студенты? Как соседи?

Маджид Кочалидзе – Я там уже 4 года живу и учусь в университете. Как известно, там живут уже 7 семей. Конечно, когда первая семья приехала в Ахалцихе, реакция была острой. Люди не хотели, чтобы наши приезжали. Прошло несколько лет, и затихло всё. Люди уже приезжают, живут спокойно.

Клара Бараташвили – А как они живут? Каким образом поселяются? Покупают дома?

Маджид Кочалидзе – Да. Когда приехала первая семья, тогда нашим не продавали дома. Запретили. Другим – можно было.

Марат Бараташвили – Продавай кому хочешь, но не им...

Маджид Кочалидзе – Да, и если продавали, то цены были в пять раз выше.

Клара Бараташвили – А студентов сколько наших?

Маджид Кочалидзе – Студентов было 14, осталось 8.

Клара Бараташвили – Почему их стало меньше?

Маджид Кочалидзе – Некоторые уже закончили и уехали. Есть те, которые закончили исторический факультет и работают в университете.

Нелли Родионова – Там же, где и учились, да?

Маджид Кочалидзе – Да.

Клара Бараташвили – Ну, это прекрасно! А кто там работает, ну-ка скажи…

Маджид Кочалидзе – Бадри.

Клара Бараташвили – По-моему, его фамилия Какунашвили?

Маджид Кочалидзе – Да.

Клара Бараташвили – Кстати, скажи о фамилиях.

Маджид Кочалидзе – О фамилиях… Моя фамилия – Кочализде.

Клара Бараташвили – Ты приехал в Грузию с этой фамилией?

Маджид Кочалидзе – Нет. Когда я приехал, у меня была фамилия Кочалиев. Через несколько лет, получив гражданство, я восстановил свою фамилию Кочалидзе.

Клара Бараташвили – А как ты определил, что это твоя фамилия? С потолка взял?

Маджид Кочалидзе – Нет, конечно! Наши предки, – мои дед и его брат говорили, что наша фамилия всегда была Кочалидзе. Я подумал – надо в архиве разузнать, точно ли фамилия была Кочалидзе? И правда, – оказалась Кочалидзе. Ну, и вы помогли…

Клара Бараташвили – Я работаю с архивами, и мы обнаружили очень много фамилий. Бывает, человек приезжает и говорит – я из такой-то деревни, мой дед такой-то, прадед – такой-то, пра-пра… такой-то… И мы ищем и находим фамилии. Конечно, пришлось много поработать, но мы довольны. Люди конкретно видят такой-то документ…

Марат Бараташвили – Как он был зарегистрирован во время Российской империи.

Клара Бараташвили – Так что надо благодарить Российскую империю хотя бы за то…

Джалил Шаганидзе – Что не сожгли, как наши архивы здесь во время высылки…

Клара Бараташвили – Маджид, а как с местными ребятами

отношения складываются?

Маджид Кочалидзе – Со студентами у нас не было проблем. Наш ректор университета Мераб Беридзе очень хорошо относится к нам, все время присматривает за нами. Мы без проблем учились.

Клара Бараташвили – С ребятами конфликтов нет, значит?

Маджид Кочалидзе – Нет, с молодежью нет. А вначале, когда приезжали семьи, столкновения были… ну, чтобы наши не возвращались.

Марат Бараташвили – А в сёлах бывал где-нибудь?

Маджид Кочалидзе – Конечно. Там, где мои предки жили – в селе Занави Адигенского района. Были с ребятами и в других селах – в Ахалцихском районе.

Клара Бараташвили – Ну, и как там, в селении?

Маджид Кочалидзе – В Занави сейчас в большинстве аджарцы живут. Хороший народ, гостеприимный. Когда мы приезжали, они хорошо принимали нас.

Клара Бараташвили – А вот из тех, которые раньше жили? Старики, скажем?

Маджид Кочалидзе – Да-да, есть…

Клара Бараташвили – Что они рассказывали?

Маджид Кочалидзе – Говорили только о хорошем. О плохом я ничего не слыхал.

Клара Бараташвили – Мне интересно твое чувство. Вот ты учишься в Ахалцихе…

Маджид Кочалидзе – Я думаю, мне повезло…

Клара Бараташвили – Вот!.. Видите, как люди ценят Родину?

Маджид Кочалидзе – В самом центре, как говорится…

Клара Бараташвили – Да… И надо использовать этот шанс, который подарила вам судьба. Спасибо, Маджид, очень интересно рассказал, мне понравилось. Может, еще кто-то хочет сказать?

Марат Бараташвили – Я просто хочу сделать вывод на основании всего услышанного. Я вспомнил, как в ноябре мы в Ликани собирались, Кавказский институт собирал разных НПО-шников, в том числе и наших, и Самцхе-Джавахетских. И там Амиран Месхели – это "Союз демократов Месхети" из Ахалцихе… Мне запомнились его слова. Он сказал, да, действительно, мы потеряли контакт. Мы друг друга не видим, друг о друге ничего не знаем, а пользуемся какими-то слухами. И еще он сказал, что прежде, чем придет автобус с переселенцами, люди действительно должны знать, кто будет сидеть в этом

автобусе. И то, что здесь было сказано, подталкивает меня к мысли, что мы действительно на правильно пути. Такие встречи надо проводить больше, почаще. И в разных местах, с разными людьми, чтобы люди знали, "кто в этом автобусе", образно выражаясь. Чтобы все пассажиры друг друга знали. Потому что наша Грузия – это большой корабль, давайте, сделаем так, чтобы он не утонул.

После перерыва

Клара Бараташвили – Поговорим сейчас о репатриации месхетинцев. Пожалуйста.

Джемшид Татидзе – Хотя я живу в Грузии, я не считаю, что возвращён, потому что моя семья не со мной. Я здесь один. Но если закон будет принят, и если я даже не возвращусь в деревню предков, я буду считать, что я на родине.

Клара Бараташвили – Потому что клеймо снимается...

Джемшид Татидзе – Я буду знать, что в любой момент могу возвратиться.

Нелли Родионова – Это именно моральное ...

Марат Бараташвили – Одно дело - человек сам для себя решил, сделал выбор, и уехал в Америку.

Джемшид Татидзе – Я думаю, что не все переедут сюда. Главное – знать, что ты имеешь право вернуться на свою родину.

Тамара Кисиева – Ну вот, допустим, человек живет где-то в России, вот, вы сказали, что учились в Ленинграде. И он подумает – зачем мне ехать в какую-то Грузию, мне и здесь хорошо... Мои дети и тут будут отлично жить. Можно ведь и так подумать? Но главное, что вы стремитесь.

Джалил Шаганидзе – Но если человек живет, например, в Ленинграде, он должен знать, что если он приедет в Грузию в любое время, ему никто не скажет, что он враг народа или еще что.

Тамара Кисиева – Это как самоутверждение, да?

Джалил Шаганидзе – Да. Моральное право жить в Грузии. Или не жить

Ма[illegible] Бараташвили – Это его решение.

Джалил Шаганидзе – Он приедет, потом уедет – это тоже его решение. Но, чтобы его не называли преступником...

Тамара Кисиева – Сейчас сами грузины просто валом уезжают отсюда, потому что нет условий...

Клара Бараташвили – А все удивляются – почему вы сюда едете, здесь, мол, нет никаких условий для жизни...

Тамара Кисиева – Но вы же не ищете условий, у вас просто моральная установка...

Клара Бараташвили – Мы условия ***создаем***. Наши люди, знаете, что говорят? Они говорят, – мы прекрасно живем вне Грузии. Экономически. Мы имеем все. Но мы ходим вкладывать свои деньги в экономику Грузии. Мы и дороги построим, и дома купим, и школы построим, хозяйство наладим. Сами все сделаем. Мы дадим такую прибыль в сельском хозяйстве – Грузия расцветет! Вы только возможность нам дайте. Мы хотим вкладывать это все в свою родную страну.

Джалил Шаганидзе – Да. Мы ***этого*** хотим.

Марат Бараташвили – Первый раз мы приехали в Ахалцихе в 1988 году. И когда встречались с людьми, они спрашивали: когда ваши приедут? Мы, говорят, ждем их. Потому что когда ваши уехали, земля перестала родить. Когда все вернутся, тогда в Грузии опять достаток будет. У людей такое ощущение.

Джалил Шаганидзе – Вот если вы сейчас захотите вернуться во Владикавказ, или Цхинвали, как осетинка, и если вам откажут, какое у вас ощущение будет?

Клара Бараташвили – Да, это интересно... Вам же никто не отказывает?

Джалил Шаганидзе – Вам ничего не скажут, да? Вы – осетинка. А если вам откажут, какая реакция будет у вас?

Марат Бараташвили – Выйдет, например, закон о том, что тому, кто хотя бы один день прожил в Грузии, нельзя возвращаться в Осетию ... (*смех*)

Джалил Шаганидзе – Ну, предположим...

Тамара Кисиева – Не дай Бог!..

Джемшид Татидзе – Раз ты депортированный – ты как будто виноватый. Нужно, чтобы было оправдание. Это самое главное. А не только, – чтобы просто разрешили нам приехать.

Клара Бараташвили – По-моему, у нас очень хорошая беседа получается..

Нелли Ро[illegible]онова – К сожалению, мне надо идти. Я р[illegible]да, что мне удалось побывать здесь, поговорить. Мне очень понравилось. Такой откровенный разговор... Я думаю, мы еще встретимся...

Клара Бараташвили – Конечно, у нас впереди еще много встреч...

Нелли Родионова – И по поводу законопроекта – очень важно и интересно. Потому что законы, которые принимаются, должны быть демократичными, открытыми и обнародованными. Для того, чтобы все могли обсуждать. Люди просто не знают, о чем в них говорится.

Марат Бараташвили – Мы часто забываем, что ***государство*** должно быть для людей, а не ***люди*** для государства.

Нелли Родионова – Конечно...

Клара Бараташвили – Большое спасибо, Нелли, за то, что вы нашли время и пришли. Мы с удовольствием с вами пообщались.

Нелли Родионова – Спасибо за приглашение.

Клара Бараташвили – А мы продолжаем.

Джалил Шаганидзе – Кто желает чаю?

Клара Бараташвили – Пожалуйста, наливайте. Учитывая наш холодный образ жизни... У Русудан вопрос. Пожалуйста.

Русудан Табатадзе – Так как пошел односторонний разговор... Для того, чтобы создать объективный характер, было бы интересно узнать и о деятельности протурецки настроенных организаций, потому что я знаю, что такие организации есть. Существует организация "Ватан", которая активно функционирует.

Джалил Шаганидзе – Правда, такие организации есть. Один в России, еще один "Ватан" в Азербайджане. Кроме этого, в Украине, Казахстане... Мы лучше знаем представителей российского и азербайджанского "Ватана". Контакты имеем. Наши программы, идеи – различны.

Мы – народ грузинской ориентации и грузинского самосознания. Мы верим, что вернемся на Родину, в Грузию. Для нас не имеет значения, будем мы на юге Грузии, или в каком-нибудь другом уголке. Представители "Ватана" же, напротив, хотят, чтобы народ поселился только в Самцхе-Джавахетском регионе. И они турецкой ориентации. Раньше у них был разговор, чтобы создать какую-то отдельную автономию, но это было мнение единиц... Какое-то заявление об этом было сделано в газете, но еще раз повторяю, это мнение не более одного процента всего населения.

Джемшид Татидзе – Это в 88-89-х годах у них такие мысли были. Но потом они пошли на компромисс. И сейчас просто хотят, чтобы их вернули с такой же национальностью, с какой изгнали отсюда. С названием "турки".

Клара Бараташвили – Кстати, слово "автономия" у них в

уставе нет.

Джалил Шаганидзе – Это раньше было.

Джемшид Татидзе – Да, этого в уставе у них нет. Они говорят: верните нас с таким же названием, с каким выгнали...

Марат Бараташвили – А потом разбирайтесь...

Джемшид Татидзе – А потом здесь разберемся – кто мы такие. Они говорят, что будут учиться в грузинских школах, дети будут служить в грузинской армии. Как все граждане Грузии.

Кстати, "Ватан" тоже знает, что мы были грузинами, а потом были отуречены. Это они не опровергают...

Марат Бараташвили – Они свои фамилии тоже знают...

Джемшид Татидзе – И фамилии тоже знают, даже Сарваров знает.

А мы как делаем... Мы говорим, да, мы – грузины. Приезжаем сюда. Естественно, как приедут, сразу в тот же день гражданство не дадут. Год-полтора пройдет, пока всё официально оформится. И в этот период мы восстанавливаем – и национальность, и фамилию, если фамилия потеряна. Хотя многие сохранили грузинские фамилии. Моя семья, например. У нас фамилия не знаю, с какого века идёт грузинской. И при турках мы были Татидзе.

Мы хотим таким образом. То есть, еще до того, как репатриируемся сюда, мы осознаём себя грузинами. И хотим всё восстановить. А они хотят разбираться после того, как приедут сюда. По-моему, у нас разница только в этом.

Айдын Киквадзе – Да, они требуют, – как государство выслало их без условий, ничего не спросив, так же, без условий... верни их обратно.

Джалил Шаганидзе – Они смутно представляют, что происходит сейчас в Грузии...

Джемшид Татидзе – Они такие условия ставят Грузии, – чтобы нас приняли всех, и сразу. Мы тоже это требуем, но только не так, как они...

Тамара Кисиева – Вы просто не настолько требовательны...

Джалил Шаганидзе – Мы исходим из положения Грузии. Если бы у Грузии была возможность – деньги, экономическое процветание, тогда мы могли бы требовать. Сейчас мы живем в Грузии, и сами видим, кто как живет.

Тамара Кисиева – Надо быть просто реальнее...

Джалил Шаганидзе – Беженцы получают материальную помощь 12 лари. Что от такого государства требовать? Просто

бессмысленно требовать сейчас...

Марат Бараташвили – И, кроме того, не только Грузия должна платить. Другие страны, где наши люди живут, сколько лет там жили, работали...

Джалил Шаганидзе – Россия, Азербайджан...

Марат Бараташвили – Мизерная часть идет на зарплату, а остальная – государству. Наша доля там есть, в этих государствах?

Джемшид Татидзе – Мы же оттуда уезжаем, оставляем свою долю, да? Они должны заплатить. Заплатить как? Они должны помогать...

Джалил Шаганидзе – Компенсацию...

Джемшид Татидзе – Как компенсацию. Они должны помогать строить нам дома.

Русудан Табатадзе – Насколько реальны такие требования?

Джемшид Татидзе – Реальны, конечно!

Русудан Табатадзе – А эти государства пойдут на это?

Джемшид Татидзе – Конечно, пойдут! Должны пойти.

Айдын Киквадзе – Наш нерешенный вопрос – это последнее, что осталось от советского тоталитарного режима. И если он не решится, Советский Союз как бы будет продолжать существовать. Поэтому все эти международные организации, ООН, скажем, и другие, они заинтересованы в том, чтобы наш вопрос решился. Кроме того, ведь когда люди сюда приедут, начнется подъем экономики за счет инвестиций в регионы.

Джемшид Татидзе – И в регионе проблем никаких не будет. Даже те люди, что там живут, тоже хотят, чтобы мы приехали. Они не могут продать свои дома. Они хотят продать, но никого нет, кто бы их купил. Вот в нашем селе Клде. Те, которых после нас вселили – тоже насильно. Они хотят уехать домой, в Имерети. И хотят продать дома хоть за минимальную цену. Мы готовы купить. Но как мы можем купить?

Клара Бараташвили – Закон должен быть. На законном основании всё это должно быть.

Джемшид Татидзе – Вот эти 7 семей, которые сейчас живут в Ахалцихе. Им, кажется, гражданство дали, да?

Клара Бараташвили – Семья Хуцишвили гражданство имеет. Макаридзе тоже получили. Они там постепенно. Ну, это разовое, понимаете... Невозможно, чтобы президент на каждого месхетинца подписывал указ о присвоении ему гражданства.

Вот как наши студенты получали гражданство? Они писали заявление, оно проходило, как минимум, 5 инстанций. Во-первых, Эльдар Шенгелая, как представитель правящей партии – Союза граждан Грузии – подписывал ходатайство. Потом Мамрадзе в госканцелярии клал эти заявления под сукно. Потом ребята объявляли голодовку в знак протеста, что их заявления не попадают к президенту. Потом мы делали всякие акции перед госканцелярией...

Марат Бараташвили – Должны были приехать люди из Северного Кавказа, с Азербайджана, устроить пикет, шуметь несколько дней, чтобы Мамрадзе из одного кабинета в другой кабинет две бумажки понес...

Клара Бараташвили – Но добились!.. Он понес. И Шеварднадзе на каждого из этих ребят подписывал указ. Согласно Конституции президент имеет право в исключительных случаях, по своему усмотрению, давать гражданство. Но все месхетинцы не могут пройти, как "исключительный случай"! Ну, это смешно просто! Если говорить о трехстах тысячах, ну, хорошо, не триста тысяч, ну, сто тысяч, предположим...

Джалил Шаганидзе – Даже если тысяча будет, это столько подписывать...

Клара Бараташвили – На каждого подписывать указ!

Марат Бараташвили – Пусть будет закон, и закон должен работать...

Клара Бараташвили – Вот именно! Даже те самые месхетинцы, что в Ахалцихе живут, они так и получили гражданство, так сказать, по "исключительному случаю". Но это ведь должно быть ***правило***, а не исключение! Мы как раз хотим получить, как ***правило***... Правило – что такое?

Марат Бараташвили – Что надо делать ***так*** ...

Клара Бараташвили – У нас ***отняли*** всё? Восстановить. А что такое восстановить? Прежде всего – гражданство. Я был гражданином этой страны. Говорят – туда нельзя, сюда нельзя... Если я гражданин Грузии, и на законном основании нахожусь на территории Грузии, по Конституции я имею право жить где угодно в этой стране. Может, я рядом с парламентом куплю дом, а может, поеду в какую-нибудь батумскую деревню, или еще куда-то. Это уже мое право. И это никого не касается.

Тамара Кисиева – Это единственное и основное требование.

Марат Бараташвили – В преамбуле нашей Конституции

записано: сегодняшнее государство – правопреемник Грузинской Демократической Республики, государства 1918-21-х годов. В 1918-21-х годах наши люди и их отцы жили здесь, были гражданами той республики, правопреемниками которого мы сейчас являемся. До 1944 года они были гражданами советской Грузии.

Теперь говорим, что эта высылка неправильная, да? Но если эта высылка неправильная, если бы они здесь жили, то они, как каждый из нас, в 1993 году получили бы гражданство.

Представим, что всё это неправильно... То, что случилось в 1944 году, считается неправильным, это аннулируется. А как правильно? Правильно, что они – граждане.

Клара Бараташвили – Логично?

Тамара Кисиева – Логический вывод, но...

Русудан Табатадзе – Я знакома с этим законопроектом, но какие у вас претензии к проекту, кроме этих документов?

Марат Бараташвили – Существует целый ряд международных документов, которые подписала и Грузия, что она будет это обеспечивать. Документы эти подразумевают, что если человек, в случае насильственной миграции, меняет место жительства одной страны на другую, не должна быть угроза потери гражданства. Международное сообщество не хочет, чтобы увеличивалось число людей, которые не имеют гражданства.

Русудан Табатадзе – Да...

Марат Бараташвили – Есть такие люди в мире, у которых нет никакого гражданства, это апатриды, и государство с этим борется. Нужно, чтобы у каждого человека было какое-то гражданство. Нельзя создавать такую ситуацию, когда появляются люди, у которых нет гражданства. Вот в случае с нашим законопроектом, если он будет работать...

Русудан Табатадзе – Как закон...

Марат Бараташвили – ...Если будет работать, как закон, тогда среди месхетинцев появятся люди, которые не будут иметь никакого гражданства. Почему? Одно из требований Совета Европы, – чтобы депортированное лицо, которое переселяется в Грузию откуда-нибудь, имело гарантию получения грузинского гражданства. Этот законопроект такой гарантии не предусматривает. Человек сюда приедет, ему дадут какой-то выдуманный статус репатрианта, – ни в каком государстве мира такого статуса не существует...

Джалил Шагаидзе – Год, да?

Клара Бараташвили – Сначала год говорили...

Русудан Табатадзе – Не более года, да?

Марат Бараташвили – В первоначальном варианте было два года. Потом мы воевали-воевали, они согласились – хорошо, на один год уменьшим. Потом Евросовет потребовал уменьшить число документов, который должен представлять депортированный. Он потребовал приравнять этих людей к жертвам политических репрессий. Говорят – Грузия не правопреемник советского режима. Хорошо, советский режим репрессировал одних людей, и репрессировал других людей... Советский режим, не Грузия!

Русудан Табатадзе – Да...

Марат Бараташвили – Почему Грузия, которая не должна отвечать за советские преступления, признаёт жертвами политических репрессий одних людей, а не признает других? И Совет Европы сказал – этих тоже признавайте жертвами. Хорошо, сказали, будем признавать. Но статус репатрианта увеличиваем до трех лет. В сегодняшнем варианте законопроекта – там уже три года. Так, конечно, не пройдет, но это туда заложено.

То есть, человек, который приезжает сюда, не имеет гарантии того, что он получит грузинское гражданство. Потому что через 3 года он будет ***только иметь право*** подать заявление на грузинское гражданство, которое еще, как минимум, год будет рассматриваться. Это, значит, 4 года. И вопрос – получит он грузинское гражданство или не получит? Он может его не получить...

Клара Бараташвили – Все будет зависеть от чиновников...

Марат Бараташвили – Да. И... он уедет обратно. Туда, откуда приехал. И уедет уже без гражданства. То есть, там он всё свое теряет, всё продает, выходит из регистрации, гражданства. Так рождается еще один человек без гражданства.

Клара Бараташвили – Мы против этого. Мы говорим – у нас отняли, и это должны законно вернуть. Мы говорим, что восстановление гражданства должно быть без всяких условий. Не нужны нам двухэтажные дома, не нужны нам гектары садов... Нужно гражданство, которое даст нам равные права со всеми. Мы ***это*** просим. Больше ничего.

Джемшид Татидзе – Мы же не требуем, чтобы они извинились за то, что 57 лет мы не живем на Родине. Да, правда, это не их вина. Ты просто исправь это.

Русудан Табатадзе – По закону грузинское государство сегодня и не вправе извиняться...

Клара Бараташвили – А чем объясняется то, что парламент принял закон о признании жертв политических репрессий?

Русудан Табатадзе – Я думаю, что и тот закон, по своей сути, не отвечает требованиям закона.

Марат Бараташвили – Если следовать этой логике, то не должно быть такого, что Грузия кого-то признаёт жертвами политических репрессий...

Русудан Табатадзе – Да.

Джалил Шаганидзе – Там есть еще пункт, где указывается – где репатрианту жить. Ему указывают, а не спрашивают, – где хочешь жить?

Русудан Табатадзе – В отношении этого пункта. Нет ли опасности того, что представители "Ватана" или люди такой ориентации употребили бы в свою пользу и попытались бы реализовать те требования, которые раньше имели?

Марат Бараташвили – Для этого у нас есть Министерство внутренних дел, безопасность есть....

Джалил Шаганидзе – Вот именно.

Марат Бараташвили – Человек должен отвечать ***за поступки***. За то, что он нарушил закон – "Ватан" он или кто другой... Нарушил – должен отвечать. А не за то, что он думает или чувствует. Все люди разные. Двух одинаковых людей на планете нет. Каждый по-своему чувствует.

Русудан Табатадзе – Но это и есть самый такой аргумент против...

Марат Бараташвили – Но это правильный аргумент?

Русудан Табатадзе – На этом аргументе и строят свои опасения... Это и есть тот самый главный аргумент противоположной стороны.

Марат Бараташвили – Очень хорошо, что "главный". Потому что это не аргумент.

Русудан Табатадзе – К сожалению, эта часть общества более сильная сейчас.

Джалил Шаганидзе – Это тоже вина грузинского государства.

Клара Бараташвили – В мировой практике существует процедура. Человек, который хочет получить гражданство, проходит процедуру проверки. Это нормально. А то, что он ***думает*** – вот, я приеду, а потом сделаю то-то, то-то...

Русудан Табатадзе – Вот тут есть пункт Д: "Статус репатрианта не предоставляется такому лицу, если его переселение создаёт угрозу безопасности, территориальной целостности Грузии, общественного порядка и т.д." Кто может быть таким лицом, и как это может быть определено?

Джемшид Татидзе – Кто это знает?...

Джалил Шагидзе – Безопасность и МВД – вы разберитесь.

Русудан Табатадзе – Можно ли в эту категорию зачислить хотя бы членов "Ватана"? Можно?

Джемшид Татидзе – Не имеют права...

Русудан Табатадзе – Почему?

Джемшид Татидзе – Потому что они ничего дурного не делают. Они просто хотят вернуться на Родину. Ну, называют себя "турками"– это же не преступление...

Джалил Шаганидзе – Ваши опасения насчет членов "Ватана" были бы справедливыми, если бы они были членами террористической организации. Или организовали бы, как этот Бен Ладен, какой-нибудь теракт против Грузии или какой-нибудь другой страны.

Русудан Табатадзе – Пока не доказана вина человека, его участие в преступлении, он является невиновным.

Клара Бараташвили – Конечно. Презумпция невиновности. А что касается опасности. На то и органы безопасности, чтобы следить за безопасностью.

Марат Бараташвили – Давайте, вернемся к законопроекту, к которому у нас есть претензии...Тут нарушается конституционное положение о равенстве людей перед законом.

Если рассуждать гипотетически... Скажем, аннулировать закон "О признании граждан Грузии жертвами политических репрессий". Значит, то, что было в 1937-39-х годах в лагерях, Гулаг, Карлаг, кого-то раскулачили, – все это советский режим сделал правильно. И никакие они не жертвы, они заслуженно понесли наказание.

Значит, отменить этот закон. Выслать обратно из Грузии греков, немцев, поляков и прочих, те которые еще в советское время вернулись обратно, те, что были депортированы... И те грузинские семьи, всех их обратно выселить из Грузии, потому что они неправильно вернулись, они не должны были возвращаться... Вот тогда у месхетинцев не могут быть никаких обоснованных претензий. Или же...

Джемшид Татидзе – Пускай примут...

Марат Бараташвили – Или же жертвами должны быть признаны ВСЕ! Жертвами советского режима.

Клара Бараташвили – Никто Грузию не обвиняет, Грузия сама – жертва того режима.

Русудан Табатадзе – Да…

Марат Бараташвили – А тут государство людей сортирует – этот закон для тебя, а этот закон не для тебя. Закон – для всех закон.

Джалил Шаганидзе – И мы боремся за это…

Клара Бараташвили – Наше дело – делать то, что мы считаем нужным делать. А мы делаем правильное дело. Другой вопрос, – как сделать это лучше?

Русудан Табатадзе – Вы знаете, никто ничего не знает… Если не интересоваться, не двигаться в этом направлении, так просто ничего не получится.

Джемшид Татидзе – Мы должны знать главное. А самое главное вот что. Наш народ должен где-то жить, не так ли? Где это будет? В Узбекистане? Это не наша земля. Азербайджан – не наша земля, несмотря на то, что Азербайджан хорошо помогает нам. Россия тоже не наша земля. Мы же должны где-то жить? Никто, даже сами грузины не отрицают, что мы из Месхети. Все знают, что мы оттуда, коренные.

Марат Бараташвили – С неба не упали.

Джемшид Татидзе – Все должны знать, что для нас другой страны, кроме Грузии, нет. Вот это самое главное. И потом – говорят, что люди теряют надежду на то, чтобы обрести Родину. Самые неверующие уезжают в Турцию. А те, которые в Азербайджане, в России, – они еще надеются. Даже те, которые живут в Турции… Они никогда, даже через тысячу лет не забудут, что их родина была Ахалцихе. Это самое главное.

Клара Бараташвили – На днях наши приезжали из Турции в Мингечаур. Пришли навестить нашу сестру, и спрашивают – ну, что там слышно про Родину? Вроде устроены, вроде хорошо. Но вот – "…а что про Родину слышно?" Все равно тянутся. Потому что Родина. Ну, это естественно… Для нас это естественное состояние. Мы считаем своей родиной Грузию, и всегда будем тянуться.

Русудан Табатадзе – Существуют слова Мамардашвили по поводу вас… Кстати, в Грузии Мамардашвили называют врагом народа (*смех*).… Он сказал, что эти механизмы, которые были задействованы в 37-м или в том же 44-м году, когда выселили месхов, существуют и сегодня. Было бы лучше всего, сказал он, если рассматривать этот народ не как врагов народа, а как простых людей, и относиться к ним, как к сестрам, матерям, к тем людям, которые остались без крыши над головой. И которые хотят вернуться в Грузию. Если так относиться к ним, сказал Мамардашвили, никаких проблем не будет.

Клара Бараташвили – В том-то и дело…

Позвольте мне, дорогие друзья, на такой обнадеживающей ноте закончить нашу встречу. Большое всем спасибо.

Встреча – Диалог

МЕСХЕТИНСКИЕ РЕПАТРИАНТЫ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ АДЖАРЦЕВ

г. Батуми, мечеть, 29 января 2002 г.

УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ

1. **Абашидзе Авто** – имам Батумской мечети
2. **Абусеридзе Резо** – бухгалтер Батумской мечети
3. **Бараташвили Клара** – Союз "Patria"
4. **Бараташвили Марат** – Союз "Patria", Союз Грузинских Репатриантов
5. **Бекадзе Рустам** – Союз Грузинских Репатриантов, село Насакирали Озургетского района
6. **Болквадзе Бекир** – имам Батумской мечети
7. **Болквадзе Хусейн** – прихожанин Батумской мечети
8. **Болквадзе Шамиль** – имам Батумской мечети
9. **Диасамидзе Исмаил** – завхоз Батумской мечети
10. **Калашидзе Махмуд** – муфтий всех мусульман Аджарии
11. **Тираладзе Лейла** – месхетинская репатриантка – село Насакирали Озургетского района
12. **Хосадзе Нуриддин** – Союз Грузинских Репатриантов, село Насакирали Озургетского района
13. **Цаканидзе Бахадир** – месхетинский репатриант – село Насакирали Озургетского района
14. **Цецхладзе Малхаз** – муэдзин

***

Клара Бараташвили – Здравствуйте. Меня зовут Клара Бараташвили. Я представляю неправительственную организацию "Patria". Мы приехали к вам по нашему проекту, который называется "Поговорим, брат..." Этот проект предусматривает встречи и беседы месхетинских репатриантов с представителями различных слоев населения Грузии. Это наша третья встреча. Мы приехали просто поговорить. О том, какое у вас мнение о нас, месхетинцах. Попросить вашего совета, вашей помощи. Тем более, нас связывают глубокие корни.

Будем знакомиться. С чего начнем?

Махмуд Калашидзе – Начните вы...

Рустам Бекадзе – Давайте поговорим, – какая у нас с вами совместимость.

Махмуд Калашидзе – Я знаю, что вы хорошие люди, но в целом мы вас не знаем.

Рустам Бекадзе – Недавно мы были в Бакуриани, у нас там встреча была, в том числе, и с жителями Самцхе-Джавахети. Мы говорили обо всем...

Авто Абашидзе – Есть ли у вас проблемы с соседями?

Рустам Бекадзе – Мы в Насакирали 20 лет живем. Там и аджарцы живут, и армяне, и курды. За 20 лет не было случая, чтобы у нас был какой-то конфликт ...

Марат Бараташвили – Социологи там проводили исследования, тоже подтвердилось...

Рустам Бекадзе – Как вы считаете, реально ли наше возвращение? Как вы на это смотрите?

Махмуд Калашидзе – А вы что, в Аджарию собираетесь?

Рустам Бекадзе – Да нет, мы просто знаем, что аджарцы везде живут...

Нуриддин Хосадзе – И плюс к этому, мы – один этнос...

Рустам Бекадзе – Мы с вами поговорить приехали.

Махмуд Калашидзе – Если в массовом порядке приедут люди... Мы их не знаем.

Рустам Бекадзе – Мы – грузины-мусульмане. В Турции 7 тысяч грузин-мусульман, и все они называют себя "гюрджи-оглы" (*"сын грузина"* – **ред.**).

Авто Абашидзе – Между прочим, я был в Месхети в 1988-м году, и видел, как люди с палками вышли против ваших. Протестовали против вашего возвращения...

Клара Бараташвили – Давайте, все-таки сначала познакомимся. Меня зовут Клара Бараташвили. Я месхетинка, по происхождению – из села Уде Адигенского района. Журналист.

Рустам Бекадзе – Я Рустам Бекадзе. Живу в Насакирали. Член неправительственной организации "Союз Грузинских Репатриантов".

Нуриддин Хосадзе – Я Нуриддин Хосадзе, тоже член Союза Грузинских Репатриантов.

Марат Бараташвили – Марат Бараташвили, журналист. Отец двоих детей.

Бахадир Цацанидзе – Бахадир Цацанидзе из села Насакирали. Тракторист.

Лейла Тираладзе – Лейла Тираладзе. Живу в селе Насакирали. Мать троих детей.

Клара Бараташвили – Может, вы тоже представитесь?

Малхаз Цецхладзе – Мы позже запишем вам наши фамилии...

Клара Бараташвили – Хорошо... Может, тогда с нашей истории начнем? Нури, пожалуйста.

Нуриддин Хосадзе – Как было сказано, нас связывают глубокие корни, и этнос у нас один и тот же. То есть месхетинцы жили в низинах, аджарцы – в горах, но это все этнос грузинский.

Начиная с 16 века, после распада Византийской империи, Месхети попадает под влияние Ирана. А потом под влияние Турции. С 1625 года устанавливается власть турок, образуется Ахалцихский пашалык, куда входят Аджария, Гурия и Самцхе-Джавахети. После этого начинается мусульманизация тех регионов. Есть реестр Гурджистанского вилайета, где есть посемейные списки...

Рустам Бекадзе – "Дефтери муфессел вилайети Гюрджистан"...

Нуриддин Хосадзе – Да, и в этом реестре записано, – каком селе сколько проживало народу, кто они, фамилия, имя и так далее.

Люди начали переходить в ислам, их материально заинтересовывали. Тот, кто переходил в ислам, имел право служить в армии и получал землю в пользование. Так, непосредственно мои предки, один из двух братьев принял мусульманство, и кормил семью другого брата, не мусульманина.

В 1829 году между Россией и Турцией завязалась очередная война. Россия отторгла от Османской империи сначала Самцхе, потом Гурию и Аджарию... Начиная с этого времени, наши находились под царским режимом. У царской России была цель – выселить месхов в глубь Турции, а туда заселяли армян из Эрзрума, с турецкой стороны, которые помогли им в сражении с турками. Таким образом, были опустошены Джавахети, часть Ахалцихе...

А оставшаяся часть жила там вплоть до ноября 1944 года. В это время большая часть мужского населения была на войне, и под предлогом там, что они – агенты Турции и так далее, наших выслали в Среднюю Азию и Казахстан. Ну и с Аджарии тоже было депортировано. На следующий месяц было выселено и из Аджарии.

Рустам Бекадзе – По-моему, в 1951 году из Кобулети тоже были

высланы.

Нуриддин Хосадзе – Это вторая депортация была...

Я стариков своих – деда, прадеда – застал еще живыми, большая часть их говорила на грузинском языке очень хорошо. Родился я в Казахстане, в Алма-Ате, там вырос, окончил школу, институт, работал. Но постоянно тянуло вернуться на родину, в Грузию, потому что... земля тянет.

Если футбол шел, и Грузия играла, мы все были у телевизора, потому что люди все болеют за Грузию. И если попадался грузин, независимо ни от чего (никто тогда не смотрел на религию), его окружали добротой, уважением, приглашали домой... У нас тогда проблема была даже просто приехать в Грузию – посмотреть.

Как Рустам сказал, мы живем здесь уже 20 лет. Я здесь, в Батуми работал года 4-5... И вот слышишь, что некоторые говорят, что, мол, не нужно их возвращать. Боятся, – вот, приедут, куда заселятся, места не хватает... А разве мало на земле таких мест, где люди живут очень плотно, и неплохо живут? Не воюют, не скандалят.

Наша цель – не то, чтобы вернуться и выселить кого-то, кто живет там. Нет. Просто получить чисто человеческое право вернуться Домой. Тем более, мы считаем, что мы наказаны не по праву. Так нельзя было поступать с людьми. На сегодняшний день весь мир борется за отмену смертной казни, не надо казнить нас смертью. Это часть грузинского народа, такая же, как аджарцы, гурийцы, имеретинцы или мегрелы... И мы, месхи, тоже являемся этой частью. Но на сегодняшний день мы – на грани вымирания и ассимиляции. Там – в России, там – в Турции, там – в Казахстане...

Вот сегодня, почему мы должны были говорить на русском языке? Я грузинский знаю, но не настолько, чтобы выразить всё, что у меня есть внутри. Потому что я вернулся в 35 лет. Правда, дети учатся, сын служил в армии, работает, они очень хорошо владеют грузинским языком. У них с языком никаких проблем нет.

И наша цель – вернуться не именно в Аспиндзу (я из Аспиндзы, село Ошора). Или они в Ахалцихе, или Адигени. Нет. Чтобы вернулись в Грузию. В любое ее место. Где человеку понравится, – ...е обязательно идти в эту глушь, жить в деревне. Сейчас многие в городах живут.

А так, нас – небольшое количество. На сегодняшний день насчитывается где-то 220 тысяч. Из этого количества не все вернутся. Потому что 20-25 тысяч в Турции проживают. Кто-то

устроился в России или в Казахстане, или где-то в другом месте. Но та часть, которая желает вернуться, она должна иметь право по-человечески вернуться, в свой дом, в Грузию. Тем более, мы выходцы отсюда...

Мне дед рассказывал, что раньше во время рамазана постоянно из Аджарии приглашали ходжей, чтобы они проводили у нас намазы и прочие ритуалы. Мусульманство с аджарской стороны было намного сильнее.

С Адигенским районом у Аджарии есть много родственных отношений. У многих матери – месхетинки, их называют "месхи-абла". И у нас есть аджарские невестки.

Я думаю, что недоверие между нами строят политики, и это всё у них игра. Вот уважаемый имам сказал, что был в 88-м году в Ахалцихе, что люди там с палками вышли, протестовали против нашего возвращения. Их просто настроили. Мы верим в чисто человеческие отношения. Мы тоже в курсе дела, потому что до этого, когда мы туда ездили, общались, местные жители встречали нас очень приветливо ... И в гостях были, и по неделе оставались у них... В селе Ошора есть поселение аджарцев – государство построило там 60 домов. По сегодняшний день у нас есть связи, ездим к ним, и они приезжают в гости. Конфликтов никаких не бывает. Ну, правильно, в семье не без урода, это может быть, но нельзя говорить, что именно так будет все время.

Вот, например, после Ферганы 80 тысяч наших переселились в Азербайджан. Там ситуация была не лучше, чем в Грузии, шла война в Карабахе, однако они приняли нас безоговорочно. И те, которые остались в Азербайджане, до сегодняшнего дня живут нормально, никаких конфликтов...

Марат Бараташвили – В Азербайджане своих беженцев было – миллион...

Авто Абашидзе – А в Узбекистане сейчас есть ваши?

Рустам Бекадзе – Есть, но мало осталось.

Нуриддин Хосадзе – Есть, но в Узбекистане мало осталось. Сейчас, когда ситуация там урегулировалась, многие возвращаются. Но что я хочу сказать... Азербайджан был в таком же положении, как и Грузия (война в Южной Осетии, в Абхазии), и все равно он приютил 80 тысяч наших людей после Ферганы. Это был чисто человеческий поступок. Гуманный. И по сегодняшний день они получают там и льготы, и помогают им.

Клара Бараташвили – Даже статус беженца имеют...

Нуриддин Хосадзе – И турки... 25-30 тысяч в Турции проживают, тоже нормальное отношение к ним. А у нас, в Грузии этого не делается. Не знаю, как это понять...

Сегодня месхи, которые проживают в Краснодарском крае, находятся в очень тяжелом положении. Казачество – оно грубое, многие устраивают погромы, чтобы наши уходили. Многие в Краснодаре без прописки живут. На прописку не берут. В Ставропольском крае так же. В Чечне, после Ферганы проживали, – там война, и они опять вынуждены были бежать. Как цыгане...

Марат говорил вот, что всемирная цыганская организация написала письмо, что они согласны принять нас под опеку и помочь нам. Вот в таком положении мы сегодня находимся. Разные люди разного происхождения, разного корня протягивают нам руку помощи. А со стороны своих братьев – единокровных, единоверных – очень холодное отношение.

Такова ситуация, как я коротко проинформировал вас. Более подробно вы можете прочесть в этих книжках, газетах, которые мы вам привезли. В этих брошюрах много есть из истории, вы можете потом ознакомиться.

Ну, интеллигенция Грузии, в основном, поддерживает нас, в Батуми тоже связи у нас имеются. Интеллигенция, в основном, хочет, чтобы мы вернулись в Грузию. Но есть люди, которые не хотят, ну, опять-таки трудно их понять, почему...

Рустам Бекадзе – Это их воля... Вот мы проживаем в селе Насакирали, где 70 процентов жителей составляют аджарцы. Тем более, есть родственники с обеих сторон. Они тоже были в ссылке, и тоже вернулись. И у нас в Насакирали никаких конфликтных ситуаций до сегодняшнего дня не было. Мы все дружно и работаем, и отдыхаем...

Клара Бараташвили – Если можно, я добавлю. Насчет связей с Батуми. У нас в Тбилиси, ребята учатся...

Нуриддин Хосадзе – Здесь тоже учатся.

Клара Бараташвили – Их родители живут в разных местах – в Азербайджане или в России, а ребята приехали в Тбилиси, изучали грузинский язык, на подготовительном учились и поступали в институты.

В Батуми имеется Ассоциация "Месхети", которой руководит писатель Джемал Джакели. И он пригласил нас с ребятами сюда на отдых. Целый месяц 20 ребят отдыхали здесь летом, – купались, ходили на экскурсии... И целый месяц Джемал Джакели и его

Ассоциация "Месхети" нас поддерживала...

У нас были встречи с писателями, журналистами... Рамаз Сурманидзе – тоже очень известный человек, в то время он только что открыл свой медико-экологический институт. Он был так потрясен на встрече тем, что ребята очень хорошо говорили по-грузински, выступали, рассказали о наших корнях и т.д. Он был настолько потрясен этим, и спросил, – а почему вы только в Тбилиси учитесь? Давайте ваших ребят, я их всех приму. У меня, говорит, платный институт, но ваших ребят я буду учить бесплатно. Так и сделал, – слово свое сдержал! Сейчас у него в институте учатся трое наших ребят. Они говорят, что им помогают всячески, заботятся о них...

Рустам Бекадзе – Да благословит их Аллах!

Голоса – Аминь!

Клара Бараташвили – Так что мы сюда часто приезжали. И в этом плане у нас всегда была и есть поддержка со стороны батумцев – Джемала Джакели и Рамаза Сурманидзе.

Но у нас не было встреч с коренными аджарцами-единоверцами. Чтобы мы пообщались с ними, пришли к согласию, к какому-то общему решению. Потому что аджарцы живут сейчас и в Месхети. Чтобы мы ***вас*** поняли, чтобы вы ***нас*** поняли...Чтобы после возвращения мы жили мирно.

Рустам Бекадзе – Иншаллах!.. (*"Да поможет Аллах!"* – **ред.**) Мы уже 20 лет живем в Гурии, и живем мирно с местным населением. И так же будем мирно жить.

Клара Бараташвили – Рустам, по истории может, ты добавишь?..

Рустам Бекадзе – По истории я что хочу добавить. До установления Советской власти, когда Российская империя вела перепись населения Месхет-Джавахети, все они числились, как "грузины-сунниты". После установления Советской власти, когда установился коммунистический режим, один раз в переписи – "азербайджанцы", второй раз – "турки", третий раз – уже не знаю, что ...

И, в конце концов, оказалось, что это – "турки", враги народа. Теперь возникает вопрос. Наших было выслано 86 тыся .. В тот период 40 тысяч находились на войне. То есть, один из троих месхетинцев был на войне. Если этот народ – предатели, как было сказано, то, спрашивается, каким образом они могли заниматься шпионажем?! Ведь фактически оставались только старики,

женщины и дети! Вот вопрос.

Это специально готовилось. Такая фальсификация. В документах написали, что это – предатели, и под таким предлогом выслали. Интересно еще что... Недавно я прочел одну книгу о Лаврентии Берия. Там рассказывалось и о высылке народов в Советском Союзе. Конечно, сейчас всё открыто, свобода слова... Так вот, из Сухуми, оказывается, было выслано 70 человек, и об этом в книге есть. А 86 тысяч человек – наших месхетинцев – в эту книгу не попали!.. Как будто не было этих людей!

Как мы уже сказали, цель нашей встречи – близко познакомиться с вами. Тем более, мы уже 20 лет живем в Насакирали вместе, там 800 семей аджарцев живут, мы хорошо знакомы с ними.

Вы – влиятельные люди... Вот, сегодня здесь – Махмуд-эфенди и имамы. Пускай никто не думает, что когда мы вернемся сюда, кому-то будет плохо. Мы хотим возвращаться, чтобы ***жить вместе***. А одинокий – это только медведь в лесу может жить. Мы, слава Аллаху, не медведи... (*смех*) Мы хотим жить вместе. Как исконно грузинский народ, как такие же мусульмане, как и вы... Хотите, в Самцхе-Джавахети, хотите, в других регионах Грузии.

Исмаил Диасамидзе – Но ваш народ – не все мусульмане...

Рустам Бекадзе – Все, кто был выслан отсюда, все были мусульмане...

Марат Бараташвили – Сто процентов...

Авто Абашидзе – Когда я в Адигени был, встретил месхов – не мусульман...

Нуриддин Хосадзе – Такие тоже есть...

Марат Бараташвили – Католиков не выслали, они остались.

Рустам Бекадзе – Да, в Адигени, в Ахалцихе, в Аспиндзе остались месхи-христиане. Они тоже местные, коренные...

Марат Бараташвили – Рустам, что означает "режим спецпоселения", по которому мы жили в Средней Азии 12 лет?

Рустам Бекадзе – "Режим спецпоселения"? Это комендантский режим. Из одного села в другое нельзя было без разрешения коменданта пойти. Отсюда посадили мужа в один вагон, а жена осталась в другом вагоне. Соответственно, муж попал в одно селение, а жена – в другое. Им не разрешалось переехать друг к другу! Несмотря на то, что это были муж с женой – члены одной семьи. И так было до 1956-го года.

Махмуд Калашидзе – А те, кто вернулись с войны, они

оставались в Грузии?

Рустам Бекадзе – Нет, что вы! С войны вернулось 25 тысяч. 15 тысяч наших погибли. Из участников войны 8 человек были Героями Советского Союза, полные кавалеры Ордена Славы. Возвращались они в Грузию, а им говорят – ваших людей нет, они в Средней Азии. Но Средняя Азия-то большая, в каком регионе искать их? Моего дядю, например, мы увидели только в 1959-м году. Их отправляли...

Марат Бараташвили – За свой счет...

Клара Бараташвили – Ордена отнимали, званий лишали...

Махмуд Калашидзе – Да, конечно, родство между нами было. Мы тоже люди, конечно... Мы знаем вас, вы – работящий народ, но вот кто приедет, – мы не знаем... И опять же – проблема земли стоит. Все, наверное, не приедут?

Рустам Бекадзе – Не так, что все захотят приехать именно в Месхети. Так не будет. Кто захочет жить в селе, кто в городе... Проблем с этим не будет. Наша точка зрения такая: вся территория Грузии – наша Родина. Любой регион! Там, где есть свободное место. Хотя и мы хорошо знаем, и вы хорошо знаете, что в Самцхе-Джавахети есть свободные места. 220 сёл было переселено оттуда, и сейчас половина деревень пустует. Там сейчас вообще никто не живет.

Но, повторяю, все же не приедут. Некоторые будут в городах жить, некоторые в другом регионе. Вот, например, мы живем в Озургетском районе. Мы там и останемся. Куда мы поедем, наше село – Орпола, там одни камни, и рассчитывай только на погоду...

Махмуд Калашидзе – На мусульманство, особенно после сентябрьских событий в Нью-Йорке, смотрят с опаской, некоторые связывают ислам с терроризмом... Ваши все-таки живут за пределами Грузии. Как бы среди вас не было вахабистов...

Бекир Болквадзе – Вы, случайно, этим не заражены? Чтобы не занесли эту заразу в Грузию...

Нуриддин Хосадзе – В исламе всякие секты должны быть вне основного ислама, и этот вопрос месхетинцев не касается. У нас в отношении религии довольно строго. Никаких отклонений. У нас суннитское направление, никакие там, вахабиты, никакие... Я и в Казахстане жил, и в Узбекистане (мои родственники там живут), ездил в Азербайджан. Близко не подпускают. Что мы знаем – от дедов, то и... Даже сегодня то, что идет с Турции, нам не нравится. В Турции учатся ребята...

Авто Абашидзе – Ваши учатся?

Нуриддин Хосадзе – И здесь, в Батуми двое учатся у вас в школе, изучают Коран... (*оживление*)

Шамиль Болквадзе – У кого они учатся?

Рустам Бекадзе – У Энвери.

Нуриддин Хосадзе – Да... Даже в Турции не такой ислам, какой, допустим, у нас. Мы даже имеем к ним претензии, что там уклон к Европе. У нас – основной ислам. (*Кто-то чихнул*) Будьте здоровы!

Рустам Бекадзе – Вот и подтверждение... (*смех*)

Авто Абашидзе – Были такие случаи в Узбекистане, чтобы ваши роднились с узбеками, – женились и выходили за них замуж?

Нуриддин Хосадзе – Было, но не так много.

Рустам Бекадзе – Нам интересно узнать ваше мнение, как вы смотрите на нашу репатриацию ...

Махмуд Калашидзе – Как государство решит, так и мы. Как правительство скажет, так и будет...

Клара Бараташвили – Что касается правительства, ситуация следующая. Грузия стала 41-м членом Совета Европы. И когда она вступала в Совет Европы, взяла на себя ряд обязательств. Так просто ни одну страну не принимают. Проверяют, чтобы международные нормы соблюдались, права человека. И только потом принимают в Совет Европы.

Грузия тоже записала несколько обязательств. В 6-м пункте записано, что Грузия берет на себя обязательство в течение двух лет сделать закон о репатриации депортированного месхетинского населения. Поскольку пока закона нет. (*Оживление*)

За два года должен выйти закон, а, начиная с третьего года, и в течение 10 лет, должна быть репатриация. Добровольная притом. Не то, что в вагоны посадили и назад вернули. Нет.

Рустам Бекадзе – Поэтапно...

Клара Бараташвили – Поэтапно, добровольно, планово... Это ясно.

Теперь – какова ситуация на сегодняшний день. На сегодняшний день законопроект есть. Министерство юстиции разработало законопроект. Но это еще не закон. Этот законопроект повезли в Страсбург, где находится штаб-квартира Совета Европы. Они должны посмотреть, соответствует ли он европейским стандартам или нет. Они там посмотрели, сказали: в целом – нормально, мы очень рады, что Грузия начала работу в этом направлении, но

есть замечания, дополнения ...

Одно из существенных замечаний было такое. В 1997 году парламент Грузии принял закон "О признании жертвами политических репрессий граждан Грузии и их социальной защите". Те люди, которые были репрессированы во время советского периода, и которые сейчас являются гражданами Грузии, получают по этому закону статус репрессированного. Правительство признаёт, что они – жертвы политических репрессий, им дают пенсию, льготы...

Марат Бараташвили – И объявляют, что они – не враги народа...

Клара Бараташвили – Да, и говорят, что они не виновны. Уже это всё снимает. То есть, он – не предатель. Но этот закон касается только граждан Грузии, тех, которые ***живут в Грузии***. А месхетинцы ***живут за пределами Грузии***. На них этот закон не распространяется. Но как эти люди, которые сейчас живут в Грузии, и во время советского строя были репрессированы, точно так же и те люди, которые сейчас живут вне Грузии, были репрессированы.

И вот когда Совет Европы посмотрел этот законопроект, он сказал: хорошо, но если вы ***одним людям дали реабилитацию,*** статус "жертвы политических репрессий", вы должны и ***другим людям тоже дать реабилитацию***. Вы им тоже должны сказать, что ***они не виновны***.

То есть, в нашем законопроекте слово "реабилитация" отсутствует. И Евросовет сказал: вы должны привести этот законопроект в соответствие с тем. Как для всех, так и для месхетинцев. Эти репрессированы? Да! И эти репрессированы. Этих реабилитируете? Да! Этих тоже нужно реабилитировать. А то получается, что мой отец в 1944-м году 15 ноября в 4 часа утра встал, ничего с собой не взял, сам сел на поезд и поехал в Среднюю Азию. В ноябре, через Урал, через всю Среднюю Азию, – неизвестно куда, и 57 лет жил вне Грузии. Жил, и так и не смог вернуться... Он умер в Азербайджане, там похоронен...

Голоса – Пусть Аллах упокоит его душу...

Клара Бараташвили – Пусть Аллах упокоит души и ваших умерших...

Получается, что как будто, он сам по себе уехал. Но это ведь неправда!.. Его выслало государство!.. И Совет Европы говорит, – как вы смываете пятно предателей с этих, ***так же*** должны смыть

это пятно и с месхетинцев. Вот, сейчас закон на таком уровне. Рассматриваются дополнения. И в феврале должны опять отправиться в Страсбург, и еще раз показать.

Мы – неправительственные организации, которые работают в Тбилиси, месхетинские неправительственные организации (у нас пять таких организаций), мы все время наблюдаем этот процесс. У нас широкие связи с международными организациями, с Советом Европы. Мы также общаемся с властными структурами. Последняя встреча у нас была в министерстве юстиции, с замминистра Зурабом Эзугбая, где мы обсуждали законопроект. То есть, мы постоянно в курсе событий, и стараемся везде об этом говорить. Мы ко многим приезжаем – к нашим месхам, привозим наши газеты, брошюры, рассказываем... Мы хотим, чтобы народ всё знал. Это открытый процесс. И чем больше информации мы сообщим людям, тем больше люди узнают о нас. И мы узнаем, что ***вы*** думаете о нас. И у нас будут какие-то общие ценности.

Ситуация сейчас такая. После того, как эксперты Совета Европы посмотрят, что всё правильно, этот законопроект передадут в парламент. И парламент должен его утверждать. Ну, ***как*** парламент будет его утверждать, – это уже второй вопрос. Но процедура такая. Этот закон должен пройти через Совет Европы, а потом должен пойти в парламент. Мы надеемся, что парламент его примет, и начнется репатриация.

Но еще до того, как репатриация началась, мы все время проводим такие встречи. Мы хотим поговорить со всеми, пусть узнают нас. Что это – не людоеды, что это такие же люди, как все. Пусть знают, о чем мы думаем. Мы, в свою очередь, узнаем, о том, что ***вы*** думаете... Может, вы чего-то опасаетесь, мол, нет, нельзя, пусть не приезжают... Если так, то почему – "пусть не приезжают"? Обсудим всё это, устраним несогласие. Наша цель в этом заключается.

Теперь, может у вас есть какие-то вопросы, или может, кто-то хочет выступить?

Авто Абашидзе – Среди ваших есть такие, что окончили духовные учебные заведения?

Нуриддин Хосадзе – Да, есть... В Самарканде, в Бухаре. В Алма-Ате есть такое учебное заведение. Кстати, когда я переселился сюда, в 80-х годах из нашего поселка Насакирали несколько ребят-аджарцев поехали учиться туда, я сам лично их провожал. Потом интересовался, потому что у меня родственники

там жили, они к ним в гости ходили... Но до того я знал всего одного человека из наших, который поступил в Бухаре, и то он до конца не проучился. Это было в советское время. За то время я не помню, чтобы кто-то из наших специально ездил учиться. Но из Аджарии интерес к религии был больше. Во время коммунистов наших с образованием ходжей практически не было. Это я точно скажу.

Авто Абашидзе – Не разрешали, что ли?

Нуриддин Хосадзе – Не разрешали, да. В Узбекистане даже сюннет (*обрезание* - **ред.**) не разрешали.

Клара Бараташвили – Даже так было, да? Я не знала...

Авто Абашидзе – Нет-нет...

Нуриддин Хосадзе – Тогда делали все это скрытно.

Марат Бараташвили – Даже такое постановление было принято – "Об искоренении пережитков ислама в обществе". Все это запрещали.

Нуриддин Хосадзе – Запрещалось, тогда много чего запрещалось.

Авто Абашидзе – Со мной в Бухаре духовенству учились и ребята-месхетинцы. Я знаю...

Клара Бараташвили – Да? Очень интересно.

Авто Абашидзе – Хорошие ребята были. Они меня очень уважали.

Клара Бараташвили – А как вы думаете – почему?

Авто Абашидзе – Потому что я был из Грузии.

Клара Бараташвили – А все-таки?

Авто Абашидзе – Ну, наверное, потому что они тоже были грузины.

Клара Бараташвили – Вот именно!.. Может, еще кто-нибудь хочет сказать?

Бахадир Цаканидзе – Я хочу рассказать...

Клара Бараташвили – Пожалуйста. Давай.

Бахадир Цаканидзе – Моя мать родом из Аджарии. Их три сестры, все вышли замуж за месхетинцев. Половина Аджарии – мои родственники. Мои дядья живут в Чакви.

Клара Бараташвили – Как их фамил..я?

Бахадир Цаканидзе – Чахалидзе.

Клара Бараташвили – У нас тоже есть такая фамилия. Вообще, как вы, – роднитесь?

Бахадир Цаканидзе – А как же! Постоянно ездим друг к другу,

общаемся...

Клара Бараташвили – Ты не отделяешь их от вас?

Бахадир Цаканидзе – Как можно!.. Мы же родственники, да и корни у нас общие...

Рустам Бекадзе – В те времена... единство было между нами, душевность была. Раньше, до высылки. Когда приходило время рамазана, специально из Батуми приглашали духовных лиц, чтобы все обряды проводили, потому что у нас не так много было ходжей. Единство тогда было.

Были такие, которые вышли замуж за аджарцев, и таких родственных связей много было. Хорошо бы это восстановить.

Бахадир Цаканидзе – Если есть желание, это нетрудно будет.

Рустам Бекадзе – А вот, кстати... Хочу рассказать один случай. Я в 1992 году ехал из Турции. В автобусе разговорился с соседом. Спросил – откуда ты? Говорит, из Бурсы, в Батуми еду... Когда приехали в Батуми, я не успел на свой автобус, и остановился в гостинице у мечети. Ну, после вечернего намаза, среди прихожан во дворе встретил своего случайного знакомого. Но, слышу, он разговаривает по-грузински! Я спросил, – послушай, что ж ты наплел мне, что ты из Бурсы? Он говорит, – да, я из Бурсы. Тогда откуда грузинский знаешь? А я, говорит, грузин! Грузин-мусульманин. В Турции нас называют "гюрджи-оглы"! Нация, говорит, – это оно, а религия – другое. Вот так вот...

Нуриддин Хосадзе – Да, это так...

Рустам Бекадзе – Еще почему мы решили встретиться именно с вами, с духовенством. В селе Мохе в Адигенском районе, в мечети, именно аджарцы сделали коллективные заявления против нашего возвращения.

Нуриддин Хосадзе – Такое не подобает верующему человеку... Боль ближнего должна касаться и его самого, ибо человечество сегодня не может существовать без соболезнования и помощи ближнего.

Махмуд Калашидзе – Ну, знаете, люди разные бывают...

Рустам Бекадзе – Вы – служители мечети. Народу сюда много приходит, со всех сторон. У нас просьба, - объясните людям, что мы – такие же грузины, как и вы. Много не надо говорить. Только скажите, что этот народ – грузинский народ, грузины-мусульмане! Больше ничего!

Махмуд Калашидзе – Пожалуйста... Нет проблем...

Хусейн Болквадзе – А я ваших людей помню. Мы хорошо жили

вместе. Невестки у вас хорошие, – работящие...

Рустам Бекадзе – Пусть аджарский народ знает, что мы и аджарцы – всё едино. Тот народ, что живет сейчас в Турции – в Тао-Кларджети, в Шавшети, в Испири, – они тоже наши. Они тоже грузины! Вера у них исламская. А нация – единая. Мы братья по крови, и по вере.

Марат Бараташвили – Я хочу сказать об одной проблеме, которая может возникнуть. В результате этого пострадают наши аджарские братья. Из-за нашей проблемы.

Нуриддин Хосадзе – Да...

Марат Бараташвили – Как это может быть? Мы видим, что, по сравнению с другими регионами Грузии Аджария больше развита. Почему? По многим причинам, и еще по одной: Аджария – единственный регион Грузии, который является членом Генеральной Ассамблеи Европейских Регионов. Членство в этой Ассамблее даёт большой потенциал Аджарии. А теперь представим, Евросовету закон понравится. Дело придет в парламент, в парламенте будут споры, дискуссия... И, может быть, большинством голосов парламент примет не такой закон, который одобрит Европа. Который нужен нам, и нравится вам.

Тогда что может быть? Например, Белоруссия была членом Совета Европы. Ее исключили за то, что там не было обеспечено свободы слова. Пресса не была свободна. Украина была членом Совета Европы, вопрос решился в одну неделю. Если бы одну неделю еще протянули, Украину бы исключили, потому что они опаздывали с отменой смертной казни. И вот одну неделю вся украинская рада сидела днем и ночью, пока этот закон не приняли. Россию, такую огромную державу, – по территории она такая же, как вся Европа, – приостановили право ее голоса в Совете Европы. Из-за Чечни, – только потому, что они не выполнили указания, что население истреблять нельзя.

Мы смертную казнь отменили, свободу прессе дали, тюремную реформу проводим... Экзамены судьям, прокурорам делаем, и так далее... Всё делаем. А вот из-за месхетинской проблемы...

Что такое Грузия для Европы, чтобы капризничать, там, или торговаться... Я боюсь, что наши парламентарии могут принять такое решение по законопроекту, что из-за 6-го пункта Совет Европы может сказать: друзья, так дело не пойдёт!

Если Грузия будет исключена из Совета Европы, это отразится на ее имидже, в том числе, и на имидже Аджарии. На всю Грузию

будут криво смотреть из Европы – что это, дескать, одни разговоры о демократии, а ничего не делается...

Я боюсь, как бы так не произошло. Потому что парламентарии сидят в Тбилиси, они ни в регион не ездят, ни с людьми не разговаривают, ничем не интересуются ... И говорят, – нет, месхетинский вопрос не решим, потому что ***народ не хочет***. Народ, дескать, против, мол, их выгонят. Козырь такой у них. То, что земли мало, или там, не поместятся, этим уже никого не обманешь, никто этому не верит. Теперь вот у них козырь, что народ против. Я, мол, – за народ, значит, я тоже – против. Вот такую опасность я вижу.

Исмаил Диасамидзе – В Батуми 53 нации живут спокойно. Кого выгнали?

Клара Бараташвили – А мы ездим в этот народ, и разговариваем с народом. Хоть один депутат из парламента здесь был? Мне просто интересно.

Рустам Бекадзе – Это будет на совести правительства...

Марат Бараташвили – На совести-то правительства, но отразится на нас ...

Рустам Бекадзе – А что, запросто могут из Евросовета исключить... Это уже будет на совести парламента. Пускай они думают, если хотят, чтобы в Грузии было все нормально.

Клара Бараташвили – Может, еще кто-нибудь хочет сказать?

Махмуд Калашидзе – Из Грузии народ уезжает, а почему вы хотите возвращаться?

Авто Абашидзе – В Узбекистане ваши все хорошо жили, миллионерами были...

Рустам Бекадзе –Там, где наши сейчас живут, они живут, как гости. Ну, сколько можно жить в гостях? Ну, одну ночь, две, три... Но человек все равно должен вернуться к себе домой. Как бы хорошо в гостях ни жилось, – и еды вдоволь, и денег, – но дома все равно лучше. Пусть мчади будет, но у себя дома будет... (*Смех*)

Авто Абашидзе – Может, молодые не захотят вернуться?

Рустам Бекадзе – Может, и не захотят. Как я уже сказал, – мы поедем в любой регион Грузии. Но, главное, – чтобы не было запрета на Месхети.

Махмуд Калашидзе – Мы не знаем, что будет, когда новые приедут. Я знаю, что в Аджарии проблемы не будет.

Авто Абашидзе – Вы когда приехали?

Нуриддин Хосадзе – В 1983 году. Это было тихо, без ведома

Москвы.

Рустам Бекадзе – Будем считать, что этот вопрос решился. Допустим, у правительства закон есть. Этот народ возвращается. Теперь, на ваш взгляд, как сделать, чтобы репатриация была с минимальным количеством конфликтов? Бесконфликтной?

Марат Бараташвили – Как в Фергане придумали конфликт с клубникой, – чтобы такого не было...

Рустам Бекадзе – Мы приехали посоветоваться с вами, чтобы мы могли быть готовы... Вы хорошо знаете характер и привычки местного населения, Аджария – ваша...

Марат Бараташвили – Мы знаем, что аджарцы везде живут, на сегодняшний день Адигенский район больше заселен аджарцами. Аджарцы и в Гурии живут, и в Джавахети...

Нуриддин Хосадзе – К тому же, мы – один этнос... Наша цель – жить в мире со всеми, как этому учит наша общая вера. Как вы думаете?

Махмуд Калашидзе – Не знаем даже, что вам посоветовать... Наверное, вы должны делать то, что вы делаете. Вы должны ездить к людям, разговаривать, рассказывать о себе и налаживать контакты. Если контакты пойдут, все будет хорошо.

Авто Абашидзе – Главное, человеком быть...

Махмуд Калашидзе – Мы видим, что вы на правильном пути. То, что вы делаете, то и нужно делать. Надо почаще проводить такие встречи, беседы с людьми. Продолжайте делать то, что делаете.

Клара Бараташвили – Большое спасибо вам, Махмуд-эфенди, что организовали эту встречу.

Махмуд Калашидзе – В следующий раз мы примем вас лучше.

Рустам Бекадзе – Иншаллах! Мы постараемся учесть все ваши советы, чтобы наше возвращение в Грузию принесло ей только благополучие.

Все – Аминь!..

Круглый Стол

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ОТНОШЕНИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ МЕСХЕТИНЦЕВ

Тбилиси, 16 февраля 2002 г.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

1. **Адельханов Эмиль** – Кавказский Институт Мира, Демократии и Развития
2. **Альфф Хенрик** – Потсдамский Университет
3. **Амриев Ясин** – молодежный союз "Месхети"
4. **Ананиашвили Гулабер** – Ассоциация "Мамулишвили" ("Сыны Отечества")
5. **Андерсон Александр** – Human Right Watch, Кавказский Офис
6. **Асланов Анвар** – молодежный союз "Месхети"
7. **Бараташвили Клара** – Союз потомков "Patria"
8. **Бараташвили Марат** – Союз потомков "Patria"
9. **Бекадзе Рустам** – Союз Грузинских Репатриантов, Озургетский р-н
10. **Божко Станислав** – представитель региональной организации "Международное Ненасилие"
11. **Гаглоев Тенгиз** – Ассоциация осетин Грузии
12. **Галашевска Елена** – корреспондент газеты "Кавказский Акцент"
13. **Гасанов Фаиг** – молодежный союз "Месхети", г. Ахалцихе
14. **Гогашвили Кахабер** – Кавказский Директорат по Правам Человека
15. **Гогия Георгий** – Human Right Watch, Кавказский Офис
16. **Грдзелишвили Цицино** – Ассоциация женщин ВПЛ из Абхазии
17. **Капанадзе Отари** – архивная служба Управления информатизации МВД Грузии
18. **Кисиева Тамара** – Ассоциация осетин Грузии
19. **Купарадзе Мамука** – Студия Re
20. **Лазишвили Эльдар** – молодежный союз "Месхети"
21. **Макаридзе Нуриддин** – молодежный союз "Месхети"

22. **Мамулия Гурам** – Центр Содействия Репатриации Депортированного Месхетинского Населения
23. **Месхишвили Цира** – Самцхе-Джавахетская региональная Ассоциация "Толерант", г. Ахалцихе
24. **Мирзиашвили Михаил** – Студия Re
25. **Молидзе Исо** – молодежный союз "Месхети"
26. **Родионова Нелли** – Союз "Славянский Дом"
27. **Табатадзе Русудан** – ВПЛ из Абхазии, студентка ТГУ
28. **Татидзе Джемшид** – молодежный союз "Месхети"
29. **Халилов Заур** – Ассоциация азербайджанской молодежи Грузии, Общегражданское Движение "Многонациональная Грузия"
30. **Хосадзе Нуриддин** – Союз Грузинских Репатриантов, Озургетский р-н
31. **Цабошвили Майя** – грузино-осетинская организация "IBER-IRON"

***

Клара Бараташвили – Здравствуйте. Сегодняшний Круглый стол организован в рамках проекта "Поговорим, брат..." Этот проект идет у нас с октября прошлого года, и стал возможным благодаря финансовой поддержке региональной организации "Международное Ненасилие". Представитель этой организации – господин Станислав Божко – сегодня среди нас.

...Наш проект, который называется "Поговорим, брат...", заключал в себе ряд рабочих встреч-диалогов между месхетинцами и представителями различных слоев населения Грузии. У нас было три рабочие встречи. Первая была между представителями месхетинских репатриантов и вынужденно перемещенных лиц из Абхазии. Вторая – с представителями национальных меньшинств, проживающих в Тбилиси. И третья рабочая встреча состоялась в Батуми. Мы встречались там с аджарцами.

Программа сегодняшнего Круглого стола как бы суммирует наши впечатления. Мы констатируем в нашем обществе наличие негативных стереотипов в отношении депортированных месхетинцев, и призываем всех подумать, – как нам преодолеть их.

Я бы хотела, чтобы мы придерживались такого порядка работы: у нас было три встречи, и сначала идут рассказы об этих встречах. А после обеда у нас открытая дискуссия, где каждый из присутствующих может свободно высказаться.

Далее идет рассказ участников трех предыдущих встреч и их обсуждение.

Мы даем выдержки из этих рассказов.

Материалы самих встреч представлены в брошюре выше.

...Клара Бараташвили – Цицино Грдзелишвили из Ассоциации женщин, вынужденно перемещенных из Абхазии, расскажет о первой встрече.

Цицино Грдзелишвили – ...С месхетинской проблемой я знакома давно, и могу сказать, что встреча была интересной.

...Я представляю тех людей, которые вынуждены были уйти из Абхазии в результате грузино-абхазского конфликта в 1993 году. Количество наших людей вам знакомо, но я все-таки скажу, – оно колеблется в пределах 282 тысячи, иногда бывает меньше,

потому что сейчас новая регистрация прошла, так что последних цифр у меня нет.

Вынужденные переселенцы из Абхазии и Южной Осетии, которых около 12 тысяч, живут, в основном, в регионах Самегрело, самое большое их количество – в Имеретинском регионе и городе Тбилиси. В Тбилиси проживают где-то порядка 80 тысяч человек, иногда больше, иногда меньше. Условия проживания наших людей, довольно-таки тяжелые, и социальные проблемы касаются точно так же, как и всех в Грузии…

…Проблема месхетинцев всегда ставилась как бы в противовес проблеме вынужденных переселенцев. Дескать, в стране большое количество вынужденных переселенцев, и поэтому мы не можем решать проблему месхетинцев. Но это две тяжелые ***параллельно идущие проблемы***.

… Месхетинская проблема – это очень давняя проблема. Мы, как говорится, – свежая боль. Вот вчера я смотрела по телевизору съезд вынужденных переселенцев, или, как их упорно называют, "беженцев". Как много у нас противоречий, – ***кто*** будет возвращать, ***как*** будут возвращать, каким путем…

…Короче говоря, очень тяжелая и очень болезненная тема. И вопрос возвращения месхетинцев – такая же больная проблема, которую, я считаю, должно решать государство. В данный момент, опять же, – это мое мнение, государство неспособно решить этот вопрос.

…У вас примерно те же проблемы с языком. В Абхазии был высокий процент знания русского языка. И многие наши беженцы приехали сюда, не зная грузинского языка. Нам пришлось адаптироваться, изучать грузинский язык. К сожалению, мы уже стали забывать русский язык.

…И на встрече с ребятами я говорила, – рассказывайте о себе. Почему вы так упорно ищете свои грузинские фамилии, свои грузинские истоки… Об этом рассказывайте.

…Я с удовольствием откликнулась на Кларину программу. ***Очень*** хорошее название – "Поговорим, брат…" Потому что, правда, – чем больше мы говорим… Я, например, по профессии врач. И когда приходит больной и выкладывает тебе, он может быть, где-то душевно … излечивается. Та же ситуация, – чем больше вы будете рассказывать о своих проблемах, чем ***мы*** все будем больше говорить о своих проблемах, может, тогда нас правильно поймут…

Клара Бараташвили – Вопросы будут?

Тенгиз Гаглоев – Вы назвали цифры: 282 тысячи человек из Абхазии.

Цицино Грдзелишвили – Это вместе с осетинскими беженцами.

Тенгиз Гаглоев – А вы не знаете, сколько осетин уехало из Грузии?

Цицино Грдзелишвили – Около 7 тысяч. Мы встречались с беженцами из Северной Осетии, которые переехали из Северной Осетии в Грузию. Они такие же недовольные жизнью здесь, как и все беженцы. Их тоже около 7 тысяч. Я основывалась на тех цифрах, которые они получили в результате своего социологического опроса.

Гурам Мамулиа – Вы думаете, что эта цифра – 282 тысячи из Абхазии – правдивая цифра?

Цицино Грдзелишвили – Мне сейчас трудно говорить, потому что вынужденные переселенцы практически постоянно мигрируют….

…Гурам Мамулиа – Официальная статистика такова: в России зарегистрировано 650 тысяч мигрантов из Грузии. Незарегистрированных гораздо больше. Можно предположить, что их около 900 тысяч. Большой процент занимают беженцы из Абхазии. Значит…

Клара Бараташвили – Гурам Самсонович, в каком контексте вы хотите сказать?

Гурам Мамулиа – Знаете, идет спекуляция, – я говорю о позиции правительства, – что вот, у нас здесь 300 тысяч беженцев, поэтому мы не можем принять месхетинцев. В гуманитарном плане это не имеет никакого значения. Правительство попросту ворует ваши деньги тем, что завышает цифры беженцев здесь, в Грузии. Потому что реально такого количества беженцев в Грузии, конечно, нет.

Клара Бараташвили – То есть, речь идет о том, что правительство, спекулируя большим количеством беженцев, не желает приступить к решению месхетинской проблемы…

…Цицино Грдзелишвили – Наша проблема была такой же раздражающей, как и месхетинская. И для правительства, и для местного населения. Все беды, которые произошли в последнее время, – все валили на беженцев. Во всем были виноваты они…

Гурам Мамулиа – Вплоть до того, что говорят по-мегрельски… *(Смех)*

Цицино Грдзелишвили – Да, и это... В метро едет человек, который говорит по-мегрельски. Я слышала, как ему сделали замечание: "Какой кошмар! На каком диком языке вы разговариваете в Тбилиси!" *(Смех)*

Клара Бараташвили – Спасибо. По-моему, у нас уже есть задел для дискуссии. Слово Ясину Амриеву. Это наш студент, который тоже был участником первой встречи

Ясин Амриев – ...На этой встрече мы многое узнали. Мы жили рядом с беженцами, и практически ничего о них не знали, так как общение было поверхностное. Как мы выяснили, нас, так же как и вас, встречали не с распростертыми объятиями. Даже, несмотря на то, что у вас та же христианская вера, и тот же грузинский язык. Теперь представим, как встретят ***нас*** – мусульман, не с грузинским языком. Поэтому я согласен с Цицино, что, в первую очередь, нужно правильно информировать население...

...Клара Бараташвили – Пожалуйста, Станислав, вы хотели спросить...

Станислав Божко – Скажите, у вашей организации есть опыт какого-то конкретного действия или действий по преодолению таких негативных стереотипов? Вот вы сейчас сказали, что часто сталкиваетесь с мнением, – грузин не может быть мусульманином. Каким образом в этом случае вы пытаетесь действовать?

Ясин Амриев – Приходится объяснять каждому человеку конкретно. Что нация и религия – это разные вещи...

...Марат Бараташвили – У самого Ясина, может, опыта и нет, но у организации "Месхети", которую он представляет, такой опыт работы имеется. Я думаю, руководитель "Месхети" господин Исо Молидзе расскажет нам позже о том, как они работают.

...Гулабер Ананиашвили – Вы из какого региона приехали?

Ясин Амриев – Из Киргизии.

Гулабер Ананиашвили – Скажите, у вас самосознание, в среде ваших близких... Вот, как происходит переход? Вот он из среды, где ему внушают, что он турок, ничего с грузинами не имеет, а многие даже сеют вражду... Потом человек приезжает в Грузию, попадает совершенно в другую среду... Вы не могли бы сказать, как это происходит среди вашего окружения?

Ясин Амриев – Каждый, из живущих в Киргизии, который называет себя турком, если сесть и поговорить с ним ... Если глубоко вникнуть, – он признаёт себя грузином. Он знает, что он

грузин, понимаете? Он просто не может объяснять, почему его называют турком. И у каждого есть желание приехать сюда именно потому, что он грузин, а не кто-нибудь другой...

...Клара Бараташвили – Вторая встреча у нас была с представителями нацменьшинств, которые проживают в Тбилиси.

Нелли Родионова –...На данной встрече внимание привлекли два вопроса. Это – что общего, и что различного у месхетинцев и представителей национальных меньшинств. Как выяснилось, у месхетинцев очень важным и болезненным вопросом является вопрос о гражданстве.

...Многие из нас вообще не были знакомы с проблемой месхетинцев, в частности, я. Эта встреча сделала всех нас ближе, и у нас всех появилось желание помочь друг другу...

Тамара Кисиева – У меня остались очень теплые впечатления. Я впервые встретилась с депортированными месхетинцами, впервые так близко познакомилась с этой проблемой. То есть, несомненно, я раньше слышала о вас, но слышала от населения, проживающего в Ахалцихском районе. И у них такой стереотип, что турки-месхетинцы – враг. Враг народа, можно так сказать. Мне кажется, главная проблема – это дефицит информации, потому что на самом деле, депортированные месхетинцы – это ***пострадавшие люди***, они нуждаются в помощи. И если эту информацию вы подадите в массы путем подобных встреч, семинаров, в СМИ, я думаю, этот стереотип исчезнет.

...Ваша проблема очень близка нам, осетинам, потому что очень большое количество осетин-беженцев находится в подобном положении, они вынуждены были покинуть свои дома и бежать – непонятно куда и зачем. Единственный способ преодоления негативного отношения к вам, мне кажется, – вот такие встречи, такое общение...

Марат Бараташвили – Мне интересно, после той встречи у вас были разговоры или беседы на эту тему в своих организациях, среди знакомых?

Нелли Родионова – Да, конечно. Я в своей организации рассказала об этой встрече, поделилась информацией, которую получила... Естественно, мы стараемся потом перенести ее в массы, это уже какое-то продвижение вперед.

Тамара Кисиева – Мне тоже не раз приходилось рассказывать о депортированных месхетинцах. Даже у меня в семье были обширные дискуссии по этому поводу, потому что мой зять родом

из Аспиндзы. И именно с ним, у него тоже такой стереотип: "Как, – месхетинцы?.. Они не должны к нам заселяться, этого не будет, это невозможно!.." У нас были такие дискуссии ...

Клара Бараташвили – Вам удалось что-то рассказать?

Тамара Кисиева – Рассказать-то удалось, но вот переубедить – я не уверена.

Клара Бараташвили – Это только начало...

Тамара Кисиева – Да...

...Клара Бараташвили – Я бы хотела, чтобы мы кратко остановились на третьей нашей встрече. Она была в Батуми, где в мечети мы встречались с духовенством Аджарии.

...Сначала мы поехали в Озургети, оттуда взяли группу наших репатриантов, и потом направились в Батуми. Мы тщательно готовились к этой встрече. Приехали в Озургети, собрали наш контингент, всё обсудили, кстати, у нас в группе была одна женщина – это очень важный момент. Рустам сказал, – вообще-то встреча будет в мечети, поэтому надо, чтобы голова у всех была покрыта. Я сказала, – конечно, если для дела надо, – я даже чадру надену... (*смех*) Пожалуйста, это без проблем...

Нуриддин Хосадзе – Кстати, наши женщины никогда не носили чадру....

Клара Бараташвили – Мы поехали в полной уверенности, что у нас всё будет замечательно, что нас отлично примут...

...Приехали рано утром, зашли в мечеть. И вдруг увидели, что люди совершенно замкнуты. Мы рассказываем, объясняем. Они сначала просто молчали, а потом: "Как правительство скажет..." Мы сказали, – пожалуйста, мы вам расскажем, ***что*** говорит правительство.

...В принципе, в Аджарии у нас очень хорошие контакты с интеллигенцией. Мы близко знакомы с председателем Союза писателей Аджарии Джемалом Джакели. Он наших ребят принимал там, летом мы у них отдыхали. Рамаз Сурманидзе – председатель общества по связям с соотечественниками за рубежом. И другие – ученые-историки... В принципе, у нас там связи налажены. Если бы мы пошли по этой накатанной дороге, у нас не было бы никаких проблем. Собралась бы интеллигенция, мы бы очень мило поговорили, и разошлись. Но я сказала, – давайте пойдем иным путем. А, давайте, в мечети сделаем встречу! Эта идея всем понравилась. И, оказывается, мы не знали тамошней ситуации... Для нас в плане информации эта встреча была очень полезной.

...Марат Бараташвили – Интересно, что с нашими анкетами они ознакомились, но мы их не получили обратно. Они сказали, что посоветуются с местными органами, встретятся с общественностью, выработают общее мнение, и только потом передадут нам эти анкеты.

...Мамука Купарадзе – Вы что-нибудь ценное вынесли с этой встречи?

Клара Бараташвили – Конечно...

Нуриддин Хосадзе – Это вначале они были так насторожены. Но после обеда стали более открыто разговаривать с нами.

Рустам Бекадзе – Давали советы, как нам быть...

Марат Бараташвили – Эта встреча проломила лед. На эту замороженную почву никто не ступал. Мы на нее ступили, и, независимо от их закрытости, всё, что мы привезли туда – наши брошюры, книги, газеты, – всё вызвало у них интерес.

...Гурам Мамулия –...В принципе, конечно, это очень хорошо. Потому что надо туда ездить, надо с ними беседовать, и особенно, с молодежью. Я преподаю в дипломатической академии, у меня много студентов из Аджарии. Когда я беседую с ними по месхетинской проблеме, они воспринимают все это через правильную призму, и относятся с большим сочувствием.

...Если эту работу продолжать так же целенаправленно, вы добьетесь успеха, потому что ни в одном регионе вы не получите такого сочувствия, как в Аджарии.

...Клара Бараташвили – Да, когда мы выходили из мечети, прихожане обступили нас и сказали ...

Голос из зала – Не возвращайтесь?... (*Смех*)

Клара Бараташвили – Наоборот...

Нуриддин Хосадзе – Прихожане, простые люди, что приходили в мечеть совершать молитву, очень тепло провожали нас. Разговорились с нами ...

...Начали говорить, что наша проблема обязательно должна быть решена, потому что это несправедливо. Если Бог создаёт человека, то уже в зародыше закладывается программа, как ему жить, и какие средства выделены на него Господом... Это и в Библии говорится, и в Коране, и во всех источниках... Что человеку, где бы он ни проживал, выделен его прожиточный минимум. А остальное он должен заработать своими усилиями и своим трудом. И поэтому, говорят, места нам хватит. То, что говорят, – нет места, не хватает земли – это всё, говорят, абсурдно.

В прошлом мы жили очень мирно, тем более, аджарцы сами были репрессированы. И в 56-м году были возвращены на Родину...

Я думаю, что если бы в тех же годах был решен и наш вопрос, то сегодня мы свою энергию, которую тратим сейчас здесь, расходовали бы на развитие нашего государства и демократизацию.

...Есть слова Халила Гозалишвили (*один из лидеров депортированных месхов, ныне покойный* – **ред.**). Медведица, которая должна была в голодный год съесть своего медвежонка, сперва замарала его в грязи, обваляла до неузнаваемости, и только потом съедала. Аналогично наш вопрос. Вываляли нас в грязи, назвали врагами своего народа и государства, и по сегодняшний день это продолжается. Значит, ведется определенная работа в этом отношении, – уничтожение целого этноса грузинской нации. На сегодняшний день, когда весь мир борется против того, чтобы не было смертной казни, нас казнят. Каким образом? Тем, что не возвращают нас в лоно своего государства, в свой национальный круг, ставят разные препятствия, чтобы мы не вернулись и отчуждались. Чем, больше проходит времени, уже 58-й год, тем дальше отходим мы от своих корней... Мы буквально ассимилируемся на глазах своих же братьев. И никакой помощи с их стороны.

...Вот, допустим, на сегодняшний день в Турцию выехало 25-30 тысяч человек. Это полная ассимиляция – в России, в Казахстане и т.д.

Уважаемая Цицино сказала, – мы забываем русский язык – это за каких-то 10 лет. А вы представляете, мы 58 лет оторваны от своего языка! Когда нас выселяли, многие из наших дедов говорили на грузинском языке. Мой дед, бабушка – все они говорили. И отец знает. И мать читала нам стихи...

По мере того, как люди проживали в тюркоязычной среде Средней Азии, мы забывали грузинский язык. Это не наша вина, не вина простых людей, а это определенная программа, которая ведется именно в этом направлении, чтобы разжигать очаги напряженности, и на этом зарабатывать...

Клара Бараташвили – Подведи, пожалуйста, черту о встрече в Батуми.

Нуриддин Хосадзе – В Батуми было, как я отметил, очень интересно. Такие встречи, и проекты, как этот – "Поговорим, брат..." – очень нужны. Вот, товарищ из Москвы хорошо сказал,

что нам нужно выходить в эфир. Вот именно, телевидение, радио, надо больше об этом. Но с простым народом до сих пор не было столько общения. В Самцхе-Джавахети проживают и армяне, с ними тоже надо будет встречи организовывать. С духовенством в Ахалцихе... Это будет очень полезно.

...Клара Бараташвили – По повестке дня у нас – результаты анкетирования, которое мы проводили во время двухсторонних встреч. Я прошу Марата рассказать нам об этих результатах.

Марат Бараташвили – Всем участникам наших рабочих встреч было предложено заполнить анкету об их взглядах на проблему. Я ознакомлю вас с выводами, к которым мы пришли. А именно, – население Грузии лишают права на информацию. Люди почти ничего не знают о месхетинской проблеме. Почему-то идет закрытый процесс. Народ и по сей день знает только то, что черпает из истории Советского Союза советской версии. В школьных учебниках по истории нет даже упоминания о депортации 44-го года, – почему это было и что сейчас.

...Теперь по поводу анкет, конкретно. В Аджарии, мы не получили ни одной анкеты...

Клара Бараташвили – Одну получили...

Марат Бараташвили – Да, одну анкету получили от прихожанина мечети.

Цира Месхишвили – Покажите нам эту анкету... (*Смех*)

Марат Бараташвили – Аджарцы даже инкогнито отказались выразить свое мнение. Из двух других встреч мы получили большинство анкет. Я ознакомлю вас с теми ответами, которые завоевали наибольшее количество голосов.

Мы предложили ответить на 21 вопрос, 22-й был: "Ваша фамилия по желанию".

Вопрос первый: "На Ваш взгляд, кто такие месхи?" Тут варианты ответов были: грузины, турки, смешанная этногруппа и еще что-то. Среднестатистический участник встречи отвечает, что это смешанная этногруппа.

Второй вопрос: "Как Вы считаете, какова нынешняя этническая принадлежность месхов?" Ответы: грузины, турки, отуреченные грузины, огрузиненные турки, не представляют сформировавшейся этнической группы и еще что-то. Ответ такой: не представляют сформировавшейся этнической группы.

Третий: "У Вас есть знакомые (друзья) из числа месхетинцев?" Да, нет. Ответ – нет.

"Если да, то как вы можете охарактеризовать их?" Прочерк, поскольку их нет.

"Если нет, то хотели бы Вы познакомиться (подружиться) с месхетинцами?" Да, нет, не знаю. Говорит – не знаю. (*Смех*)

Гулабер Ананиашвили – Боятся?..

Марат Бараташвили – "Вы хотели бы, чтобы Вашими соседями была месхетинская семья?" Да, нет, не знаю. Отвечает – не знаю. Это средний ответ. Были и такие, и такие.

"Согласились бы Вы, чтобы Ваш сын женился на месхетинке или дочь вышла бы замуж за месхетинца?" Варианты – да, нет, не знаю. Ответ – нет. (*Смех*)

Рустам Бекадзе – А, между прочим, у нас в Озургете есть такие.

Нуриддин Хосадзе – Есть такие, что вышли замуж за гурийцев, и за аджарцев. И наоборот.

Марат Бараташвили – Следующий вопрос: "Считаете ли Вы необходимой репатриацию месхов в Грузию?" Варианты такие были: да, нет, не знаю. И еще что-то. Он говорит – не знаю. На вопрос: "Почему?" (надо было аргументировать свой ответ) пишет: "Не знаю, почему". (*Смех*)

"На Ваш взгляд, все ли желающие месхи должны возвратиться в Грузию?" Да, нет, не знаю. Средний участник нашей встречи ответил, что не все желающие должны возвратиться.

"Как Вы думаете, каким условиям должны удовлетворять месхи для возвращения в Грузию?" Два варианта ответов – должны быть возвращены без всяких условий все желающие, и еще какой-то вариант. Выбирает другой вариант, пишет: "Выборочно".

"Где должны быть расселены месхи в случае их возвращения?" Ответы: в соответствии с их пожеланиями, равномерно по всей Грузии, компактными группами по всей Грузии, в Месхети, ни в коем случае в Месхети. И еще один запасной вариант. Человек отвечает: "Ни в коем случае в Месхети".

Цира Месхишвили – Почему они за нас говорят, я не поняла?

Марат Бараташвили – "Как может повлиять репатриация месхов на внутреннее политическое положение Грузии?" Варианты – положительно, отрицательно, никак. Ответ – "отрицательно".

"Как может повлиять репатриация месхов на внешнее политическое положение Грузии?" Положительно, отрицательно, никак. Выбирается вариант "положительно". На внешнее

положение – положительно. А на внутреннее, значит, отрицательно.

"Как может повлиять репатриация месхов на социально-экономическое положение Грузии?" В предложенных вариантах – положительно, отрицательно, никак, выбран ответ "отрицательно".

"Как может повлиять репатриация месхов на решение абхазского вопроса?" Положительно, отрицательно или никак? Ответ такой – отрицательно повлияет. На вопрос "Почему?" вписано: "Абхазский вопрос останется в стороне".

"Узнали ли Вы сегодня что-нибудь новое о месхах и месхетинской проблеме?" Да или нет. Отвечает, что да. "Если да, то, что именно?" "Я познакомилась с ними". Судя по всему, это была женщина.

Цира Месхишвили – Она хочет замуж за месхетинца. (*Смех*)

Марат Бараташвили – "Изменились ли Ваши взгляды на месхетинскую проблему в результате сегодняшней встречи-диалога?" Да или нет. Отвечает, что да, изменились.

"Если изменились, то, что именно?" Вписан такой ответ: "Это обычные люди". (*Смех, оживление в зале.*) То есть, ни рогов, ни хвостов...

Цира Месхишвили – А какие должны быть?

Марат Бараташвили – И на вопрос: "Как вы считаете, нужны ли подобные встречи?" Да, нет, не знаю или еще что-то, человек ответил – да, такие встречи нужны. Это средняя анкета, этакий средний образ участника наших встреч.

Напрашивается вывод, – если па наших встречах, как правило, были представители неправительственных организаций...

Клара Бараташвили – Не считая Батуми, конечно...

Марат Бараташвили – Это наиболее информированная, наиболее открытая и раскрепощенная группа населения ... То – есть, о чем задуматься, и есть предмет для беспокойства.

Почему это происходит, и как это можно преодолеть? У нашего государства нет ни законопроекта, ни законодательной базы, ни программы репатриации. Нет информационной политики в этом вопросе. Даже у государственных СМИ нет определенной линии, – как работать с населением. Если даже какие-то отрывочные материалы дают по радио или по телевидению, это смотрит только столица, ну, крупные города. В регионах со светом проблема. Практически круглый год население оторвано от

информации, от всего, что происходит в мире, тем более, в Грузии. Газеты покупают не все, и они продаются только в крупных городах.

Цира Месхишвили – Не все могут выделить 50 тетри, чтобы купить их...

Марат Бараташвили – Тогда что остаётся? Остаются только такие личные встречи, беседы, разговоры. И это работает более эффективно, чем где-то что-то прочитал или где-то что-то увидел. Личный контакт – это решающий фактор. Поэтому я думаю, – мы делаем хорошее дело, и это дело надо продолжать. Спасибо.

Клара Бараташвили – У нас сейчас перерыв. Я бы хотела, чтобы мы продолжали неформально общаться, знакомиться.

Марат Бараташвили – Не забудьте, что мы все – "обычные люди" (*смех*). Это открытие мы уже сделали.

После перерыва

Клара Бараташвили – По повестке дня у нас сейчас доклад "Пути преодоления негативных стереотипов в отношении месхетинских репатриантов в Грузии". Этот доклад сделает господин Гурам Мамулиа, представляющий НПО "Центр Содействия Репатриации Депортированного Месхетинского Населения".

Но прежде, чем начнется доклад, я бы хотела сказать пару слов о Гураме Самсоновиче. Мы, месхетинские репатрианты, высоко ценим его и очень уважаем. Это человек, который принимал самое непосредственное участие в жизни каждого месхетинца, который приезжал жить в Грузию. Он возился с ***каждым из нас*** так, как будто мы все были его детьми... Сначала – просто, как близкий человек, затем – будучи начальником службы репатриации – как государственный человек... Он признанный эксперт по нашей проблеме. И, кроме того, это чрезвычайно душевный человек. Мы ***все*** многим ему обязаны, хотя бы просто тем, что теперь живем у себя на родине. Без Гурама Мамулиа это было бы намного труднее...

Тенгиз Гаглоев – Как жаль, что мы не месхетинцы... (*Смех*)

Клара Бараташвили – Пожалуйста, Гурам Самсонович...

Гурам Мамулиа – Спасибо...

...На определенных этапах своей деятельности мы должны оглядываться и расставлять правильные оценки. Если этого не

делать, то будем получать обратный эффект. И вместо того, чтобы снимать эти стереотипы, мы невольно сами же будем эти стереотипы усиливать.

Для того чтобы понять общий фон, и почему возникают эти стереотипы, в первую очередь, надо отметить отсутствие гражданского самосознания и гражданского общества в нашей стране. Основной питательной средой этих стереотипов является отсутствие у нас понятия гражданина Грузии, как политически сознательного строителя этого государства. По своей специфике, исходя из истории, в том пути, который прошла Грузия, тем более, в условиях Советского Союза, не было интегрированности. Поэтому сам грузинский народ в целом, несмотря на то, что в некоторых аспектах он может признать грузинами мусульман или католиков, на уровне массы это признание выражено очень слабо. И это обусловлено историческими условиями. Ибо грузинами считались лишь те, которые были крещены в православной, а именно, в Мцхетской церкви.

Но сейчас в Грузии зарождаются позитивные условия, связанные с независимостью, тем более, с теми изменениями, которые внесены в регистрационные документы, – у нас в паспортных записях исчезло само понятие "национальность", как этническое определение. Это как раз способствует тому, что мы всё более начинаем ощущать себя гражданами этой страны. И для нас уже с точки зрения реализации наших прав определяющим является не этническое происхождение, а правовая сторона. В конечном счете, если это будет развиваться в правильном направлении, и мы, как народ, сложимся как "государство-нация" – как сложились все современные европейские народы, то, в конечном счете, доминирующее будет то, что грузины дали название этой стране. И не будет никакой разницы с правовой точки зрения, – каково этническое происхождение человека.

Сейчас трудно представить, допустим, что президентом Грузии мог бы стать человек негрузинского этнического происхождения. Это как-то парадоксально... Я несколько раз беседовал со своими друзьями о том, что если, допустим, будет некий азербайджанец, и у него окажутся такие способности, что он сможет стать военным министром и освободить Абхазию... Что бы вы думали об этом?

Они даже не представляют, что человек негрузинского этноса может занять такую должность, даже если бы он обладал выдающимися способностями. Для многих это непонятно, – как

это можно реализовать в нашей действительности?

И основной принцип, который ведет к самым большим сложностям нашей действительности, – это тот общий фон, на котором складывается понятие – под сомнение ставится грузинское происхождение депортированных месхетинцев. А если акцентируется или что-то оправдывается, то в первую очередь, оправдывается тем, что они грузины. Разговор же о том, что, допустим, турок или кто-нибудь другой может иметь такие же права, – уже вызывает глухое противодействие, и всё полностью отсекается.

Месхетинцы, конечно, – это омусульманенные грузины, которые прошли стадию отуречивания, и они отличаются от тех турок, которые проживают в Малой Азии тем, что не прошли стадию сложения "нации-государства". И поэтому на данном уровне, будучи народом, расселенным дисперсно после депортации, – они как бы застыли в своем развитии. Когда ведешь с ними разговор, они, может, и признают себя турками, но большинство из них все-таки считает, что их родина – это Месхетия, а не Турция. То есть, у них есть четкая определенность в этом плане.

Это, как бы сказать, месхетинский взгляд, так сказать, в сторону Грузии. Но сейчас нам интересен взгляд с грузинской стороны – как ***мы*** видим эту проблему?

Не вдаваясь в историю, скажу, что сложность ситуации в том, что в разных регионах эта проблема воспринимается по-разному. Был проведен социологический опрос. И результаты были довольно интересными. 75 процентов населения вне Месхетии в целом положительно относились к репатриации. А в самой Месхети процесс был как раз противоположный: там 25 процентов высказались положительно, а 75 процентов ответов были отрицательными. Но к тому же, и в самой Месхетии, если глубоко вникнуть, – там тоже свои особенности. Если процесс обсуждения проблемы – коллективный, тогда реакция – исключительно отрицательная. То есть, градус отрицания – он выше. Но если в индивидуальном плане говорить с человеком, то этот градус понижается. Потому что есть психологическое понятие толпы, в которой заряженность отрицательными элементами выше.

Подобное наблюдается и у самих месхетинцев. Когда беседуете с ними в индивидуальном порядке, – они более четко афишируют своё грузинское происхождение, и говорят, да, мы – грузины. А

если вы будете говорить с ними в массе, то они будут больше отрицать, чем признавать. То есть, более четко будут выступать негативные элементы.

Для нас проблема в целом заключается в том, что в самой Месхети бытует, так сказать, мифотворчество. И мифотворчество это зиждется не на том понятии, что в действительности месхетинцы – турки, грузины, там, китайцы или негры, – это не имеет в данном случае решающего значения. Дело в том, что в их домах, в их садах и на земле, на которой они исторически проживали, сейчас живут другие люди. И у этих людей, которые так же были туда переселены (и тоже насильственно), у них, несомненно, присутствует такое крестьянское чувство, как бы сказать, вины. Я говорю это не от себя, я говорю о тех наблюдениях, которые проводили иностранцы. Есть даже отчеты, и там отмечается, что у них есть какое-то чувство вины, что, мол, они живут в чужом двору, в чужом дому. И это приводит к тому, что уже возникает такой стереотип, что тот плохой. И как бы самооправдание того действия, которое связано с тем, что он живет, и присвоил, если сказать условно, чужую собственность.

Если к проблеме подходить так огульно... Например, будет передача из Тбилиси – вот, люди собираются возвращаться. В абстрактном понимании я говорю. И у населения это воспринимается так: как их выслали, то есть, посадили в эшелоны, в машины, как произошла эта массовая депортация, так же, в массовом порядке, эти люди могут вернуться. И в сознании населения бытует страх. Отсюда возникает мифотворчество.

Прекрасный пример этого мифотворчества мы наблюдали совсем недавно. Студия Re устроила телепередачу, и там присутствовал депутат от Адигенского района. Он как бы рассказывает историю. Вот, мол, русские войска в 1828 году заняли Ахалцихский регион, в том числе, и современный Адигенский район. И потом добавляет: они, значит, выселили грузин (то, что там проживали грузины, он не отрицает), но, мол, потом уже царская администрация приняла только турок. Но во главе-то Российской империи стоял христианский, то есть, православный правитель. И заселение армян в Джавахети как раз пошло по тому направлению. То, что грузин-мусульман в большинстве оттуда выселили и приняли как раз армян – это было политической целью, с тем, чтобы армяне были более надежными...

А здесь рассказывается наоборот. Здесь получается, что вот

турки пришли и, так как они, мол, являются нашими врагами, то именно поэтому мы не можем с ними жить и т.д.

И если, допустим, центральное телевидение будет говорить, что эти высланные турки или месхетинцы, пусть даже будем говорить, – чистокровные грузины, будут возвращаться, то у местного населения будет такое восприятие, что приезжий будет посягать на его собственность. И поэтому для него он обязательно обратится в турка, во врага, человека, который может принести только зло. Вот почему дифференцированный подход к этой проблеме для снятия стереотипов является самым эффективным средством.

И в первую очередь, надо стараться на данном этапе дать возможность месхетинцам поселяться в Ахалцихе, в эти регионы, в небольшом количестве, где-то несколько сот семей, из тех, которые более или менее сознательны, и которые могли бы вступать в конкретный контакт. Когда люди вступают в конкретный контакт, у них сильно меняется представление. Вот здесь была фраза: "Это обычные люди"... Было вычеркено самое четкое замечание, что это – обычные люди, и, следовательно, никакой опасности для них не представляют.

Я могу проиллюстрировать это несколькими примерами. В Хашурском районе есть село Агареби. Это осетинское село. И так случилось, что там поселилась месхетинская семья. Семья очень интеллигентная. И когда я в первый раз вместе с этой семьей приехал туда, село было очень взбудораженным. С какой-то настороженностью, очень они как-то беспокоились. Проходит несколько месяцев. И когда мне опять приходится с ними общаться, то сельчане говорят: "Вы знаете, мы слышали, что они собираются переезжать в Ахалцихе. Вы можете их убедить, чтобы они здесь остались? Чтобы не уезжали. Пусть приезжают их родственники, мы им поможем, здесь продаются дома, пусть они здесь расселяются". (*Оживление*)

Дело в том, что женщина в этой семье – врач, которая оказывает соседям медицинскую помощь почти безвозмездно. И люди увидели, что это им выгодно, это трудолюбивые люди, никакого конфликта там нет. И сейчас они заинтересованы их сохранить. И в этом селе стереотипа уже никакого нет.

То есть, если бы мы по центральному телевидению, и в газетах десять раз твердили бы, что вы их не бойтесь, так и так... Тем более, в наше постсоветское время, когда бесправный народ

получает право обсуждать или как бы решать чужую судьбу.

То, что мне чаще всего приходилось встречать на уровне такой крестьянской массы, и самое тяжелое впечатление, – это то, что люди, может, освободились от какого-то страха... Но одновременно, будучи бесправными и запуганными в результате советской системы, когда у них спрашивают на что-то разрешение, они говорят "нет"... Когда человек рабской психологии чувствует, что ему как бы дают какую-то власть, хотя и призрачную, то у него реакция совершенно другая. Он не то, что относится доброжелательно, а наоборот, – как раз проявляет жестокость. У него есть чувство развязанного раба, то, что мы в литературе читали. На этом уровне это исключительно опасное явление. И здесь разрядка должна быть не через средства массовой информации (я говорю – на этом этапе), а через непосредственные контакты.

Приведу еще один пример. Город Ахалцихе. Цира очень хорошо знакома с этой семьей. Ко мне обратился молодой парень – это было в 1997 году. Он работал на Северном Кавказе, довольно успешно, занимал крупные должности. Он приехал ко мне и сказал, что у него есть деньги, и что он хочет поехать в Ахалцихе и купить там дом. Я сказал – мы максимально поможем тебе, но не гарантируем. Ты бери это на свой страх и риск. В Чечне есть такая железнодорожная станция Ишёрская, он был начальником этой станции. Он сказал, что они прошли чеченскую войну так, что у него работали и русские, и чеченцы, и никаких конфликтов не было. Он сказал, – я поеду в Ахалцихе и устроюсь.

Он действительно туда поехал. Так случилось, что он купил дом на улице, где проживали исключительно армяне. Тогда, в крайнем случае. Мы держали с ними связь. Он говорил, что подозрительность такова, что кто-то приходит и тайком наблюдает за ними. Потом соседи армяне их спрашивают, – а нет ли там каких-нибудь тайных сборищ? Не ведутся ли там какие-нибудь тайные действия? Сам этот парень сделал очень умно. Там была армянка, ее муж был заключенный. Он отдал ей часть своего дома, то есть, приютил эту семью, для того, чтобы информация оттуда поступала бы более открыто. Кроме того, о.. им помогал, хорошо общался с ними... И приблизительно через год-полтора, когда я туда приехал и у меня была беседа там с соседями, они сказали, что мол, знаете, если они ***все*** такие, то мы не против. Наоборот, мы готовы сейчас уезжать, мы можем продать им свои дома. И в

действительности, та улица была настроена на эмиграцию, там жили только армяне. Сейчас там проживает как раз большинство месхетинцев.

Эта семья имела дом своих предков в одном из сёл. И люди, которые живут в их сельском доме, приезжают к ним в Ахалцихе, прекрасно ведут беседы, эти, в свою очередь, часто ездят в собственное родное село, останавливаются в том доме... И хозяин того дома сам говорил мне – убеди их, пусть они приедут, мы и землю дадим, если хотят, пусть заберут дом, пусть нам компенсируют, мы перейдем в другое место...

То есть, вот этот контакт между простыми людьми – самый эффективный путь на данном этапе, а не то, что громогласные заявления... Лозунговый период, вероятно, когда-то и будет работать на определенном этапе, но на данном этапе проблема должна решаться посредством расширения круга людей, которые находятся здесь. То есть, через вас, и дальше...

И тем самым подрывается, знаете что? Подрывается та пропаганда со стороны официальных властей, которая спекулятивным образом старается создать образ врага. Вот, когда по телевидению выступал губернатор Ахалцихе, у него было такое заявление: "Сюда не посмеет ступить не только какой-нибудь туркмен..." (почему-то эти "турки" превратились в "туркменов") *(смех в зале)*... Он специально это акцентирует, – "...но, даже будучи грузином-мусульманом (а там живет огромное количество аджарцев!), мы не разрешим ему сюда ступить!.." Вот этот стереотип, исходящий от властей, ломается.

Что касается общей проблемы, то в целом, наша работа должна быть направлена на расширение этого процесса. Наш Круглый стол сегодня – это тоже маленькое зернышко, которое даст свои ростки. И чем дальше мы пойдем, тем успех будет больше.

Клара Бараташвили – Спасибо большое, Гурам Самсонович. Вопросы к докладчику.

Нуриддин Хосадзе – То, что вы рассказали сейчас, – точно такое же положение было в 80-х годах, когда вышло постановление правительства Грузии о переселении месхов.

Гурам Мамулиа – Это типичное явление. Просто я взял, так сказать, срезку последних времен. А тот процесс прошли и вы сами.

Нуриддин Хосадзе – Да.

Гурам Мамулиа – Он просто повторяется. В ваше время это было сложнее, потому что в условиях существования Советского

Союза четко вычерченной политики в отношении вас не могло быть. Вас просто считали рабочей силой, и всё. И когда вы говорили о своей грузинской принадлежности, они даже слышать не хотели. Хотя и негласно говорили, что старайтесь, чтобы дети ходили в грузинские школы.

Но в данных условиях положение в целом меняется. В перспективе условия для вашей интеграции в грузинское общество гораздо благоприятнее.

Здесь вопрос касается, знаете чего? В какой этнической группе вы окажетесь, когда у нас сложится "государство-нация"? По прогнозам, которые я сам вижу... Так как у вас нет сложенной национальной психики, то есть, вы выключились из этого процесса, когда в Грузии была эпоха феодализма. И этот процесс возвращения будет аналогичным тому, как интегрировались в грузинское общество аджарцы. Тех, кто приедет в Грузию, ожидает подобное. И это четко прослеживается даже тогда, когда вами никто не занимается – никакими специальными адаптационными программами. Были периоды, когда вы были вообще забыты. Но, несмотря на это, – проходит год, два, три... Когда мне приходилось общаться с вами, с теми, которые проживают в Западной Грузии... Несмотря на то, что уже никто ни о чем не напоминал, ни о национальности, ни о чем, эти люди все равно осознавали себя и становились грузинами. Так что этот процесс будет происходить вне зависимости от того, что мы будем делать. Если вы вступите на грузинскую землю, то ваша интеграция будет именно в грузинскую нацию. Этот процесс будет протекать быстро, если заниматься этим делом планомерно, или же будет стихийным, если этот вопрос не будет волновать наше общество.

Марат Бараташвили – Спасибо всем. После выступления господина Мамулиа я понял, что прошло время, когда указом или постановлением одного человека передвигались огромные массы людей. То есть, возвращение будет не насильственным, а добровольным. Но добровольным с двух сторон – добрая воля возвращающегося, и добрая воля принимающего. Добрая воля возвращающегося у нас есть, но у нас нет доброй воли принимающего, которую надо...

Гурам Мамулиа – Сформировать...

Марат Бараташвили – Да, давайте будем продолжать уже на эту тему.

Гулабер Ананиашвили – Формирование общественного мнения

– большая проблема в условиях нашего государства. И она пока еще хорошо не очерчена. Народ, в общем-то, не имеет каких-то определенных ориентиров, намеченных государством. И у нас такая среда, которую описал известный психолог Эрих Фромм. Это феномен "бегства от свободы". То есть, мы получили независимость, но свободными не стали. Поэтому, как сказал батони Гурам, наблюдаются такая агрессия: когда человеку, вышедшему из-за колючей проволоки, дают свободу, он не знает, что с ней делать. Он то кидается назад, то вперед, ищет нового хозяина, не находит места, и наблюдается такая агрессия.

Сегодня мы должны сплотиться, мы должны как-то объединить наши усилия, чтобы наша позиция была четко обозначена. Чтобы со стороны государственных структур было замечено усиление этой позиции, – что мы хотим ***положительно*** решить эту проблему. И нужен системный подход, и только системный. Тут, мне кажется, масс-медиа должна сыграть свою роль. Вот тут у нас Студия Re, они многого добиваются своими средствами.

Кроме того, надо обратить внимание на фактор провокаторов. И со стороны месхетских диаспор, и с нашей стороны. Они управляются из единого имперского центра, причем, игра – примитивная, топорная. Но сегодня другие правила игры – Грузия обрела функцию, она – связующее звено, становой хребет региона, в стабильности которого заинтересовано мировое сообщество. Так что все эти антигрузинские игры яйца выведенного не стоят. Но от этого нам легче не становится. Поэтому надо высвечивать этих провокаторов. Здесь, например, они прикрываются парламентскими мандатами, сидят в структурах канцелярии, министерств и т.д. А там – они опекаются ФСБ, всякие "Ватан", "Умид" и другие организации, не все, естественно. В "Ватане" могут быть нормальные люди, дезинформированные, но там есть кучка провокаторов, которые мутят воду в разных направлениях.

Марат Бараташвили – Спасибо. Мы поняли, что нашей работе мешают манипуляции какого-то имперского центра, какого, правда, мы не узнали... Что еще нам мешает?

Гулабер Ананиашвили – Нет, я скажу. Москва!.. В первую очередь – Москва! Я об одной стороне только говорю, а вообще-то системный подход подразумевает многое. Это и усилия НПО, это и усилия правительства – без них как можно добиться чего-то реального? Это и масс-медиа, это поддержка международных организаций... но я заострил внимание только на одной стороне.

Марат Бараташвили – Спасибо. Вы только что упомянули о том, что могут сделать такие организации, как Студия Re, я знаю, что они многое сделали до сих пор. Они заложили в сознание неправительственных организаций фундамент того, что этим вопросом ***надо*** заниматься. Что посоветует Студия Re, – на что сейчас надо акцентировать внимание, – с учетом сегодняшнего обсуждения?

Михаил Мирзиашвили – На перерыве мы с Кларой Бараташвили говорили, и я сказал, что мне нравится, что сами месхетинские организации активизируются. Конечно, это не касается тандема Бараташвили, но желательно, чтобы они сами рассказывали о себе, и сами встречались с людьми. Тот цикл передач, которые мы сделали, конечно, произвел какой-то эффект, это выходило на 2-м канале государственного телевидения, и мы старались расширить эту аудиторию. Мы предлагали копии телепрограмм региональным телевидениям, в том числе, Месхети.

Клара Бараташвили – Какая была реакция?

Михаил Мирзиашвили – Мы предложили спектр наших программ, там было вообще, о национальных меньшинствах и других проблемах, которые актуальны в Грузии. Но они выбрали, так сказать, не те. Они как бы не решились запустить у себя те программы, которые касались месхетинского вопроса. Но это их право...

Но вот недавно они взяли наши программы. Предложение шло уже оттуда. Есть такой фонд "Горизонт", там их местное представительство, мы для их архива сделали копии, и отослали. Нам кажется, что такое предложение более ценно. Все-таки лучше, если заинтересованность идет оттуда.

Это, что касается масс-медии. Вообще, у меня тоже нет рецепта, – что надо делать. Был опыт Ассоциации молодых юристов, когда они пригласили на специальный семинар в Бакуриани журналистов из телевизионных организаций и прессы. Но самые яркие (в том смысле, что пишут о месхетинцах довольно-таки странные статьи), они в первый же день уехали оттуда по неестественной причине. Им не понравилось, как их расселили в комнатах. Конечно, это курьез, но это показатель. Люди, которые пишут об этой проблеме, главная претензия к ним, что они пишут поверхностно, не вникая в саму суть. Им была предоставлена возможность вникнуть, но они, так сказать, ушли от этого.

Одно направление – работа с журналистами, подключение их к

каким-то семинарам. И главный путь, по-моему, тот самый, который ведет к общению. Сами месхетинцы должны быть активными, они молодые (я имею в виду студентов), многие получают юридическое образование. Я призываю их быть активными гражданами, чтобы они появлялись в обществе и на семинарах, которые касаются не только месхетинской проблемы. А вообще показывали, что они такие же граждане Грузии, как и другие. По-моему, это тоже поможет.

Марат Бараташвили – Спасибо, Миша. Мы очень ценим сотрудничество со всеми нашими коллегами в Грузии, и скажу, что нам повезло, что мы смогли познакомиться и постараться вместе работать с такой крупной широкомасштабной организацией, как "Многонациональная Грузия". В рамках этой организации можно многое достичь. Я бы хотел посоветоваться с вами, скажем, господин Заур Халилов. Как вы видите проблему?

Заур Халилов – В народе бытует мнение, что люди не согласны, и это – представители какой-то этнической группы, ...в данном случае, это армянский этнос. Я беседовал с ними, и у меня сложилось впечатление, что у многих присутствует фактор страха. Это вина историков, – само слово "турок" для представителей этого этноса, живущего там, само является фактором страха. Ну, естественно, это надо как-то перебороть, и перебороть это можно опять-таки с тамошними представителями неправительственных организаций.

За последнее время оттуда пошла очень сильная активизация. Есть профессиональные неправительственные организации, которые уже завоевали свой авторитет. На фоне тех сепаратистских организаций, которые пользовались незнанием людей, сейчас это уже по-другому. Есть студенты... За последние несколько месяцев студенческое движение в Грузии проявило себя довольно серьезно. Они тоже могут по своей линии пробивать этот вопрос. Опять же ваше активное участие может позволить вам более компетентно и профессионально предоставлять людям информацию... Личные контакты смогут вынести проблему на более широкий уровень.

Мое мнение – государство должно все-таки взять какое-то направление. Это тоже от вашей активности зависит. А так, если спросить в Гурии какого-нибудь крестьянина – будет там месхетинец жить или не будет? – в принципе, ему все равно, кто у него будет соседом – на обывательском уровне это по-другому.

...В последнее время мы делали цикл встреч с представителями фракций парламента, с министрами хотим встретиться, мы уже встречались с председателем парламента и хотим более глобально... Не тогда, когда государству нужно, а всегда. То есть, у нас есть проблемы, мы хотим об этом ***больше*** говорить.

Проблема со средствами массовой информации... Я не могу сказать, как можно решить эту проблему, потому что эта проблема есть и, наверное, еще несколько лет будет. На мой взгляд, существуют две прессы, – русскоязычная и другая. Русскоязычная пресса, она в основном, находится под покровительством государства и то, что мы сейчас говорим, или то, что есть на самом деле, – к сожалению, не попадает на эти страницы. А что касается грузино-язычной прессы... К сожалению, у нас вся пресса коммерческая, и все работают на скандалы. Если произойдет драка, и кому-то там череп проломают, – тогда они едут с большим удовольствием, и говорят, что произошел конфликт. А если просто – сделать какой-то цикл передач или просто какой-то материал пустить, что вот эти люди есть, живут, – об этом никто и не думает, к сожалению. Опять-таки это проблема – наша, и мы должны наладить. Они есть, мы тоже есть, просто нам надо пути взаимоотношения найти обязательно.

Марат Бараташвили – Спасибо, Заур.

Гурам Мамулия – Можно я скажу? По поводу государства. Есть прекрасная рекомендация комиссии Евросовета, – когда они последний раз приезжали сюда. Там было сказано, чтобы президент перед принятием закона заявил бы открыто, четко бы высказал свою позицию. Этого нет.

Михаил Мирзиашвили – И, наверное, не будет...

Гурам Мамулия – Этого не будет до тех пор, пока не будет глас, что называется, из низов, пока он не почувствует, что положение меняется.

Заур Халилов – Это классика – "Низы не хотят, верхи не могут".

Гулабер Ананиашвили – Он – как раз из тех людей, которые очень чутко реагируют на этот фактор. Он пойдет на любые уступки, на компромиссы, лишь бы как-то нивелировать эти низы. (*Оживление*)

Гурам Мамулия – В целом наша слабость заключается в том, что здесь нет значительного количества месхетинцев. Которые могли бы оказывать влияние на этот процесс. Вторая слабость в

том, что сами месхетинские неправительственные организации не работают с максимальной отдачей. Потому что у них слабая экономическая база. В этом дело. И третье, если хотите знать, – государство только тогда пойдет на изъявление своей воли, когда оно увидит, что ему грозят реальные санкции со стороны европейского сообщества. Да, вот эти факторы, которые надо максимально развивать.

И недаром мы ушли из правительственных структур. Почему ушли?

Клара Бараташвили – В знак протеста.

Гурам Мамулиа – Не только в знак протеста. Нас просто там держали – как бы декорацией…

Клара Бараташвили – Что такая служба есть…

Гурам Мамулиа – Да… Для обмана. Что было странно… это выдаёт психологию правящего слоя. Когда я стал руководителем Службы репатриации, то многие, даже как будто бы нормальные люди на уровне высоких чиновников говорили мне, – как, мол, Шеварднадзе умно поступил, что тебя назначил. Что ты очень ловко сможешь обмануть месхетинцев – как не надо сделать это дело…(*Смех*)

То есть, я хочу сказать, что в общем, все мы – дети очень плохой истории. И на данном этапе надо максимально развивать снизу. Поэтому мы ушли, и сейчас работаем именно в этом направлении. Может, это неприятно слышать многим на верхах, – что само правительство не хочет этого. То есть, оно как раз ведет обман европейского сообщества. И если ваши, другие неправительственные организации, наряду с месхетинцами, это дело расширят, вы сможете широко вынести это, то дело получит большой сдвиг. Надо ***сообща*** решать эту проблему, потому что…. Помните одно, – если ***их*** дела будут плохи, то и ***ваши*** дела тоже не будут хороши.

Заур Халилов – Я думаю, наоборот – если наши дела будут плохи, то их – вообще… (*Смех*)

Гурам Мамулиа – Да… Вы тоже будете рассматриваться изгоями.

Заур Халилов – Мы и так… Если меня спросить, если взять представителей этнических групп, они и так считаются изгоями – на данном этапе…(*Оживление в зале*)

Нуриддин Хосадзе – Это взаимосвязано…

Заур Халилов – Да, это взаимосвязано…

Клара Бараташвили – Поэтому мы все здесь…

Заур Халилов – Да… Когда говорят, что армяне в Джавахети не хотят, это опять-таки государство…

Гурам Мамулиа – Знаете, ***что*** вы должны изжить в первую очередь? Вы – национальные меньшинства? Вы должны избавиться от тех людей среди вас, которые, подыгрывая существующей канцелярской бюрократии, стараются выдавать страну за какую-то счастливую демократическую Аркадию. Что вы, мол, очень довольны, что вам ничего не надо, что вы все хорошо себя чувствуете. А то, что в действительности… Несправедливость – она не только на вас распространяется, она распространяется на этнических грузин, в первую очередь, потому что их больше всего – в процентном отношении. Вот ***это*** надо изживать…

Марат Бараташвили – Спасибо. Получается интересный мозговой штурм на тему "Что делать?" Пожалуй, продолжим его, потому что очень важен взгляд с многих колоколен…

Вместе с нами здесь – Цира Месхишвили, NGO "Толерант" из Ахалцихе. Пожалуйста.

Цира Месхишвили – Мы больше всего имеем права касаться этой проблемы (я думаю, никто не обидится), потому что месхи-репатрианты – по происхождению из нашего региона. Так что, естественно, мы должны больше всех думать об этом. Но я вижу, что в Тбилиси работа по этой линии идет больше, здесь больше людей, которые поддерживают восстановление справедливости. Больше, чем в Самцхе-Джавахети, – это я хочу сказать честно.

Но! Если посмотреть с другой стороны, народ вообще не виноват. Потому что наше местное население перенесло на себе несколько экспериментов. В 1988-м году было очень хорошее настроение, и все стояли рядом с нашими месхами, они жили в сёлах, сдружились… И вдруг что-то случилось, кому-то что-то не понравилось, и это настроение меняется. И когда идет информация в регион, не говорится о том, что вот, это – восстановление справедливости, что это будет на благо Грузии…

Наоборот! До нас доходят только документы – что написал "Ватан", публикуются всякие… Если будет нормальная информация… В конце концов, там живет интеллигенция, педагоги, университетские профессора, а не все же такие, которые ничего не читают. И они это все хорошо могут анализировать, если дадим нормальную информацию. И, самое главное, первые шаги ***мы*** должны сделать. Вот у нас очень много NGO, Заур назвал

несколько, и они хорошо работают. Как я вижу, этой проблемой пока ни одно NGO не заинтересовалось. Если даже не афишировать себя, ну, хотя бы устроить несколько встреч и посмотреть – что вы хотите? Вы – против. Но почему? Почему просто не поговорить сначала с этими людьми?

Они представляют, что приедут огромные грузовики, вагоны, сразу всех начнут переселять в Самцхе-Джавахети, и никому места не останется, все остаются без земли... Они так представляют!.. Потому что и телевидение, и журналисты – все твердят об этом. И на встречи из Самцхе-Джавахети приглашают именно радикалов. Приглашайте людей, которые думают нормально, у которых есть вот эта... толерантность. Но на эти встречи попадают именно эти двое или трое, которые не имеют морального права выражать настроение всего Самцхе-Джавахети. Они собирают подписи. Некоторые даже не знают, под чем подписываются. Просто им говорят – "Ватан" пишет, что они должны присоединиться к Турции, открыть мечети, турецкие школы... Вот, давайте, поедем вместе в Ахалцихе, любого второго остановим, он это всё изложит. В конце концов, уже настало время, чтобы люди не так думали, о чем десять лет рассуждают. Одно и то же я слышала в 1991-м году, то же самое я слышу сегодня. Абсолютно никакой разницы между этими призывами нет. Сегодня один депутат кричит, десять лет тому назад другой депутат кричал. (*Смех*)

Нельзя, понимаете, что-то должно измениться... Кто это должен делать? Должны делать ***мы***. Пригласить из Ахалцихе молодежь хорошую, студентов, у нас есть великолепная организация "Союз демократов месхов"... Но и среди них есть люди, которые не так думают, как нужно. Потому что у них нет информации. Не все же могут быть историками. Я это очень хорошо знаю, потому что двадцать лет изучаю историю Месхети.

Клара Бараташвили – Цира – кандидат исторических наук...

Цира Месхишвили – Ни один NGO-шник не может знать столько, сколько я знаю – все архивы, все материалы... Это я одна! Но таких, как я, там очень много. Но они боятся, они не могут говорить.

Поэтому уже пора. Я сама хочу. Сейчас готовлю проект... Сначала это будет круглый стол, сядем, поговорим, и этих радикалов я приглашу. И, в конце концов, не на уровне митингов это будет, которые в последнее время проводят – это ужасно! Когда

человек стоит, и оттуда кричат в микрофон: тебя из дома выгонят, ты не сможешь на базаре торговать, твоя жена наденет чадру... (*Смех*) Вы понимаете, что это такое? И десять лет это долбят, и долбят... Там обыкновенные люди живут, у них свои проблемы. И большая эмиграция, это маленький город все-таки. В Тбилиси можно все-таки чем-то прожить, а в Ахалцихе это невозможно. В деревнях землю люди не могут обработать, а сейчас скажи им, что ты должен еще кого-то принять. Поэтому надо работать, и давайте, все вместе будем работать.

Возьмем пример наших Хуцишвили (*семья месхетинских репатриантов, проживающая в г. Ахалцихе* – **ред.**). Отличные отношения с населением. Значит, можно урегулировать отношения? Кстати, у него там и свои магазины, и мы все бегаем туда, и у него всё покупаем, потому что видим, что он хороший бизнесмен, и городу такие люди нужны... И приедут такие же работящие, нормальные люди. Дети его в грузинской школе учатся, в городе любят его. Он уже наш! Если это возможно, почему невозможно с другими? Но это должно быть поэтапно, и мы должны подготовить этот процесс.

Я уверенно могу сказать, что у нас в городе это возможно. Ахалцихе – это центр, он имеет очень большое значение. Политика в Самцхе-Джавахети делается в Ахалцихе, и отражается потом в Ахалкалаки или в Аспиндзе, и везде. ***Политика делается у нас***. Если у нас пойдут радикальные изменения в сознании народа по этому вопросу, потом уже постепенно и Джавахети, и в Аспиндзе и в Адигени будут положительные процессы. Я в этом уверена.

Гулабер Ананиашвили – Что мы должны сделать, чтобы положение кардинально изменилось?

Цира Месхишвили – В первую очередь, нормальная информация – объективная. Не на уровне нашего депутата и некоторых лиц, которые выступают от имени месхетского народа. Информация – объективная, что эти люди – наши, и они никого не хотят истребить. Чтобы излечить страх этого народа, который каждый день думает, – что с нами будет, если они приедут? Это первое. И второе – надо начинать с населением нормальный диалог. Не митинг, а сесть и поговорить, вот как мы сегодня. Никто нам не мешает.

Гулабер Ананиашвили – На каком уровне? На уровне неправительственных организаций?

Цира Месхишвили – Сначала с неправительственными

организациями. Сразу же идти в организации и школы, – это невозможно. Сначала надо подготовить почву. Потом педагоги, интеллигенция. Вот университет может быть центром этих встреч.

Гулабер Ананиашвили – А как вы себе представляете отношения со всякими Тактакидзе, Тамарашвили (*депутаты парламента от Самцхе-Джавахети* – **ред.**) и так далее, которые мандатом размахивают?

Цира Месхишвили – В том-то и дело, что мы их должны как-то перебороть.

Марат Бараташвили – А может, тех, кто им мандат дал...

Цира Месхишвили – Нет, это невозможно. Не мы давали ему этот мандат, он там по спискам прошел... (*оживление*) Вы понимаете, у нас говорят, – если хочешь стать депутатом, обязательно должен сказать плохое о месхетинских турках. (*Смех*). Народ это понимает!

Гурам Мамулиа – Понимает...

Цира Месхишвили – Уже понимает. В последний раз у нас должен был состояться митинг, так он не состоялся. Люди не пришли. Надоело им все это. Поэтому я говорю, что если начнем диалог с народом, сначала объясним, что это – обыкновенные наши грузины. Это нормальный, работящий народ. Ну, что нам делать, что судьба так распорядилась? Это первый этап. А потом...

Рустам Бекадзе – Они что, не знают об этом?

Цира Месхишвили – Не знают! У них очень агрессивное отношение. Они представляет себе монстров.

Рустам Бекадзе – Ну, во всяком случае, не знают те, которые поселились после нашей высылки.

Цира Месхишвили – Молодежь откуда знает? Старики знают...

Марат Бараташвили – Стоп-стоп, коллеги... Прекратим перепалку. Давайте по очереди.

Гулабер Ананиашвили – У меня вопрос. Как меняется отношение местного населения Ахалцихе к репатриантам после приезда туда всяких депутатов?

Цира Месхишвили – В прошлом году к нам приезжал Шарадзе (*депутат парламента* – **ред.**)... И было агрессивное настроение. Не все знали, что у нас ребята-месхи учатся. "Как это, – студенты!.." "Кто их сюда привел?.." Тогда всего три человека заступились за них. Это были я, батони Уча, наш представитель районной управы и Мераб Беридзе. Очень скромно... Только три человека во всем зале, которые могли защитить этих мальчиков...

Батони Мераб никогда не давал в обиду своих ребят.

Гулабер Ананиашвили – А реакция в зале какая была?

Цира Месхишвили – Реакция зала была такой, что поддерживали Шарадзе. Туда таких пригласили. Мы же случайно туда попали. Там были из деревень, из Уде привезли автобусами, из Арали, из Мусхи, – этих стариков, которые размахивали палками... там специально такая публика была. Но чтобы на следующий день этих студентов кто-то обижал... Мераб сразу сказал ...

Марат Бараташвили – Мераб Беридзе – ректор университета.

Цира Месхишвили – "Если хоть один волосок с моих студентов упадет, я взорву весь этот интернат". (*Смех*) И всё. Потом они сами сказали – нет, что вы, мы детей, конечно, не собираемся трогать...

Гулабер Ананиашвили – Но, говорят, их выселили из интерната, где они жили, да?

Цира Месхишвили – Нет, нет, не выселили. Просто там были плохие условия, и ребята сами на квартиры переехали.

Марат Бараташвили – Спасибо. Сейчас у нас на очереди Исо Молидзе.

Исо Молидзе – Молодежный союз "Месхети". (*Обращаясь к Цире Месхишвили*) Может, у вас информации нет или вы, наверное, в то время там не были. Мы ***каждый год*** в Ахалцихе в университете проводим встречу со студентами и преподавателями. У них, я думаю, есть достаточно информации о нас.

Я думаю, здесь проблема в другом. Я с вами согласен, что надо встречаться, надо проводить диалоги, всё-всё... Я согласен с батони Гурамом тоже, что он говорит, что мы очень слабо работаем. Действительно, нам, месхетинцам, кажется, что мы многое делаем. На самом деле – очень мало. Я что хочу сказать... Население, которое живет в Самцхе-Джавахети, хотя знает, что Советского Союза уже нет, все равно живёт...

Цира Месхишвили – Старым менталитетом...

Исо Молидзе – Если вы с ними будете говорить на тему месхетинцев, они сперва против будут.

Цира Месхишвили – А потом – да...

Исо Молидзе – А потом согласятся – да, мы не против, приезжайте... Последнее слово все равно у них будет такое: "Как сверху решат, так и будет". Значит, никто не спрашивает у этих

людей, возвращать нас или нет. Когда высылали, тогда тоже не спрашивали, сейчас тоже. Сейчас, я думаю, надо взять в руки телевидение, радио…

Мамука Купарадзе – Телеграф… (*Смех*)

Исо Молидзе – Да! Всё! И надо встречаться со всеми! Будет Тамарашвили, будет это Шарадзе… Это верхушка всё портит. Когда мы с ними встречаемся, – обнялись, поцеловались, разошлись, всё. Но смотришь, по телевидению показывают Шарадзе или там Саакашвили, которые выступают: "Я – против!.."

Конечно, они больше стоят, чем мы с вами. Я думаю, с ними тоже параллельно надо работать.

Цира Месхишвили – Больше делать нужно, больше…

Исо Молидзе – Да, больше! Но я думаю, что у нас нет государственной политики … (*Шум в зале.*)

Цира Месхишвили – Ее никогда не будет…

Исо Молидзе – Если в месяц хоть один раз будут говорить что-то положительное о нас…

Марат Бараташвили – Хотя бы!

Цира Месхишвили – Но нас не изберут депутатами – что делать… (*Смех*)

Цицино Грдзелишвили – И если хоть раз в месяц вы будете устраивать подобные встречи… Людям надо объяснять…

Вот тот же пример. Мы были на первой встрече. Молодой мужчина 25 лет. Сам беженец из Абхазии. Инвалид – он воевал во время конфликта в Абхазии. И он сказал, – меня очень интересует эта тема, я прошу, – начните с истории. Вы знаете, какую глубокую историю пришлось рассказывать этому человеку? Я, например, знаю, потому что я с Кларой и Маратом сотрудничаю. А то моя первая встреча была с Сарваровым. И мои впечатления, скажу я вам, были не очень хорошие. Поэтому такие встречи надо больше проводить.

Исо Молидзе – Я не против. Я просто говорю, что вопрос все равно решает правительство.

Цицино Грдзелишвили – Мой дорогой, когда человек посидит с тобой и вот так поговорит, – он уже не будет против тебя.

…Вы знаете, что за шум такой сейчас наверху? Это у нас молодежь "Дебат-клуб" проводит. Они каждую субботу собираются и обсуждают какую-то тему. Вот давайте, мы им нашу тему закинем! (*Оживление*) Вы знаете, они – культурные,

интеллигентные люди. Но спросите у них о месхетинцах, они скажут – это турки, которым в Грузии делать нечего. Да! Эту работу ***с них*** надо начинать.

Вот я говорю о проблемах беженцев, когда меня спрашивают. Ну, я из Абхазии, это моя боль. Меня спрашивают, не спрашивают – я все равно говорю. Так и вы…

Исо Молидзе – Я вам говорю: самое главное, – власть не хочет!

Цира Месхишвили – Они тоже изменятся…

Исо Молидзе – Пока их не убедишь, пока с ними не разберешься, этот вопрос не решится. Надо Евросовет использовать…

Марат Бараташвили – Слово имеет Джемшид Татидзе. "Поговори, брат!.." (*Смех*)

Джемшид Татидзе – Я хотел, чтобы про нас хотя бы фильм, что ли сняли – художественный или документальный. Такой фильм очень поможет нашему делу. Я знаю, что у многих, у кого были проблемы с возвращением на свою родину, такие фильмы сняты. И когда человек посмотрит подобный фильм, он будет думать – как бы помочь этим людям? Можно это сделать. Я даже уверен, что такой фильм будет иметь кассовый успех. Просто я не знаю, как познакомиться с режиссерами, это можно сделать даже на уровне Голливуда.

Клара Бараташвили – Отправляем заявку в Голливуд. (*Оживление*)

Марат Бараташвили – Пожалуйста, Эмиль.

Эмиль Адельханов – По правде сказать, я очень во многом концептуально не согласен со многими выступающими. Но об этом сейчас говорить не будем. Потому что концептуальные споры – совсем другое дело. Я просто хотел несколько слов к нашей теме. А именно, то, что касается диалога, и то, что касается средств массовой информации. Прежде всего, эти встречи необходимо проводить на уровне местных NGO, то есть, из Самцхе-Джавахети и месхетинских не из Месхети. Непременно проводить! Такое однажды мы устраивали. Это нужно делать просто ***регулярно***. Дальше. Совместные мероприятия – самые разные. Скажем, как отнесетесь к такой идее? К примеру, совместные поездки представителей ваших NGO, месхетинцев и, допустим, представителей тбилисского NGO в Краснодарский край по месхетинским местам. (*Оживление*)

Клара Бараташвили – Хорошая идея…

Эмиль Адельханов – Тут еще в чем дело... Представителям грузинских NGO нужно выезжать ***регулярно***. Кроме Студии Re, насколько я знаю, никто практически по месхетинским местам не ездил за границу Грузии.

Далее. Когда мы говорим о средствах массовой информации. На телевидение надежда плохая, даже на Рустави-2. Студия Re, насколько я знаю, берет максимально, что может, от второго канала, но второй канал больше, чем он даёт, давать не будет. Но мы забываем о таких средствах массовой информации, которые, скажем, не так зависят от местного общественного мнения. А именно – Радио Свобода – практически его не использовали. Или Интерньюс. Интерньюс вещает на несколько соседних стран.

Я что хотел бы добавить, – когда мы говорим, что всё зависит от центра... Центр, в свою очередь, ссылается на общественное мнение. Утверждает, что он вынужден с ним считаться, что он зависит от общественного мнения, негативно настроенного. Поэтому необходимы регулярные встречи этих самых NGO. Если не еженедельные, то хотя бы ежемесячные.

Марат Бараташвили – Спасибо. Было очень интересно. Сейчас мы ознакомимся с проектом Резолюции, обсудим, а затем постараемся принять наш совместный документ.

После обсуждения проекта Резолюции участники приняли ее в следующей редакции:

РЕЗОЛЮЦИЯ

Мы, участники Круглого стола, представители ряда НПО Грузии собрались и обсудили вопросы, связанные с отношением разных слоев грузинского общества к представителям депортированного месхетинского населения.

Мы вынуждены констатировать,

✓ что у определенной части населения Грузии отношение к депортированным месхетинцам крайне негативное, а зачастую и агрессивное. Большинство же жителей страны ничего или очень мало знают о бывших своих согражданах. Это вызывает нашу озабоченность и обеспокоенность, так как совсем скоро должна начаться добровольная и поэтапная репатриация депортированных месхетинцев в Грузию.

Мы выражаем свою озабоченность в связи с тем,

✓ что, несмотря на свои международные обязательства, наше государство до сих пор не создало законодательную базу для репатриации депортированного в 1944 году месхетинского населения.

Мы считаем недопустимым,

✓ что до сих пор не существует информационной политики Грузии по месхетинской проблеме даже в сфере государственных СМИ. А то, как эта тема преподносится населению на страницах печати, по радио или ТВ, не соответствует ни интересам граждан и репатриантов, ни интересам грузинского государства в целом.

Мы убеждены,

✓ что имеющиеся у населения Грузии негативные стереотипы в отношении депортированных месхетинцев в решающей степени могут и должны быть устранены в результате прямых и непосредственных контактов между представителями сторон.

Мы призываем

✓ правительство, неправительственные организации и СМИ Грузии, международные организации максимально содействовать продолжению широкомасштабного диалога представителей

депортированных месхетинцев и разных слоев населения Грузии.

Мы уверены, что, используя разнообразные формы и методы эффективных мер по укреплению доверия, можно добиться бесконфликтной репатриации месхетинцев в Грузию. И это станет еще одним значительным шагом в продвижении нашего общества на пути к демократии и уважению прав человека и гражданина.

Проведение Круглого стола стало возможным благодаря пилотной программе региональной общественной организации "Международное Ненасилие".

16 февраля 2002 г.
Тбилиси, улица Воронина, д. 14,
Тбилисский Дом Молодежи.

Настоящая Резолюция открыта для подписания всеми заинтересованными лицами.

***

Резолюция была подписана всеми участниками Круглого стола.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

1-я Встреча-Диалог
Месхетинские Репатрианты – Вынужденно Перемещенные Лица из Абхазии 5

2-я Встреча-Диалог
Месхетинские Репатрианты – Представители Нацменьшинств, проживающие в Грузии 38

3-я Встреча-Диалог
Месхетинские Репатрианты – Представители Аджарцев 72

Круглый стол
"Пути преодоления негативных стереотипов в отношении депортированных месхетинцев" 91